Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прослуживъ болѣе 40 лѣтъ сначала военнымъ врачемъ, потомъ—городскимъ и земскимъ, а послѣднія 12 лѣтъ—мировымъ судьей, я былъ свидѣтелемъ многихъ знаменательныхъ событій прошедшаго пятидесятилѣтія и реформъ, совершенныхъ послѣ 19 февраля 1861 года, а въ земской—принималъ дѣятельное участіе.

Теперь, выйдя въ отставку, я рѣшился собрать воедино свои воспоминанія, въ надеждѣ, что они могутъ послужить до нѣкоторой степени матеріаломъ для характеристики этой эпохи, хотя событія, описываемыя здѣсь, совершались, большею частью, въ тѣсномъ провинціальномъ кругу.

Большинство лицъ, о которыхъ здѣсь говорится, уже умерли, а оставшіеся въ живыхъ почти всѣ удалились отъ дѣлъ, но воспоминаніе о ихъ дѣятельности, можетъ быть, будетъ небезинтересно для современниковъ.

Въ началѣ записокъ я говорю о Медицинской Академіи и студенческомъ обществѣ, какимъ оно было 50 лѣтъ тому назадъ, затѣмъ описываю тогдашнее военное общество, дореформенное состояніе города, въ которомъ мнѣ больше всего пришлось жить и дѣйствовать и, наконецъ, введеніе реформъ: 19 февраля, земской и судебной.

Записки эти редактированы подъ мою диктовку, такъ какъ я около 3-хъ лѣтъ назадъ потерялъ зрѣніе, а потому заранѣе прошу простить мнѣ неизбѣжныя при этомъ неровности изложенія и другіе промахи; за фактическую же сторону того, что разсказываю, я ручаюсь.

Александръ Алексѣевичъ Синицынъ.

Глава I.

(Императорская СПБ. Медико-Хирургическая Академія 1850—1855 г.г.)

Я поступилъ въ Академію осенью 1850 года. Въ 1898 году Академія праздновала свой 100-лѣтній юбилей. Я думаю, что ретроспективный взглядъ на то состояніе, въ какомъ она находилась 50 лѣтъ тому назадъ, будетъ небезинтересенъ.

Поступилъ я въ Академію не потому, чтобы имѣлъ какое-нибудь особое призваніе къ медицинѣ, а потому, во-первыхъ, что въ то время пріемъ на остальные факультеты былъ крайне ограниченъ, такъ какъ былъ положенъ штатъ студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, въ 300 человѣкъ, а, во-вторыхъ, потому что не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни. Отецъ мой умеръ отъ холеры въ 1848 году, оставивъ кое-какія бѣдныя крохи на содержаніе семейства, состоявшаго кромѣ меня изъ сестры и двухъ малолѣтнихъ братьевъ. Въ Медицинскую же Академію я могъ надѣяться поступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ, что равняется теперешнимъ стипендіатамъ.

Въ то время Академія не была особенно богата ни помѣщеніями, ни научными средствами. Главное ея зданіе, какъ и теперь, выходило на Неву. Посрединѣ его,—тамъ, гдѣ теперь—академическая библіотека, внизу, былъ парадный входъ, а во второмъ этажѣ помѣщались аудиторіи: анатомическая, химическая и физическая съ принадлежащими къ нимъ кабинетами. Налѣво вверху помѣщалась академическая клиника внутреннихъ болѣзней съ 30-тью кроватями и одна аудиторія; вправо находились кабинеты: анатомическій, паталого-анатомическій и ботаническій, а также одна аудиторія. Въ нижнемъ этажѣ влѣво находилась академическая хирургическая клиника съ аудиторіей, вправо зоологическій кабинетъ и нѣкоторыя другія помѣщенія. Съ правой стороны по Сампсоніевскому проспекту къ Академіи примыкало двухъ-этажное зданіе, гдѣ помѣщалась госпитальная хирургическая клиника Н. И. Пирогова. Слѣва къ главному флигелю примыкали: госпитальная терапевтическая клиника проф. Мяновскаго, а внизу акушерская и женская клиника проф. Киттера. Всѣ эти клиники были соединены съ главнымъ зданіемъ теплыми корридорами. Сзади этого зданія шелъ дворъ съ академическимъ садомъ. Между садомъ и главнымъ зданіемъ, выходившимъ на Неву, былъ анатомическій институтъ. Это было одноэтажное деревянное зданіе, раздѣленное на двѣ равныя половины. Въ одной

изъ нихъ была „святая святыхъ“, т. е. рабочій кабинетъ Н. И. Пирогова, гдѣ онъ въ то время вмѣстѣ съ В. Груберомъ, тогда еще прозекторомъ, составлялъ свой знаменитый атласъ, а въ другой студенты занимались препарированіемъ труповъ. Тутъ было 10 деревянныхъ столовъ, на которыхъ студенты препарировали. Надъ каждымъ изъ этихъ столовъ висѣли двѣ спиртовыя лампы, и къ каждому былъ проведенъ кранъ съ водой для его обмыванія и обмыванія труповъ. Никакихъ особыхъ приспособленій къ очищенію воздуха въ этой половинѣ не было.

Второе большое зданіе Академіи, сохранившееся и въ настоящее время и выходящее на Нижегородскую улицу, имѣетъ видъ двухъ параллелограммовъ, соединенныхъ между собой длиннымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщалась такъ называемая лѣтняя конференція, академическая церковь и столовая для студентовъ. Въ боковыхъ зданіяхъ были номера для студентовъ, квартиры инспектора и четырехъ его помощниковъ, затѣмъ Правленіе Академіи и квартира профессора Прозорова, считавшагося врачемъ для студентовъ. Впослѣдствіи на открытомъ дворѣ этого зданія былъ поставленъ памятникъ баронету Виллié, бывшему доктору Императора Александра I, оставившему по завѣщанію въ пользу Академіи милліонъ рублей. Къ этимъ зданіямъ съ разныхъ сторонъ примыкало нѣсколько флигелей, принадлежавшихъ 2-му сухопутному госпиталю.

Студентовъ въ Академіи было нѣсколько болѣе 500 человѣкъ. Они раздѣлялись на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ, или вольнослушателей. Первые, которыхъ было болѣе 250 чел., соотвѣтствовали теперешнимъ стипендіатамъ. Они жили въ томъ зданіи, гдѣ лѣтняя конференція, въ нумерахъ по 4 человѣка, и пользовались полнымъ содержаніемъ и форменной одеждой отъ Академіи, за что обязаны были отслуживать въ войскахъ 10 лѣтъ.

Кромѣ нихъ было еще 25 стипендіатовъ Царства Польскаго, обязанныхъ также военной службою, которые жили въ одномъ зданіи съ казеннокоштными студентами. Своекоштные студенты, или вольнослушатели были всѣ приходящіе и никакими пособіями отъ Академіи не пользовались. За слушаніе лекцій они платили по 15 рублей въ годъ.

Для поступленія въ Академію требовалось окончаніе гимназическаго курса или курса духовныхъ семинарій, хотя принимались лица, и не кончившія полнаго курса послѣднихъ. При вступленіи требовался экзаменъ изъ латинскаго языка, русскаго, одного изъ новѣйшихъ, изъ математики и физики, въ предѣлахъ гимназическаго курса, исторіи русской и всеобщей, русской литературы и З. Божія. Кромѣ того, требовалось сочиненіе на латинскомъ языкѣ

на заданную тему. Экзаменаторами были частью профессора Академіи, частью постороннія лица, по приглашенію Академіи. Въ годъ моего поступленія экзаменовали профессоръ химіи Зининъ—изъ математики, проф. физики Измайловъ—по физикѣ, а по-латыни—лекторъ латинскаго языка Вальтеръ; онъ же экзаменовалъ и изъ новѣйшихъ. По остальнымъ предметамъ были посторонніе экзаменаторы, частью изъ профессоровъ университета. Экзаменъ былъ довольно строгъ, въ доказательство чего приведу тотъ фактъ, что изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ, подавшихъ прошеніе о зачисленіи въ казеннокоштные студенты, выдержало экзаменъ только 29 чел., остальные остались за бортомъ. Вольнослушателей поступило въ нашъ годъ 40 съ чѣмъ-то человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 5 поступили впослѣдствіи въ казеннокоштные.

Латинское сочиненіе писалось въ Академіи. Для этого въ залѣ лѣтней конференціи за колоннами, находившимися въ противоположной сторонѣ отъ входа, ставились отдѣльные столы, за которыми помѣщалось по 2 чел. Каждому давалась отдѣльная тема и по два листа бумаги. Сочиненіе нужно было окончить и подать экзаменатору къ тремъ часамъ дня. Темы были, большею частью, историческія и отчасти философскія. Сочиненія эти приводили въ большое смущеніе экзаменующихся, въ особенности гимназистовъ, которые въ то время не отличались хорошимъ знаніемъ латинскаго языка. Вообще при пріемѣ отдавалось большее предпочтеніе семинаристамъ, считавшимся въ то время лучше подготовленными къ слушанію лекцій и обладавшимъ большимъ терпѣніемъ и выносливостью, столь необходимыми при изученіи такой обширной и трудной науки, какъ медицина.

Сочиненія эти такъ пугали многихъ, что немалое число экзаменующихся прекращали экзамены и брали свои документы назадъ, такъ что къ концу экзаменовъ число экзаменующихся значительно уменьшалось.

Экзамены продолжались около трехъ недѣль. Тотчасъ же по окончаніи экзаменовъ начиналось чтеніе лекцій.

Казеннокоштные студенты жили, какъ я уже сказалъ, въ Академіи на полномъ содержаніи по 4 чел. въ нумерѣ. Спальныя комнаты были отдѣльныя, общія для цѣлаго курса. Въ каждомъ нумерѣ было три большихъ стола и 2 шкафа,—одинъ для книгъ и бѣлья, другой для одежды.

Одежда была форменная, отличавшаяся отъ теперешней отсутствіемъ погонъ; вмѣсто параднаго полукафтана были мундиры старинной формы съ бѣлыми галунными петлицами. Головнымъ уборомъ служила трехуголка, въ фуражкахъ же позволялось ходить

только въ предѣлахъ Выборгской стороны, внѣ которой ношеніе ихъ строго преслѣдовалось. Въ 1853-мъ году трехуголки были замѣнены касками пѣхотнаго образца, на щитѣ которыхъ были буквы М. Х. А. Вольнослушатели могли носить обыкновенную штатскую форму, а потомъ для нихъ придумали особую форму, состоявшую изъ чернаго сюртука военнаго покроя безъ выпушекъ съ серебряными гладкими пуговицами и форменнаго образца черной фуражки, также безъ выпушекъ и съ тѣми же буквами М. Х. А. на околышѣ. Съ третьяго курса они пріобрѣтали право носить такую же форму, какъ и казеннокоштные студенты.

О внутренней жизни студентовъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Въ Академіи были слѣдующія каѳедры: 1-я каѳедра—описательной анатоміи, 2-я—физіологіи, 3-я—химіи неорганической и органической, 4-я — физики, 5-я—зоологіи, 6-я—ботаники, 7-я—геологіи и минералогіи, 8-я—фармакогнозіи съ рецептурой, 9-я—общей патологіи и общей терапіи, 10-я—частной патологіи и частной терапіи, 11-я — патологія хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называлось, теоретической хирургіи съ глазными болѣзнями и ученіемъ о сифилисѣ, 12-я—формакологіи, 13-я—акушерства и женскихъ болѣзней, 14-я—судебной медицины, 15-я—оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и 16-я—патологической анатоміи. Клиникъ было 5: двѣ клиники внутреннихъ болѣзней, двѣ хирургическихъ и одна акушерская съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ, не было клиникъ: глазной, сифилитической, отдѣльной клиники для женскихъ болѣзней, сыпной, дѣтской и клиники душевныхъ болѣзней.

Описательную анатомію читалъ проф. Нарановичъ, по старому руководству *Петра Загорскаго*. Ученіе же о внутренностяхъ, или спланхнологію читалъ его прозекторъ Илинскій, впослѣдствіи профессоръ патологической анатоміи, такъ какъ Нарановичъ не зналъ микроскопической анатоміи и поэтому не могъ читать о строеніи внутреннихъ органовъ.

Съ нашего курса было введено двухлѣтнее чтеніе анатоміи, и во второмъ курсѣ ученіе о нервной системѣ читалъ также Илинскій.

Лекціи Нарановича были довольно скучны, а иногда и не вполнѣ ясны, особенно лекціи о шейной и тазовой областяхъ, но посѣщались аккуратно, такъ какъ онъ былъ строгъ на экзаменахъ; лекціи же Илинскаго, отличавшіяся полнотой, соотвѣтствовавшія вполнѣ современному состоянію науки и при томъ изложенныя прекраснымъ языкомъ, постоянно привлекали большое число слушателей. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ патологической анатоміи сна-

чала въ Харьковѣ, а потомъ у насъ въ Академіи. Его можно считать основателемъ русской школы патологической анатоміи. Самымъ извѣстнымъ его ученикомъ былъ М. М. Рудневъ, бывшій потомъ профессоромъ этой науки въ Медицинской Академіи и выпустившій изъ своего кабинета цѣлую плеяду молодыхъ ученыхъ.

Препарованіемъ студенты начинали заниматься со второго полугодія 1-го курса. Каждый студентъ долженъ былъ сдать 6 препаратовъ въ годъ, при чемъ рука и нога считались за одинъ препаратъ каждая,—области таза и шейная—за два. Занимались препарованьемъ, большею частью, по вечерамъ. За каждымъ столомъ занималось не менѣе двухъ человѣкъ одновременно. Хотя по правиламъ Академіи занятіе препарованіемъ должно было продолжаться до 4-го курса включительно, но большинство студентовъ бросали его уже съ третьяго курса, на что, впрочемъ, не обращалось особеннаго вниманія. Завѣдывавшій этимъ дѣломъ прозекторъ Шульцъ, человѣкъ довольно лѣнивый, принималъ отъ студентовъ препараты очень поверхностно и почти не экзаменовалъ на нихъ студентовъ.

Кромѣ того, для изученія анатоміи студентамъ двухъ первыхъ курсовъ выдавалось на каждый нумеръ по ящику костей, а въ коридорахъ, гдѣ были нумера, вывѣшивались большія таблицы съ обозначеніемъ мускуловъ, сосудовъ и нервовъ.

Физіологію читалъ проф. А. П. Загорскій. Онъ, вѣроятно, былъ знакомъ съ современнымъ состояніемъ физіологіи, какъ то можно было судить по сравненію его лекцій съ бывшими тогда въ ходу учебниками Валентина и Эиле, но читалъ ее теоретически, безъ демонстрацій и опытовъ. Слушали его не безъ удовольствія, такъ какъ онъ былъ хорошій лекторъ.

Профессоромъ химіи былъ тогда К. Н. Зининъ. Это была научная звѣзда первой величины, и онъ вмѣстѣ съ Н. И. Пироговымъ составлялъ красу и славу Академіи. Человѣкъ съ громадной эрудиціей по всѣмъ отраслямъ естествознанія, съ громаднымъ философскимъ умомъ, увлекательный лекторъ, всегда веселый и остроумный, онъ считался лучшимъ изъ профессоровъ. Онъ сдѣлалъ много открытій по своей наукѣ, свѣдѣнія о которыхъ помѣщались, большею частью, въ иностранныхъ журналахъ и въ „Comptes rendus de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg“ (русскихъ ученыхъ журналовъ тогда не было). Мастерство его изложенія было такъ велико, что когда, по выходѣ въ отставку профессора Эйхвальда, ему было поручено чтеніе минералогіи, то онъ излагалъ эту скучную науку такъ увлекательно и живо, что лекціи его собирали студентовъ со всѣхъ курсовъ, тогда какъ на лекціяхъ Эйхвальда бывало не болѣе десятка слушателей. Лекціи Зинина по

химіи посѣщались даже посторонними лицами. Такъ, я встрѣчалъ на нихъ покойнаго профессора Энгельгардта, бывшаго тогда артиллерійскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи получившаго извѣстность, какъ сельскій хозяинъ, артиллериста Шишкова, впослѣдствіи извѣстнаго химика, покойнаго Н. А. Вышнеградскаго и другихъ.

Но по тѣснотѣ химической лабораторіи и бѣдности ея средствъ мало студентовъ могло заниматься ею практически, поэтому Зининъ оставилъ мало преемниковъ. Тѣмъ не менѣе, на его памятникѣ, по справедливости, написано: „Отцу русской химіи“.

Онъ ходилъ на лекціи всегда въ пиджакѣ, перепачканномъ пятнами отъ всевозможныхъ химическихъ реактивовъ. Однажды посѣтилъ Академію бывшій тогда военный министръ князь Чернышевъ. Инспекторъ Академіи, зная привычки Зимина, послалъ одного изъ субъ-инспекторовъ предупредить его объ этомъ. Субъ-инспекторъ шепнулъ Зинину, что не мѣшало бы надѣть фракъ, но тотъ, не обращая на это никакого вниманія, продолжалъ чтеніе. Когда въ аудиторію вошелъ Чернышевъ, онъ, не прерывая лекціи, слегка поклонился послѣднему и продолжалъ дѣлать какіе-то опыты. По окончаніи лекціи Чернышевъ самъ подошелъ къ Зинину и выразилъ ему сожалѣніе, что онъ, по старости лѣтъ, не можетъ быть постояннымъ его слушателемъ: „Ничего-съ“, отвѣчалъ Зининъ: „хорошему можно учиться и на старости лѣтъ“.

На экзаменахъ онъ былъ довольно строгъ, но спасеніемъ для плохо знающихъ химію былъ извѣстный Ю. К. Траппъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи подробнѣе. Къ нему ютились всѣ слабые въ наукѣ, такъ что иногда случалось, что возлѣ стола Зинина не было ни одного студента, а около Траппа—человѣка 4 или 5. Тогда Зининъ, замѣтивъ это, подходилъ къ столу послѣдняго и забиралъ кого-нибудь оттуда къ себѣ. Нужно было видѣть лицо этого несчастнаго, съ какимъ онъ подходилъ къ Зинину. Впрочемъ Зининъ окончательно никого не проваливалъ на экзаменѣ, а давалъ передержку послѣ каникулъ.

Вообще это былъ любимѣйшій и многоуважаемый профессоръ.

Физику читалъ профессоръ Измайловъ. Читалъ онъ ее вяло, лѣниво, почти безъ опытовъ, хотя физическій кабинетъ, по тогдашнему состоянію науки, былъ довольно удовлетворителенъ. Лекціи его посѣщались студентами очень мало, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень снисходителенъ на экзаменахъ.

Профессоръ зоологіи Эйхвальдъ былъ типичный нѣмецъ. Онъ ходилъ всегда въ бѣломъ галстукѣ съ какимъ-то орденомъ на шеѣ; являлся на лекціи аккуратно—минута въ минуту и такъ же аккуратно кончалъ ихъ. Лекціи его были скучны, но, такъ какъ онъ начиналъ

чтеніе съ низшихъ животныхъ и первый познакомилъ насъ съ микроскопомъ, что въ то время было большою рѣдкостью, то онѣ посѣщались довольно охотно.

Зоологію онъ читалъ по-латыни. Онъ же читалъ геологію и минералогію, послѣднія по-русски. Его курсъ геологіи считался въ то время образцовымъ. Онъ былъ послѣдователемъ Кювье, какъ почти всѣ геологи тогдашняго времени. Читалъ онъ у насъ только до Рождества. Претендентами на его каѳедру явились двое: академикъ Брандтъ и С. Куторга, считавшійся лучшимъ изъ профессоровъ Университета. Многіе изъ насъ слушали его публичныя лекціи, читанныя, если не ошибаюсь, въ Думской залѣ, и всѣ мы очень желали, чтобы онъ былъ назначенъ къ намъ. Но, къ сожалѣнію, нѣмецкая партія взяла верхъ, и профессоромъ былъ назначенъ Брандтъ. Это былъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, очень ученый, но совершенно лишенный профессорскихъ качествъ. Его маленькая, толстенькая фигурка, нѣмецкое произношеніе, какъ-то нараспѣвъ, употребленіе буквы j вмѣсто г и другія странности нерѣдко вызывали у студентовъ улыбку. На лекціи къ нему ходило очень мало. Въ сущности онъ былъ благоразумнѣйшій и добрѣйшій изъ профессоровъ, и мы его любили, но нисколько не боялись. На экзаменахъ онъ былъ очень снисходителенъ и всегда ставилъ переходные баллы, приговаривая съ какой-то добродушной отеческой улыбкой: „Ну, ви, хотя зоологіи и не знаете, но, бить можетъ, будете хорошимъ врачемъ. Это биваетъ, а иногда и не биваетъ".

Ботанику читалъ Л. И. Вейссъ, бездарнѣйшій изъ всѣхъ профессоровъ. Какъ онъ добился званія адъюнктъ-профессора, трудно себѣ и представить. На лекціи къ нему ходило не болѣе 5-ти, 6-ти человѣкъ и, дѣйствительно, нужно было имѣть особую страсть къ ботаникѣ, чтобы спокойно его слушать. Съ нимъ были разные курьезы. Такъ, напр., читалъ онъ временно фармакологію. Читалъ онъ ее по русскому переводу Зобернгейма. Однажды среди общаго молчанія раздается такая фраза: „Если бы не было опіума, то врачи не знали бы, какъ его употреблять". Оказывается, что у Зобернгейма было приведено мнѣніе одного хирурга, что, если бы не было опіума, то онъ не рѣшился бы дѣлать операцій. Первая половина этой фразы была напечатана на концѣ страницы, и Вейссъ, перевернувъ два листа заразъ, на первой строкѣ наткнулся на фразу: „еще врачи не умѣли употреблять его". Разсердившись на смѣхъ студентовъ, онъ соскочилъ съ каѳедры и пресерьезно началъ обвинять насъ въ пренебреженіи къ старшимъ. Смѣхъ студентовъ не прекращался; тогда Вейссъ швырнулъ въ насъ злополучной книгой и величаво удалился изъ аудиторіи. Передъ окончательными экза-

менами второго курса кто-то нарисовалъ углемъ его портретъ въ дурацкомъ колпакѣ на стѣнѣ его кабинета. Вейссъ страшно взбѣсился, грозилъ никого изъ насъ не пропустить на экзаменѣ, подкупилъ всѣхъ служителей, чтобы отыскать „художника“, но, не добившись этого, пожаловался на весь курсъ президенту Пеликану. Тотъ преспокойно отвѣчалъ Вейссу, что онъ самъ виноватъ, не объяснивъ, впрочемъ, въ чемъ. Тогда Вейссъ объявилъ намъ на лекціи, что будетъ экзаменовать по своимъ билетамъ. Дѣло становилось серьезнымъ: приходилось садиться за ботанику и изучать всѣ 150 билетовъ. Обыкновенно, профессора, составивъ конспектъ, поручали писанье билетовъ кому-нибудь изъ студентовъ. По нѣкоторымъ предметамъ, въ томъ числѣ по ботаникѣ, билеты дѣлились на 4 или на 6 группъ, и каждый изъ студентовъ приготовлялъ къ экзамену только четвертую или шестую часть билетовъ этой науки. Билеты эти писались съ разными тонкими отличіями для каждой группы, и зоркій глазъ студента быстро находилъ билетъ своего отдѣла. Когда Вейссъ явился на экзаменъ и положилъ на столъ свои билеты, одинъ изъ студентовъ Аш... подошелъ къ столу и, быстро снявъ билеты Вейсса, замѣнилъ ихъ своими, приготовленными по всѣмъ правиламъ искусства. Вейссъ взбѣсился и хотѣлъ послать за инспекторомъ. Въ это время вошелъ въ аудиторію бывшій на этомъ экзаменѣ ассистентомъ Зининъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ Вейссу: „Стыдись, братецъ, вмѣшивать полицію въ отношенія между учеными людьми. Что за бѣда,—экзаменуй по ихъ билетамъ“. Сначала Вейссъ упирался, не соглашался, но, когда Зининъ пригрозилъ ему, что будетъ самъ экзаменовать, ловко намекнувъ, что и самъ Вейссъ небольшой знатокъ ботаники, послѣдній смирился, и экзаменъ прошелъ благополучно. Тѣмъ и кончились наши отношенія къ ботаникѣ.

Изъ профессоровъ чисто медицинскихъ наукъ, не считая Н. И. Пирогова, который былъ внѣ общаго сравненія, самымъ замѣчательнымъ былъ профессоръ частной патологіи и терапіи В. Е. Эккъ. Онъ былъ превосходный знатокъ своей науки, которую излагалъ съ такой точностью, ясностью и образностью, что, слушая описанія патологическихъ измѣненій при разныхъ болѣзняхъ, слушатель какъ-бы видѣлъ передъ собой описываемый предметъ. Симптоматологію болѣзней онъ излагалъ такъ наглядно, какъ будто вы видите самого больного. Все, что мы узнали по частной патологіи, узнали мы отъ него и изъ лекцій, читанныхъ Н. И. Пироговымъ при вскрытіи труповъ. Хотя у насъ и былъ тогда профессоръ патологической анатоміи, какой-то Маркузенъ, но это была такая сумбурная голова, что изъ его лекцій никто ничего не выносилъ, да и самъ онъ вскорѣ куда-то исчезъ.

Превосходныя же лекціи Н. И. Пирогова, читанныя имъ при вскрытіи труповъ съ микроскопическими демонстраціями, были, болѣе или менѣе, случайныя и касались не всѣхъ болѣзней, смотря по бывшимъ въ клиникѣ случаямъ; общаго же курса онъ не читалъ. Такъ, на 3-мъ курсѣ онъ прочелъ намъ нѣсколько превосходныхъ лекцій по брюшному тифу, нѣсколько лекцій о туберкулезѣ, о холерѣ, затѣмъ нѣсколько лекцій о крупозномъ воспаленіи легкихъ и нѣсколько—о гнойномъ зараженіи, составлявшемъ тогда истинный бичъ хирургическихъ палатъ. О другихъ болѣзняхъ онъ читать не могъ, потому что не было соотвѣтствующихъ случаевъ. Обыкновенно на одной лекціи дѣлалось вскрытіе и производилось описаніе *макроскопическихъ* измѣненій, а къ слѣдующей лекціи приготовлялись *микроскопическіе* препараты, которые и демонстрировались самимъ профессоромъ на двухъ, бывшихъ въ его распоряженіи микроскопахъ. Кромѣ того онъ показывалъ намъ микроскопическіе препараты оперированныхъ имъ, разнаго рода опухолей. О высокомъ научномъ значеніи этихъ лекцій нечего и говорить. Еще раньше нашего окончанія курса Пироговъ оставилъ каѳедру и уѣхалъ въ 1854 году въ Севастополь, такъ что клиническихъ лекцій его я не слыхалъ.

Онъ первый изъ нашихъ клиницистовъ ввелъ употребленіе русскаго языка въ своей клиникѣ. До него исторіи болѣзней писались по-латыни. Въ другихъ клиникахъ латинскій языкъ употреблялся еще нѣсколько лѣтъ.

Общую патологію, діагнотиску и общую терапію читалъ проф. Здекауэръ. Общая патологія въ то время не основывалась на опытныхъ изслѣдованіяхъ, и очень часто для объясненія патологическихъ процессовъ прибѣгали къ разнаго рода гипотезамъ, чисто теоретическимъ и противорѣчивымъ. Хотя Здекауэръ читалъ ее, для тогдашняго времени, довольно хорошо, но слушали его неохотно. Онъ часто прибѣгалъ къ такимъ туманнымъ объясненіямъ, что многіе его вовсе не понимали. Нѣкоторые отдѣлы, какъ, напр., вопросъ о гнойномъ зараженіи, излагался очень сбивчиво, такъ какъ, по тогдашнему состоянію науки, въ немъ было много нерѣшеннаго и запутаннаго. Но діагностику Здекауэръ преподавалъ превосходно. Лекціи его читались въ терапевтическомъ отдѣленіи гошпиталя на больныхъ, которыхъ передъ нами разбиралъ профессоръ и показывалъ почти каждому студенту всѣ тонкости выслушиванія и постукиванія, такъ что этотъ отдѣлъ діагностики почти всѣ студенты знали хорошо. Патологію хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называли, теоретическую хирургію читалъ П. П. Заблоцкій-Десятовскій. Онъ же читалъ ученіе о глазныхъ болѣзняхъ, о сифилисѣ

и о болѣзняхъ половыхъ органовъ. Столь обширная и разнообразная программа, даже при тогдашнемъ состояніи науки, едва-ли была по силамъ одному человѣку. Лекціи Заблоцкаго по глазнымъ болѣзнямъ были очень кратки, хотя изложены довольно систематически. Глазной клиники тогда не было, и ученіе о глазныхъ болѣзняхъ ограничивалось изученіемъ болѣзни вѣкъ, соединительной и роговой оболочекъ и радужной оболочки,—однимъ словомъ, того, что было видимо простымъ глазомъ. Остальныя болѣзни мы знали только по имени. Правда, когда мы были на 5-мъ курсѣ, докторъ Кабатъ, тогдашній придворный окулистъ, прочелъ намъ нѣсколько лекцій, показалъ офтальмоскопъ и демонстрировалъ человѣкъ пять или шесть больныхъ.

Всего лучше читалъ Заблоцкій о сифилисѣ, по которому онъ считался въ то время спеціалистомъ, и о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. Его книга „О болѣзняхъ яичка и т. д.“ была удостоена Академіей Наукъ Демидовской преміи.

По сифилису онъ прочелъ намъ нѣсколько лекцій на больныхъ въ гошпиталѣ. Замѣчательно то, что онъ, будучи хирургомъ по спеціальности, лѣтъ 10 читалъ судебную медицину, за неимѣніемъ свободной хирургической каѳедры. Подобное явленіе повторялось въ то время нерѣдко. Такъ, преемникъ его по каѳедрѣ судебной медицины Е. В. Пеликанъ сначала былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ женскихъ болѣзней.

Изъ остальныхъ медицинскихъ профессоровъ слѣдуетъ упомянуть о Е. В. Пеликанѣ, который съ 1853 года началъ преподавать въ Академіи судебную медицину. Онъ зналъ науку прекрасно въ ея современномъ состояніи и въ то же время былъ прекрасный лекторъ. Кромѣ того онъ дѣлалъ судебно-медицинскія вскрытія. Это былъ одинъ изъ предшественниковъ того новаго научнаго направленія, которое началось въ Академіи въ концѣ 50-хъ годовъ и поставило ее такъ высоко въ научномъ отношеніи.

Въ 1854 году пріѣхалъ изъ-за границы молодой ученый Якубовичъ и началъ преподавать намъ гистологію съ микроскопическими демонстраціями. Его лекціи познакомили насъ съ современнымъ состояніемъ гистологіи, которая до этого времени почти не читалась въ Академіи.

Остальные профессора, за исключеніемъ адъюнктъ-профессора Неммерта, представляли изъ себя самыя заурядныя посредственности и отличались рутинностью и отсталостью отъ науки.

Неммертъ былъ чрезвычайно даровитый и высоко образованный хирургъ, вполнѣ знакомый съ современнымъ состояніемъ науки. Онъ состоялъ адъюнктюмъ на каѳедрѣ оперативной хирургіи, кото-

рую занималъ тогда Рклицкій, старый рутинеръ, учившій только производству ампутацій, экзартикуляцій и перевязки сосудовъ,— дальше этого онъ не шелъ, да и то читалъ безъ описаній различныхъ методовъ операцій, безъ критическаго разбора ихъ и безъ показаній. Его лекціи мы пополнили потомъ чтеніемъ вышедшаго тогда въ русскомъ переводѣ превосходнаго руководства по хирургіи французскаго профессора Мальгэня.

Неммертъ читалъ намъ только ученіе о переломахъ и вывихахъ съ демонстраціями на трупахъ и о повязкахъ, которыя въ то время были чрезвычайно разнообразны, а иногда и очень сложны; каждую повязку онъ показывалъ сначала на фантомѣ, потомъ на комъ-нибудь изъ студентовъ и заставлялъ одного или двухъ изъ нихъ повторить повязку тутъ же. По отъѣздѣ Пирогова въ Крымъ, ему было поручено завѣдываніе Пироговской клиникой; и тутъ онъ превосходно велъ дѣло и, насколько могъ, старался улучшить гигіеническія условія клиники. Передъ каждой операціей, при разборѣ даннаго случая, онъ разъяснялъ различные способы ея производства, обсуждалъ приложимость или неприложимость ихъ къ данному случаю и только послѣ строгаго критическаго разбора приступалъ къ операціи.

Техникъ онъ былъ превосходный и въ клиническомъ отношеніи могъ вполнѣ замѣнить Ник. Ив. Пирогова. Къ сожалѣнію, онъ жилъ недолго и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта.

Говоря о профессорскомъ персоналѣ, нельзя не упомянуть о незабвенномъ Ю. К. Траппѣ. Хотя онъ въ наше время ничего не читалъ, состоя прозекторомъ при каѳедрѣ фармаціи, но принималъ самое живое участіе въ жизни и дѣятельности студентовъ. Онъ помогалъ каждому обращавшемуся къ нему совѣтомъ, руководствомъ, а иногда и деньгами, ссужая нуждающихся небольшими суммами, которыя не всегда возвращались ему. Его красивая, привѣтливая фигура всегда съ удовольствіемъ встрѣчалась студентами, тѣмъ болѣе, что онъ съ каждымъ говорилъ на его родномъ языкѣ. Впослѣдствіи онъ долго былъ профессоромъ фармаціи, и много поколѣній студентовъ прошло мимо него, сохранивъ самую благодарную о немъ память.

Вообще отношенія между профессорами и студентами были хороши и добродушны. Профессора смотрѣли на насъ, студентовъ, какъ на свою близкую семью, безъ всякой національной розни или какихъ-нибудь другихъ внѣ-научныхъ соображеній. И теперь, на склонѣ лѣтъ, я съ благодарностью вспоминаю о нихъ и о своей „Alma Mater“, гдѣ мы почерпнули въ то глухое время идеалъ благородства и человѣчности.

Клиническое преподаваніе въ Академіи было поставлено довольно слабо, за исключеніемъ клиники Пирогова. Профессора двухъ терапевтическихъ клиникъ Мяновскій и Шипулинскій, особенно первый, были люди устарѣлые и не стоявшіе на высотѣ современной науки; Шипулинскій обучалъ насъ, по крайней мѣрѣ, выслушиванію и постукиванію. Этимъ и кончалось клиническое изслѣдованіе; никакихъ другихъ способовъ не употреблялось.

Термометръ не былъ еще въ употребленіи, и температура больныхъ опредѣлялась на ощупь. Въ мочѣ обращали вниманіе только на цвѣтъ и присутствіе или отсутствіе въ ней осадковъ, но изъ чего они состояли — объ этомъ никто не думалъ. Вообще никакихъ химическихъ или микроскопическихъ изслѣдованій выдѣленій больного не дѣлалось, да и самихъ микроскоповъ въ Академіи было очень мало: не болѣе 6—7 штукъ. Они были только въ рукахъ профессоровъ, такъ что мы, студенты, не занимались самостоятельно микроскопическими работами. Проф. гистологіи Якубовичъ старался познакомить насъ съ микроскопической техникой, но такъ какъ у него былъ только одинъ микроскопъ, то и работать студентамъ не приходилось. Къ тому же микроскопы были тогда очень дороги.

Въ хирургической клиникѣ проф. Рклицкаго дѣло велось рутинно, операцій дѣлалось мало. Кромѣ одной или двухъ литотомій и нѣсколькихъ ампутацій—мы ничего не видали.

Акушерская клиника, которой завѣдывалъ тогда проф. Киттеръ, имѣла только 15 или 20 кроватей, а потому и родовъ мы видѣли мало. Узнавъ о принятіи въ клинику роженицы, желающіе видѣть роды платили обыкновенно сидѣлкѣ 15 или 20 коп., чтобы она извѣщала насъ о началѣ родовъ. Но такъ какъ роды происходятъ, большею частью, ночью, а домъ, гдѣ мы жили, отстоялъ довольно далеко отъ клиники, то рѣдко приходилось попадать на нихъ во время. Мнѣ, напр., пришлось провести только одни роды у больной, у которой я былъ куратором; роды были нормальные и прошли безъ всякихъ инцидентовъ. Акушерскія операціи, какъ наложеніе щипцовъ, повороты и др. профессоръ показывалъ намъ на фантомѣ, но каждый пойметъ, какъ этого было мало для ознакомленія насъ съ акушерствомъ. Въ той же клиникѣ принимались и больныя женскими болѣзнями, но ихъ было такъ мало, что рѣдко кто изъ студентовъ видѣлъ ихъ. Вообще наши познанія въ акушерствѣ были такъ ограниченны, что когда, черезъ годъ или полтора по окончаніи курса, я въ маленькомъ уѣздномъ городѣ былъ въ первый разъ приглашенъ къ родильницѣ первородящей, то рѣшительно не зналъ, какъ къ ней приступиться. Къ счастью, роды были нормальны, хотя

немного затянулись, такъ что все кончилось благополучно, и я вышелъ съ честью.

Въ клиникѣ Пирогова, которою тогда уже завѣдывалъ проф. Немертъ, мы видѣли нѣсколько операцій вырѣзыванія разнаго рода опухолей, двѣ или три ампутаціи и одну частную резекцію большеберцовой кости. Это была, кажется, первая резекція, произведенная въ Академіи. Вообще резекціи тогда начали только входить въ употребленіе и производились очень рѣдко.

Всѣ вообще клиники имѣли много неудобствъ: они были тѣсны, клиники Рклицкаго и Киттера имѣли мало свѣта, часть коекъ были деревянныя, приспособленія къ вентиляціи были самыя первобытныя: простыя форточки, которыя зимой не всегда удобно было открывать, и кое-гдѣ простые вентиляторы—въ печахъ. Камины были только въ клиникѣ Пирогова. Во всѣхъ клиникахъ воздухъ былъ очень неудовлетворителенъ, особенно въ клиникѣ Пирогова, куда направлялись наиболѣе трудно-больные съ большими нагноеніями и гангренозные (дифтеритъ, ракъ и гошпитальная гангрена составляли тогда очень частое явленіе).

По свидѣтельству самого Николая Ивановича, во всѣ 15 лѣтъ, что онъ завѣдывалъ клиникой, онъ постоянно страдалъ поносами которые онъ прямо приписывалъ дѣйствію клиническихъ міазмъ, такъ какъ стоило ему только выѣхать изъ Петербурга и не посѣщать клиники въ теченіе одной или 2-хъ недѣль, поносы его прекращались и возстановлялось правильное пищевареніе.

Бѣлье въ клиникахъ было плохое и въ недостаточномъ количествѣ; для перевязки ранъ употреблялась только одна корпія, которая не всегда была чиста и пригодна, пища для больныхъ—не всегда удовлетворительна. Какъ ни боролись противъ этого завѣдывавшіе клиникой профессора и, особенно, Пироговъ,—трудно было что-нибудь сдѣлать, такъ какъ хозяйство находилось въ рукахъ гошпитальныхъ интендантскихъ чиновниковъ.

Въ январѣ 1855 года приказано было, по случаю Севастопольской кампаніи, произвести намъ экзамены и сдѣлать усиленный выпускъ, такъ что на 5-мъ курсѣ мы провели только одно полугодіе. Въ первыхъ числахъ марта экзамены кончились, и всѣ казеннокоштные студенты были отправлены частью въ дѣйствующую армію, частью—на Кавказъ. Не великъ былъ запасъ знаній, съ которымъ мы вступили въ жизнь. Всего лучше знали мы частную терапію, благодаря превосходнымъ лекціямъ проф. Экка; нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и я, занимались болѣе спеціально хирургіей; о гигіенѣ же и особенно военной, мы не имѣли почти никакого понятія, да и сама наука была тогда, такъ сказать, въ

зачаточномъ состояніи, что составляло большой пробѣлъ, особенно для насъ, будущихъ военныхъ врачей. Объ уходѣ за ранеными мы слышали одну или двѣ лекціи проф. Неммерта. Впрочемъ, и самый уходъ за ранеными, какъ я скажу впослѣдствіи, былъ обставленъ довольно примитивно.

При полученіи дипломовъ, каждый изъ насъ былъ снабженъ на казенный счетъ, такъ называемымъ лѣкарскимъ наборомъ и маленькой книжкой объ уходѣ за больными и ранеными. Это былъ переводъ сочиненія какого-то нѣмецкаго врача.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына[1]).

Глава II.

Перейду теперь къ внутренней жизни студентовъ. Какъ я уже сказалъ, мы жили въ номерахъ по 4 чел. въ каждомъ. На первый курсъ мы были размѣщены по номерамъ по усмотрѣнію инспекціи. При этомъ, такъ какъ число студентовъ польскаго происхожденія было почти равно числу студентовъ—русскихъ, то въ каждомъ номерѣ помѣщено было по 2 поляка и по 2 русскихъ. Мѣра эта имѣла въ виду, вѣроятно, разобщеніе поляковъ, чтобы они не жили, такъ сказать, обособленными группами, но она имѣла послѣдствія, которыхъ, по всей вѣроятности, не ожидала инспекція. Никакой политической розни тогда между студентами не было, и мы очень охотно сближались съ поляками. Тогдашніе русскіе студенты, большею частью изъ семинаристовъ, были малоразвиты въ обще-образовательномъ смыслѣ: сама русская жизнь того времени не содержала въ себѣ ничего, что могло бы способствовать этому развитію. Люди западной культуры—поляки были гораздо выше насъ во всѣхъ отношеніяхъ: у нихъ были опредѣленные политическіе взгляды, они были болѣе знакомы съ западной литературой, о которой мы имѣли самыя смутныя понятія, благодаря слабому знанію иностранныхъ языковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, поляки имѣли большое вліяніе на наше развитіе. Они открыли намъ новый міръ идей, о которомъ мы не имѣли никакого понятія. У нихъ была превосходная собственная библіотека, въ которой, кромѣ польскихъ авторовъ, было много сочиненій на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

По мѣрѣ сближенія съ ними, мы, естественно, стали пользоваться и этой библіотекой: сначала французскими и нѣмецкими книгами, а потомъ и польскими, такъ что къ концу курса нѣкоторые изъ насъ хорошо владѣли польскимъ языкомъ. Въ библіотекѣ было немало книгъ, запрещенныхъ тогдашней цензурой, и онѣ, какъ запрещенный плодъ, всего больше тянули насъ къ себѣ. Какъ доставались эти книги, я сказать не могу, но ихъ было немало!

У насъ, русскихъ, своей библіотеки не было: случайно попадались намъ книжки журналовъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ мы съ жадностью читали статьи Бѣлинскаго и Герцена („Письма объ изученіи природы“, „Дилеттантизмъ въ наукѣ“, первую часть романа „Кто виноватъ“ и др.). Кромѣ того нѣкоторые изъ насъ абонировались въ публичной библіотекѣ книгопродавца Смирдина. Затѣмъ, разумѣется, читали новыхъ народившихся писателей: Тургенева, Гончарова и Григоровича. Наибольшею любовью пользовался между нами Тургеневъ, талантъ котораго начиналъ развиваться во всемъ своемъ блескѣ. Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были также любимымъ нашимъ чтеніемъ. Пушкинъ и Лермонтовъ часто были причиною самыхъ горячихъ споровъ о томъ, кто изъ нихъ выше. Спорили часто далеко за полночь, при чемъ, какъ обыкновенно бываетъ, стороны оставались каждая при своемъ мнѣніи. Вообще сначала, какъ въ нашемъ чтеніи, такъ и въ спорахъ преобладалъ элементъ литературно-философскій.

Новое міровоззрѣніе, какъ результатъ изученія естественныхъ наукъ, мало-по-малу овладѣвало нами, часто незамѣтно для насъ самихъ. Но и старыя традиціи, результатъ нашего воспитанія, не вдругъ уступали ему свое мѣсто, а поэтому многіе изъ насъ переживали тяжелую эпоху колебаній и сомнѣній, почти незнакомую нынѣшнимъ поколѣніямъ. Понятно, что все это возбуждало споры между нами.

Изъ иностранныхъ авторовъ всего болѣе читали Евг. Сю, Жоржъ-Занда, Диккенса и Тэккерэя. Двухъ послѣднихъ мы читали въ превосходныхъ переводахъ Введенскаго. Я часто бродилъ на толкучку покупать книги и, такимъ образомъ, составилъ себѣ порядочную библіотеку преимущественно изъ англійскихъ писателей, разумѣется, во французскомъ переводѣ. Напр., у меня былъ весь Байронъ, Свифтъ и другіе. Большую часть сочиненій Гёте я прочелъ также во французскомъ переводѣ, вслѣдствіе плохого знанія нѣмецкаго языка.

Занимались ли мы тогда политикой? Нѣтъ, или почти—нѣтъ, да и въ самомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ кружкахъ, которые мы посѣщали, мало были развиты политическіе интересы.

Время было глухое, сѣрое. Хотя гнетъ, наложенный послѣ 1848 г. на русскую мысль и русскую литературу, давилъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, но недовольство, вызываемое имъ, было какое-то вялое, унылое, пришибленное и не высказывалось открыто; всѣ боялись говорить объ этомъ. Очень рѣдко, почти шепотомъ, передавали мы другъ другу кое-какія свѣдѣнія о новыхъ дѣйствіяхъ правительства, все больше клонившихся къ стѣсненію русской мысли и преподаванія, да и сами свѣдѣнія эти проникали къ намъ какъ-то случайно, урывками.

О заграничномъ литературномъ и политическомъ движеніи мы ничего не знали, такъ какъ политическаго отдѣла въ русскихъ журналахъ и газетахъ тогда не было.

Итакъ, въ первые 2 года, какъ я уже сказалъ, наши бесѣды и споры не выходили изъ круга чисто-литературныхъ и отчасти философскихъ вопросовъ. Но мало-по-малу кругъ этотъ расширялся и сталъ захватывать и политическіе интересы. Первый толчокъ въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, тому кружку, къ которому я принадлежалъ, былъ данъ чтеніемъ знаменитаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“. Пелена, покрывавшая наши глаза, разорвалась, и передъ нами явился цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся прямо общественныхъ интересовъ, и изъ нихъ на первый планъ выступилъ, конечно, вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Хотя многіе изъ насъ, особенно уроженцы селъ и деревень, имѣли понятіе о немъ, но до этого времени мало обращали на него вниманія. А теперь оно стало главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, а уничтоженіе его—предметомъ самыхъ горячихъ мечтаній нашихъ. Арестъ и высылка Тургенева по поводу его статьи о смерти Гоголя также открыли намъ глаза, показавъ, что правительство далеко не на сторонѣ прогресса. Затѣмъ, совершенно случайно проникли къ намъ кое-какія С.-Симонистскія брошюры, „Paroles d'un croyant“, Lamenais и кое-что изъ запрещенныхъ русскихъ изданій, вышедшихъ за границей. Все это, конечно, способствовало развитію въ насъ интереса къ политикѣ и къ соціальнымъ вопросамъ, но интересъ этотъ былъ чисто теоретическій. Мы толковали и мечтали о лучшихъ идеалахъ общественнаго устройства и о передѣлкѣ общественныхъ отношеній сообразно съ этими идеалами, но непосредственнаго отношенія къ нашей русской дѣйствительности въ этихъ мечтахъ не было, и онѣ не выходили изъ предѣловъ нашего тѣснаго кружка: мы не только не пропагандировали нашихъ идей въ обществѣ, но даже и не говорили о нихъ нигдѣ. Да и слушателей, пожалуй, мы бы не нашли въ тѣхъ домахъ и обществахъ, которые мы посѣщали.

Тамъ играли въ карты, толковали о производствахъ и назна-

ченіяхъ и занимались сплетнями. Даже литературные интересы исчезли въ то время изъ общественнаго обихода.

Журналы наши, даже лучшіе, пробавлялись тогда легкими повѣстями да пустыми безсодержательными фельетонами, вродѣ, путешествія какого-нибудь Ивана Чернокнижникова. Всякая живая общественная мысль была изъ нихъ изгнана. Литературная критика, въ лицѣ Дудышкина и др., занималась только эстетическими вопросами.

Въ 1853 году начали циркулировать въ обществѣ слухи о войнѣ, и общество нѣсколько оживилось. По поводу этого высказывались различные взгляды: люди съ шовинистскимъ характеромъ, квасные патріоты проповѣдовали, что Европѣ не справиться съ нами, что мы шапками закидаемъ европейцевъ; другіе же, нѣсколько лучше знакомые съ положеніемъ дѣлъ, крѣпко призадумались и сомнительно качали головой, слушая задорныя рѣчи шовинистовъ. Зная недостатки нашей арміи, не имѣвшей даже хорошаго современнаго вооруженія, зная всю неурядицу нашего управленія, они сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ войны. Были и такіе, которые сомнѣвались даже въ самой возможности войны. Каюсь, и я былъ въ числѣ этихъ скептиковъ. Намъ казалось, что Европа уже переросла вѣкъ кулачнаго права и что, при современномъ состояніи культуры, народы и правительства найдутъ мирный исходъ для разрѣшенія возникшихъ между ними споровъ, тѣмъ болѣе, что самый поводъ къ этимъ спорамъ казался намъ не важнымъ. Мы не понимали, что дѣло идетъ не о гробѣ Господнемъ, а о болѣе существенныхъ интересахъ цивилизаціи и культуры, не понимали, что буржуазная Европа составила коалицію противъ насъ въ защиту своихъ учрежденій противъ нашего абсолютизма. Громъ синопскихъ пушекъ скоро отрезвилъ насъ и разбилъ наши миролюбивыя мечты, не имѣвшія никакой почвы подъ собой и никакой связи съ дѣйствительностью.

Жизнь наша въ Академіи шла довольно тихо и мирно: въ 7 часовъ мы вставали, собирались на утренній казенный чай, затѣмъ отправлялись на лекціи и въ клиники, а въ 3 часа обѣдали. Обѣдъ былъ простой, но довольно питательный и всегда изъ свѣжихъ продуктовъ. Въ 7 полагался ужинъ, но на него мало кто ходилъ изъ казенныхъ студентовъ. Имъ пользовались, большею частью, бѣдные своекоштные студенты, которыхъ у насъ было немало Это дѣлалось, конечно, съ разрѣшенія начальства. Кутежей и попоекъ у насъ не было, что вѣроятно зависѣло въ значительной степени отъ

нашей общей недостаточности. Рѣдко кто получалъ кое-какія пособія изъ дома. Нѣкоторые изъ насъ пріобрѣтали на мелкіе расходы уроками, хотя заработокъ этотъ былъ очень тяжелый: ходить за полтинникъ съ Выборгской стороны куда-нибудь въ Коломну, или Измайловскій полкъ, и терять на это 3—4 часа, отрывая это время отъ занятій, было скорѣй невыгодно. Приходилось для того, чтобы наверстать это потерянное время, заниматься иногда до 2 или 3 часовъ ночи, что было не особенно полезно для здоровья. Я одно время зарабатывалъ рублей до 10-ти въ мѣсяцъ переводами мелкихъ статеекъ изъ французскихъ журналовъ для „Репертуара и Пантеона русскихъ театровъ", издававшагося тогда Кони, отцомъ теперешняго знаменитаго юриста. Хотя заработокъ этотъ былъ и невеликъ, но, по крайней мѣрѣ, можно было работать дома и во всякое время.

Изрѣдка ходили мы въ театръ, особенно на пьесы Островскаго. Александринскій театръ блисталъ тогда такими звѣздами 1-ой величины, какъ Мартыновъ, Максимовъ, сестры Самойловы, самъ Самойловъ и др. За неимѣніемъ капиталовъ ходили большею частью въ раекъ.

Была у насъ кучка меломановъ, любителей итальянской оперы, тоже посѣщавшихъ главнымъ образомъ раекъ. Въ раекъ Большого театра можно было ходить въ форменномъ платьѣ, а въ раекъ Александринскаго—только въ штатскомъ, а такъ какъ ношеніе штатскаго платья составляло преступленіе, преслѣдуемое академическими правилами, то изъ этого возникали нерѣдко непріятныя столкновенія съ инспекціей, кончавшіяся иногда заключеніемъ въ карцеръ, что я разъ испыталъ и на себѣ.

Любимымъ отдыхомъ студентовъ была послѣобѣденная прогулка по Невскому отъ Пассажа до Адмиралтейской площади.

Въ нашемъ кружкѣ было еще одно любимое развлеченіе: раза 2 въ мѣсяцъ мы ходили въ кондитерскую Иванова, находившуюся на углу Моховой и Пантелеймоновской, заказывали по стакану ананаснаго пунша, что стоило 30 коп., и просиживали за нимъ цѣлый вечеръ, просматривая иностранные иллюстрированные журналы.

Съ начальствомъ и инспекціей мы жили довольно мирно, хотя, конечно, бывали иногда столкновенія, возникавшія, главн. обр., изъ-за ношенія фуражки, внѣ разрѣшеннаго района, т. е. Выборгской и Петербургской сторонъ.

Президентомъ Академіи былъ тогда В. Пеликанъ, бывшій когда-то ректоромъ Виленской медицинской академіи. Впрочемъ, мы имѣли съ нимъ мало дѣла. Вице-президентомъ былъ Балобіани. Этотъ старый, хитрый италіанецъ всячески избѣгалъ столкновеній

со студентами и старался, большею частью, улаживать недоразумѣнія съ ними мирнымъ путемъ, вѣроятно, ради избѣжанія какихъ-либо рѣзкихъ выходокъ съ ихъ стороны. Всего ближе къ намъ былъ инспекторъ полковникъ Шёнрокъ. Это былъ тоже человѣкъ уклончивый и вкрадчивый и для избѣжанія какихъ-либо столкновеній даже не входилъ по вечерамъ въ Академію. Нужно сказать, что въ Академіи была тогда сильно развита картежная игра: играли въ преферансъ, ералашъ, конечно болѣе всего насчетъ графа Шереметева, но иногда составлялась грандіозная партія въ ландскнехтъ, въ которой участвовало чел. 10—15. Послѣдняя игра, какъ азартная, преслѣдовалась, и нерѣдко играющихъ накрывалъ дежурный субъ-инспекторъ, при чемъ, обыкновенно, отбирались карты, и этимъ, по большей части, и кончалось дѣло.

Субъ-инспектора были также изъ военныхъ. Они жили со студентами въ ладу. Былъ, правда, въ 1852 году назначенъ какой-то молодой поручикъ Михайловъ, вообразившій, что онъ имѣетъ дѣло не со студентами, а съ кадетами, но, получивши отъ студентовъ 2—3 энергическихъ отпора, а разъ даже хорошій пинокъ, онъ также пришелъ въ разумъ и съ тѣхъ поръ старался быть всегда въ хорошихъ отношеніяхъ со студентами.

Въ концѣ 50-хъ годовъ новымъ духомъ повѣяло въ Академіи: на мѣсто Пеликана, назначеннаго предсѣдателемъ Медицинскаго Совѣта, президентомъ Академіи былъ назначенъ бывшій профессоръ теоретической хирургіи Дубовицкій, человѣкъ богатый и самостоятельный, окончившій свое медицинское образованіе въ Парижѣ, а вице-президентомъ—профессоръ физіологіи Московскаго Университета Глѣбовъ. При ихъ управленіи въ Академіи закипѣла научная дѣятельность, и начался блестящій періодъ ея жизни: были перестроены всѣ старыя клиники, учреждены клиники: офтальмологіи, женская и психіатрическая, устроенъ естественно-историческій институтъ съ хорошей, просторной химической лабораторіей, устроенъ отдѣльный анатомическій институтъ съ кабинетами для физіологическихъ работъ, и для работъ по гистологіи и патологической анатоміи. Молодыхъ врачей, оставляемыхъ при Академіи, стали посылать для усовершенствованія за границу. Изъ нихъ вышло потомъ нѣсколько дѣльныхъ профессоровъ, поставившихъ академическое преподаваніе на уровень современной науки. Изъ учениковъ послѣднихъ вышло немало профессоровъ для другихъ русскихъ университетовъ.

13-го марта 1855-го года я былъ выпущенъ изъ Академіи со званіемъ лѣкаря. Не обширны были тѣ познанія, съ которыми мы вышли изъ Академіи, но зато мы вынесли изъ нея уваженіе къ наукѣ и любовь къ труду; дальнѣйшее наше развитіе всецѣло уже зависѣло отъ нашей личной энергіи.

Немало изъ моихъ сотоварищей погибло въ первые 2 года службы во время восточной войны отъ инфекціонныхъ болѣзней, но оставшіеся въ живыхъ, сколько мнѣ извѣстно, свято хранили академическіе завѣты и пронесли ихъ черезъ всю свою медицинскую дѣятельность.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына[1].

Глава III.

Служба въ Ладожскомъ пѣхотномъ полку.

По окончаніи курса я былъ назначенъ баталіоннымъ врачемъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ.

При назначеніи на мѣсто съ нами сыграли маленькую комедію. Президентъ Академіи Пеликанъ, бывшій въ то время директоромъ медицинскаго департамента, объяснилъ намъ, что онъ пришлетъ списокъ вакантныхъ мѣстъ, по которому мы сами можемъ выбрать себѣ любое изъ нихъ. Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ академію секретарь департамента, д-ръ Круберъ, со спискомъ, и насъ пригласили въ академическую столовую.

При этомъ Круберъ объявилъ намъ, что уроженцы Западнаго края, римско-католическаго вѣроисповѣданія, не могутъ служить въ войскахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской, а только въ Россіи и на Кавказѣ; русскимъ же предоставляется служить, гдѣ угодно. Всѣхъ свободныхъ вакансій было 420, и всего больше на западной границѣ, такъ что, волей-неволей, мы должны были взять мѣста въ войскахъ, тамъ расположенныхъ, а католики—въ Крыму и на Кавказѣ. Это было первое ограниченіе свободнаго выбора, какъ будто оправдываемое политическими соображеніями, но были и другія ограниченія, по причинамъ, повидимому, не имѣвшимъ

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1912 г.

никакого отношенія къ политикѣ. Напр., въ спискѣ стояло вакантное мѣсто младшаго врача въ Варшавскомъ артиллерійскомъ дѣловомъ дворѣ. Я всегда стремился на западъ, и жизнь въ Варшавѣ мнѣ очень улыбалась въ виду удобствъ для дальнѣйшаго образованія.

Я было записался на это мѣсто, но Круберъ, увидавъ это, посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и сказалъ: „Это мѣсто не для васъ; вотъ послужите лѣтъ 5—6 въ какомъ-нибудь полку, накопите сотенокъ 5 денегъ, пріѣзжайте въ Петербургъ, и тогда, быть можетъ, мы дадимъ его вамъ“. Признаюсь, я не вдругъ понялъ смыслъ этихъ словъ; значеніе ихъ пояснилъ мнѣ на другой день одинъ изъ старыхъ врачей. „Очень ты юнъ, коллега“, сказалъ онъ мнѣ,—„нужно послужить и дать имъ взятку, тогда и получишь это мѣсто“. Впослѣдствіи я узналъ, что мѣсто это получилъ племянникъ митрополита Филарета изъ Московскаго университета. Значитъ—или взятка, или протекція.

А такъ какъ всѣ остальныя мѣста были для меня безразличны, то я и выбралъ себѣ наугадъ Ладожскій пѣхотный полкъ, состоявшій въ 4-й дивизіи. Можно было, пожалуй, взять мѣсто на Кавказѣ и даже это было бы очень выгодно въ денежномъ отношеніи, такъ какъ ѣдущимъ туда, сверхъ двойныхъ прогоновъ, выдавалось около 500 руб. подъемныхъ денегъ, но востокъ и Азія меня всегда какъ-то пугали. Меня всегда тянуло на Западъ, поближе къ Европѣ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я узналъ, что полкъ уже выступилъ въ походъ въ Крымъ, и догналъ его въ Красноставѣ, хорошенькомъ городкѣ Люблинской губ., и съ этого времени начался для меня новый періодъ жизни: я дѣлался дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ членомъ общества, которому и служилъ потомъ, пока былъ въ силахъ. Вступивъ въ новый, незнакомый мнѣ, военный міръ, я, конечно,невольно прежде всего занялся его изученіемъ. Въ немъ было много своеобразнаго, пожалуй, дикаго, но были и хорошія стороны, какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Офицеровъ въ полку было болѣе сорока человѣкъ. Степень ихъ развитія была неодинакова. Высшую степень представляли офицеры, вышедшіе изъ кадетскихъ корпусовъ. Хотя они и носили на себѣ явный отпечатокъ корпуснаго образованія и не имѣли ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о правильныхъ гражданскихъ отношеніяхъ къ обществу и отдѣльнымъ его членамъ, считая себя представителями высшаго и господствующаго въ государствѣ сословія, интересамъ котораго должны

служить остальные, все-таки, по степени развитія, ихъ можно было сравнить съ лицами, окончившими среднее гимназическое образованіе того времени. Многіе изъ нихъ были довольно начитаны, любили русскую литературу, и даже нѣкоторые увлекались „вольнолюбивыми мечтами“ Пушкина. Въ нихъ не было полнаго безпрекословнаго уваженія къ установившимся воззрѣніямъ и мнѣніямъ начальства: часто они относились къ нимъ критически. Но при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они стояли не выше общаго военнаго уровня. Объ этомъ я скажу потомъ.

Нѣсколько выше ихъ стояли 2 или 3 случайныхъ выходца изъ университета, по волѣ злой судьбы попавшіе въ военную службу. Двое изъ нихъ долго служили солдатами на Кавказѣ, гдѣ, конечно, растеряли много хорошаго изъ того, что привилъ имъ университетъ. Конечно, они сами сознавали это, что вело ихъ къ внутреннему разладу и недовольству, которое они нерѣдко старались заглушить при помощи возліяній Бахусу.

Ниже ихъ стояли офицеры, произведенные изъ юнкеровъ, которыхъ была большая часть. У этихъ послѣднихъ не было почти никакихъ гражданскихъ идеаловъ. Они принимали всецѣло безъ всякой критики узкія понятія военной среды; многіе изъ нихъ были хорошими служаками и безпрекословными исполнителями приказаній начальства, но, не имѣя въ себѣ никакихъ нравственныхъ интересовъ, мало что читая, они свободное отъ службы время, большею частью, картежничали, часто кутили, при чемъ иногда безчинствовали или предавались мелкому разврату. Библіотекъ тогда въ полкахъ не было, а потому и не было никакихъ нравственныхъ развлеченій. Зимой, когда полкъ располагался по деревнямъ, тоска и однообразіе этой жизни, особенно при отсутствіи женскаго общества, еще болѣе усиливали всѣ эти дурныя наклонности.

Были случаи, что молодые люди прямо спивались и дѣлались запойными пьяницами. Недостаточность матеріальныхъ средствъ лишала ихъ возможности являться въ порядочное общество, тѣмъ болѣе, что сосѣдніе помѣщики, большею частью, поляки, неохотно сближались съ ними, не столько въ силу какой-либо политической или національной розни, сколько по причинѣ невѣжественности военныхъ.

Большинство офицеровъ были люди добродушные и вовсе не злые, но, подъ вліяніемъ традиціонныхъ воззрѣній своей среды, они съ какимъ-то презрѣніемъ относились къ людямъ, стоявшимъ ниже ихъ въ общественномъ положеніи: безъ зазрѣнія совѣсти били солдатъ и издѣвались надъ евреями. Тѣлесное наказаніе въ войскахъ тогда еще не было упразднено, хотя традиціонная тысяча

шпицрутеновъ была замѣнена негласно сотней. Розга же и ручная расправа царствовали неограниченно: солдатъ пороли на ученіяхъ за каждую ошибку, пороли и дома при всякомъ его промахѣ. Одинъ баталіонный командиръ во время ученія постоянно напѣвалъ: „Кому зубъ, кому два, кому челюсть пополамъ“. Всего хуже было положеніе денщиковъ, находившихся въ полномъ безотвѣтственномъ распоряженіи офицеровъ. Били ихъ за плохо вычищенные сапоги, или сюртукъ, за неудавшуюся котлету (денщикъ въ то же время былъ и поваръ), били и такъ, чтобы сорвать на нихъ досаду за какую-нибудь неудачу: за распеканцію баталіоннаго командира, или за неудачное волокитство за какой-нибудь „чернобривой“ Оксаной, или Ганкой. Все это считалось необходимой принадлежностью тогдашней военной дисциплины. Естественно, что такое постоянное, хроническое неуваженіе къ человѣческому достоинству вело къ тому, что денщики дѣлались заклятыми пьяницами или мелкими воришками. Никому не приходило въ голову, что солдата можно выучить безъ розогъ и зуботычинъ и что, при добромъ человѣчномъ отношеніи къ тѣмъ же денщикамъ, послѣдніе были бы болѣе исправны и не дѣлались ни ворами, ни пьяницами. И, странное дѣло, сами денщики до такой степени падали нравственно и теряли сознаніе своего человѣческаго достоинства, что уже не возмущались своимъ ужаснымъ положеніемъ, какъ будто такъ и должно быть. Мнѣ разъ пришлось прожить недѣли 2 съ однимъ офицеромъ, во многихъ отношеніяхъ очень порядочнымъ и занимавшимъ мѣсто полкового казначея. Онъ билъ своего денщика по нѣсколько разъ въ день, иногда даже безъ всякой причины, отчего этотъ несчастный пришелъ въ состояніе какого-то хроническаго отупѣнья. Я нѣсколько разъ говорилъ съ офицеромъ о всей жестокости его обращенія къ денщику и постоянно получалъ въ отвѣтъ, что съ этимъ „скотомъ“ нельзя поступать иначе. Улучивъ какъ-то удобную минуту, чтобы поговорить съ денщикомъ наединѣ, я предложилъ ему разсказать обо всемъ полковому командиру и просить о перечисленіи его куда-нибудь на другой родъ службы, но „многострадальный“ Леонъ (такъ звали денщика) отнесся къ моему предложенію съ какимъ-то ужасомъ, считая всякую жалобу на начальство чуть-ли не преступленіемъ: „на то“,—дескать, „воля барская“, а его дѣло служить. Впрочемъ, изъ его словъ я понялъ, что онъ считаетъ жалобы напрасными, такъ какъ, по его мнѣнію, на новомъ мѣстѣ ему будутъ мстить за нихъ, и онъ чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня не говорить о немъ полковому командиру, а чтобы заглушить въ себѣ недовольство своимъ положеніемъ, по нѣсколько разъ въ день прикладывался къ водочкѣ,

которая всегда была въ изобиліи у казначея, отчего былъ въ какой-то постоянной полудремотѣ.

Положеніе строевыхъ солдатъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько лучше, потому что они не были въ такихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ офицерами, какъ денщики.

Кормили солдатъ очень неважно: зимой во время стоянки по деревнямъ они ѣли съ хозяевами, за что должны были отдавать послѣднимъ свой хлѣбный паекъ, который, впрочемъ, не доходилъ цѣлостью до самого солдата: около половины его оставалось въ рукахъ ротнаго командира и фельдфебеля. Лѣтомъ, во время учебныхъ сборовъ, ихъ кормили изъ общаго котла, но пища эта не всегда была удовлетворительна, такъ какъ часть приварочныхъ денегъ тоже шла въ экономію ротнаго командира.

Лѣтомъ, во время сборовъ, солдатъ обучали фронтовой выправкѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, въ искусствѣ ходить при маршировкѣ не по-человѣчески, а какъ-то, вытягивая неестественнымъ образомъ носокъ ноги, все же тѣло приводя въ такое положеніе, какъ будто сквозь него сверху до низу продѣта палка; учили какимъ-то построеніямъ, а на самое главное—на стрѣльбу обращали очень мало вниманія, да и ружья были плохія, передѣланныя изъ старыхъ,—кремневыхъ. Зимой, на широкихъ квартирахъ, не учили почти ничему. Изрѣдка кто-нибудь изъ ротныхъ командировъ выучитъ чел. 10 изъ своей роты грамотѣ, т. е. умѣнію читать и писать. Ни о какомъ умственномъ развитіи солдатъ не думали, внушая имъ одно только правило безпрекословнаго, безсознательнаго повиновенія начальству.

И съ такими-то, плохо выученными и плохо вооруженными, солдатами мы стояли въ Крымскую войну противъ Европейской коалиціи.

На образованіе и развитіе офицеровъ также не обращалось никакого вниманія, но, при всей своей малоразвитости, они считали себя выше другихъ сословій. Съ презрѣніемъ смотрѣли они на чиновничество и вообще на штатскихъ, не говоря уже о крестьянахъ. Побить мужика, мелкаго торговца и даже мелкаго чиновника считалось тогда молодечествомъ; всякая же попытка со стороны обиженныхъ дать въ подобныхъ случаяхъ отпоръ офицерамъ считалась оскорбленіемъ чести мундира, и начальство почти всегда принимало сторону офицеровъ. Всего отвратительнѣе было отношеніе офицерства къ евреямъ, которыми такъ переполненъ Западный край: всякое издѣвательство надъ несчастнымъ „жидомъ“ считалось дозволительнымъ и служило только темою для разсказовъ во время

кутежей. У нихъ постоянно занимали деньги, конечно, за большіе проценты, но при разсчетѣ дѣло кончалось, большею частью, выталкиваніемъ кредитора въ шею, а иногда и прямо побоями. И все это сходило офицерамъ безнаказанно: развѣ ужъ какое-нибудь грандіозное побоище обратитъ на себя вниманіе начальства, которое сажало офицеровъ на 2 или 3 дня на гауптвахту, да въ рѣдкихъ случаяхъ заставляло ихъ дать какое-нибудь вознагражденіе за убытки, причиненные ихъ буйствомъ. Жаловаться было некому, ибо офицерство не подчинялось никакому суду, кромѣ военнаго; общественныхъ же протестовъ никакихъ не было, да и быть не могло, ибо тогда и общества никакого не было. У насъ, напримѣръ, былъ въ полку такой случай. Во время одной попойки, одному изъ ея участниковъ пришла фантазія прокатиться верхомъ на „жидахъ“. Дѣло было въ маленькомъ городкѣ Юго-Западнаго края. Отыскали двухъ какихъ-то несчастныхъ евреевъ, приказали имъ встать другъ противъ друга и взяться за руки. Тогда офицеръ, изъявившій такія кавалерійскія намѣренія, сѣлъ верхомъ на руки евреямъ, остальные окружили его со всѣхъ сторонъ и открыли процессію по городскимъ улицамъ. Къ несчастью офицеровъ въ это время проѣзжалъ черезъ городъ начальникъ дивизіи, человѣкъ очень строгій. Увидавъ эту безобразную сцену, онъ сейчасъ приказалъ арестовать офицеровъ, продержать ихъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ и заплатить евреямъ за безчестіе, сколько они потребуютъ. Эти послѣдніе запросили сначала 30 рублей, но, когда имъ негласно пригрозили, что за такое чрезмѣрное требованіе имъ впослѣдствіи отомстятъ, они помирились на 10 р., и дѣло этимъ и закончилось. Въ городскомъ обществѣ, состоявшемъ, большею частью, изъ поляковъ, поговорили объ этомъ втихомолку нѣсколько вечеровъ, но ни одинъ изъ вліятельныхъ обывателей города не поднялъ своего голоса въ защиту несчастныхъ униженныхъ евреевъ. Такъ велика была тогда подавленность гражданскаго общества.

Полковой командиръ Галкинъ, человѣкъ порядочный и довольно начитанный, старался, по возможности, укрощать подобные подвиги офицеровъ, но строго за нихъ не преслѣдовалъ, отчасти по своей добротѣ, а отчасти и вслѣдствіе круговой поруки между нимъ и офицерами по части „безгрѣшныхъ доходовъ“, и чтобы не выносить, по пословицѣ, сору изъ избы.

Къ выходкамъ же офицеровъ съ евреями онъ относился какъ-то съ юмористической стороны. Онъ любилъ пофилософствовать и полиберальничать, чтобы показать, что и онъ не отсталъ отъ вѣка, впрочемъ изрѣдка и самъ прибѣгалъ къ рукопашной расправѣ. Въ

заслугу ему слѣдуетъ поставить то, что онъ не скупился на расходы по содержанію больныхъ: покупалъ на свой счетъ много лѣкарствъ, такъ какъ отъ казны ихъ отпускалось очень мало. Вообще же онъ умѣлъ ладить съ офицерами и съ гражданскимъ обществомъ, такъ что всѣ его любили. Командуя полкомъ около 10 лѣтъ, онъ изъ благоразумной экономіи накопилъ порядочный капиталецъ и вышелъ въ отставку генераломъ.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына [1]).

Такъ я уже сказалъ, я засталъ полкъ въ походѣ въ Крымъ. Военный походъ тогдашняго времени былъ чревычайно своеобразенъ. Въ одно время съ нами шли изъ царства Польскаго 2 пѣхотныхъ дивизіи и 7-ая кавалерійская. Шли по-эшелонно по 2 баталіона въ эшелонѣ. Обыкновенно выходили съ ночлега часу въ 6-мъ утра, дѣлая переходъ отъ 25 до 30-ти верстъ. Гдѣ-нибудь въ половинѣ перехода дѣлался привалъ, на которомъ офицеры, большею частью, завтракали, т. е. пили водку и ѣли остатки отъ вчерашняго обѣда, или насыщались какими-нибудь закусками: колбасами, ветчиной, вареными яйцами и пили чай. Солдатамъ же на привалѣ ничего не давалось: они должны были довольствоваться кускомъ хлѣба, или сухарями, размоченными въ водѣ. Впрочемъ, иные запасались откуда-то водкой. Когда же появилась у насъ въ войскахъ холера, то было предписано отпускать на привалѣ по небольшой порціи водки на каждаго солдата.

Отдохнувъ на привалѣ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ часовъ, мы шли дальше и приходили часамъ къ 12 на слѣдующій ночлегъ. Шли два дня подъ рядъ, а на третій день была дневка. На ночлегѣ сейчасъ же давался солдатамъ обѣдъ, который заготовлялся посланными впередъ кашеварами.

Обѣдъ состоялъ изъ щей, или похлебки съ крупами, полуфунта мяса и небольшой порціи водки. Обыкновенно за полкомъ тянулся казенный обозъ, но такъ какъ его было недостаточно для поднятія всѣхъ полковыхъ тяжестей, то кромѣ того брались обывательскія

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1912 г.

подводы, которыхъ отпускалось на полкъ по 100 штукъ. Несчастные подводчики страшно бѣдствовали: во-первыхъ, они отрывались отъ работы въ самое нужное время, лошаденки были у нихъ изнуренныя. Такъ какъ войска по этой дорогѣ шло довольно много, то подводы сгонялись полиціей верстъ за 50 и болѣе. Вмѣсто денегъ подводчикамъ выдавались печатныя квитанціи стоимостью по 75 к. каждая, но, такъ какъ придорожные крестьяне за эти квитанціи ничего не давали, то подводчики часто везли тяжести на некормленныхъ лошадяхъ и сами голодали. Больные везлись съ полкомъ въ лазаретныхъ фургонахъ. Трудно было выдумать что-нибудь неуклюжѣе и неудобнѣе этихъ фургоновъ для перевозки больныхъ.

Представьте себѣ большую русскую троечную телѣгу, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ встарину возились товары, расширенную къ переду и суженную сзади; самый же ящикъ ко дну закруглялся, а надъ нимъ возвышался четырехугольный кожаный верхъ съ дверцами по бокамъ. Въ такую телѣгу, или, какъ тогда называлось, лазаретную карету, полагалось класть по 4 больныхъ. Это были по-истинѣ мученики. Ни сидѣть, ни лежать спокойно они не могли. Такъ какъ дно кареты было нѣсколько поднято къ переду и имѣло наклонъ къ заднему концу, то больные какъ при сидѣніи, такъ и при лежаніи—волей-неволей давили на своихъ товарищей и причиняли имъ часто ужасныя страданія. Я самъ видѣлъ, какъ лежавшіе на днѣ телѣги, больные, на которыхъ невольно напирали товарищи, лежавшіе съ боковъ телѣги выше ихъ, толкали, щипали и даже кусали послѣднихъ. Ко всему этому присоединялись мученія отъ тряски и толчковъ во время дороги, такъ какъ никакихъ приспособленій для уменьшенія тряски въ каретахъ не было: ни рессоръ, ни длинныхъ дрогъ, а кузовъ лежалъ непосредственно на осевыхъ подушкахъ. Такихъ каретъ было по двѣ на баталіонъ, т. е. 8 на полкъ. Болѣе легкихъ больныхъ везли на обывательскихъ подводахъ, и эти, сравнительно, страдали меньше. Фельдшера должны были идти пѣшкомъ.

Въ концѣ мая въ нашемъ отрядѣ появилась холера; заболѣвало человѣкъ по 10 въ день. Больные везлись на тѣхъ же фургонахъ.

Для сокращенія числа заболѣваній, придумали дѣлать переходы по ночамъ, т. е. выходили съ ночлега часовъ въ 7 вечера и шли часовъ до двухъ до трехъ ночи, чтобы избѣжать сильной жары. Но это не только не уменьшило числа заболѣваній, но повидимому увеличило ихъ, такъ что вскорѣ стали опять дѣлать переходы по утрамъ. Здоровымъ солдатамъ увеличена была порція водки и мяса до 1-го фунта. Привалы приказано было дѣлать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчекъ и ручейковъ, такъ какъ во многихъ изъ

нихъ вода была, дѣйствительно, нехороша; вмѣсто нея на привалахъ выдавался чай. Больныхъ сдавали, гдѣ было можно, въ попутныя больницы. Эпидемія продолжалась около 1½ мѣсяца и унесла изъ полка около 500 чел. Между прочимъ, мы потеряли отъ нея своего товарища д-ра Козлова, молодого человѣка, полнаго силъ и надеждъ на будущее, только за годъ передъ тѣмъ окончившаго курсъ Московскаго университета. Его схоронили въ городѣ Острогѣ. Тяжелыя были эти похороны: каждому становилось жутко за себя. Изъ офицеровъ тоже умерло трое, одинъ изъ нихъ, впрочемъ, былъ запойный пьяница, и о его смерти не особенно сожалѣли. Послѣдній холерный случай былъ въ Бахчисараѣ 15-го іюля.

Такимъ образомъ мы шли изъ царства Польскаго до Бахчисарая около 2-хъ мѣсяцевъ. Погода все время была превосходная, только возлѣ города Бара въ Подольской губерніи одинъ день побилъ насъ дождь. Несмотря на всѣ трудности и лишенія походной жизни, къ которымъ я, впрочемъ, скоро привыкъ, я наслаждался этимъ походомъ; меня, какъ уроженца сѣвера, не видавшаго ничего кромѣ Петербургскихъ и Новгородскихъ тундръ и трясинъ, поражала, незнакомая мнѣ, природа Волынской и Подольской губерній съ ихъ богатой растительностью. Тамошнія деревни расположены чрезвычайно красиво или на холмахъ, составляющихъ послѣдніе отроги Карпатскихъ горъ, или въ долинахъ между этими холмами, Всѣ онѣ тонутъ въ садахъ, сквозь зелень которыхъ проглядываютъ бѣлыя хатки поселянъ. Лѣса, состоявшіе изъ породъ умѣренной полосы Европы, были такъ красивы, что казались мнѣ садами. Цѣлы ли они теперь?

Ночевали мы или въ хаткахъ, большею частью выбѣленныхъ и довольно чистыхъ, или въ большихъ сараяхъ, сдѣланныхъ изъ переплетенныхъ древесныхъ вѣтвей, называемыхъ тамъ „стодолами“. Я ужасно любилъ ночлеги въ этихъ стодолахъ. Полною грудью вдыхаешь въ нихъ чистый воздухъ, пропитанный ароматами всевозможныхъ травъ; утромъ, сквозь щели стѣны проникаютъ свѣтлые нѣжные лучи утренняго солнца; слышишь щебетаніе птичекъ, то влетающихъ въ стодолъ, то вылетающихъ изъ него и встаешь бодрый, свѣжій, жизнерадостный, не чувствуя никакого утомленія вчерашняго перехода.

Въ степной Херсонской губерніи картина природы рѣзко измѣняется: безконечныя степи ея, въ которыхъ ничего не видишь, кромѣ травъ и хлѣбныхъ полей, и гдѣ почти вовсе не встрѣчаешь древесной растительности, были чрезвычайно утомительны для переходовъ, въ особенности въ это жаркое время. Воздухъ, по близости деревень, пропитанъ запахомъ кизяка, употребляемаго жите-

лями вмѣсто дровъ. Днемъ ѣдешь нѣсколько часовъ подъ лучами палящаго южнаго солнца, которое накаливаетъ вамъ голову до того, что дѣлаются галлюцинаціи; пыль раздражаетъ вамъ глаза, сушитъ вамъ ротъ, отчего дѣлается нестерпимая жажда. Воду рѣдко гдѣ встрѣтишь, да и та плохо утоляетъ вашу жажду: послѣ нѣсколькихъ глотковъ холодной воды у васъ во рту дѣлается ощущеніе какъ бы ожога. Все тѣло ощущаетъ томительную ломоту. Ночь такъ же мало освѣжаетъ васъ: раскаленный, почти неподвижный воздухъ стѣсняетъ вамъ грудь, вызываетъ томительную испарину въ тѣлѣ, и утромъ встаешь съ тяжелой головой и съ такимъ чувствомъ въ тѣлѣ, какъ будто всѣ ваши члены налиты свинцомъ. Единственное спасеніе въ этихъ случаяхъ — это чай. Какъ только встрѣтишь гдѣ-нибудь по дорогѣ колодезь, согрѣешь самоваръ, выпьешь 3—4 стакана хорошаго крѣпкаго чаю и сейчасъ же почувствуешь себя освѣженнымъ и бодрымъ. Еще тяжелѣе въ солончаковыхъ степяхъ сѣверной части Крыма отъ Перекопа до Симферополя. За это время у насъ въ полку сильно развились воспаленія глазъ отъ пыли.

Въ Херсонской губерніи я въ первый разъ видѣлъ саранчу. Она летѣла на огромномъ пространствѣ сплошными тучами, затемняющими свѣтъ солнца; летѣла такъ низко, что била вамъ въ глаза и въ лицо. Жители съ ужасомъ смотрѣли на этотъ страшный бичъ, въ одну ночь истребляющій весь годовой урожай.

Конечно, въ походѣ я обращалъ всего болѣе вниманія на внѣшнюю обстановку тѣхъ мѣстностей, на фонъ картины, въ которой проходила жизнь мѣстнаго населенія.

Жизнь эта, по существу своему, была очень тяжела. Изнуренные барщиной, разоренные постоянными переходами войскъ, крестьяне, безъ сомнѣнія, должны были сильно бѣдствовать, несмотря на благодатную природу своего края. Но мы не могли и не имѣли времени обращать вниманіе на экономическія условія ихъ быта. Съ тяжестью ихъ я познакомился впослѣдствіи, прослуживъ въ этихъ краяхъ около 4-хъ лѣтъ.

Когда мы шли близъ австрійской границы, то изъ опасенія флангового нападенія со стороны Австріи, о которомъ тогда много говорили, принимались нѣкоторыя военныя предосторожности. Было приказано отпустить штыки и сабли, во время перехода высылались патрули и развѣдчики, и за каждымъ эшелономъ шли одна, или двѣ роты въ арьергардѣ съ заряженными ружьями.

Съ 15-го іюля до 2-го августа мы стояли на позиціи въ 6-ти верстахъ отъ Бахчисарая на высотахъ близъ рѣки Качи. 2-го насъ перевели на Инкерманскія высоты. Тутъ въ первый разъ я уви-

далъ съ Инкерманской горы море во всей его красѣ. Вечеръ былъ тихій, теплый; передъ глазами развернулась широкая, уходящая въ даль полоса спокойнаго моря, освѣщеннаго лучами заходящаго солнца. На ней вдали виднѣлся непріятельскій флотъ, осаждавшій Севастополь. Картина была величественна, но невольная грусть овладѣла мною.

Подъ этимъ чуднымъ небомъ, въ этой богатой роскошной странѣ стояли 2 вооруженныхъ враждебныхъ лагеря, истреблявшихъ другъ друга. Говорятъ, что, во время Тильзитскаго свиданія Александра I съ Наполеономъ, кѣмъ-то изъ нихъ была произнесена фраза: „Зачѣмъ мы сражаемся другъ противъ друга?"—на что другой собесѣдникъ отвѣтилъ: „Да, это было простое недоразумѣніе". Такое же громадное недоразумѣніе было и здѣсь подъ Севастополемъ, и во имя этого недоразумѣнія истреблялись ежедневно сотни людей, опустошенъ и разоренъ былъ богатый южный берегъ Крыма, а тамъ гдѣ-то, въ глуши деревень бѣдныя матери оплакивали своихъ сыновей, погибшихъ на „кровавой нивѣ", а отцы—своихъ помощниковъ и работниковъ.

Невольно мнѣ пришли тогда на память стихи Лермонтова:

„Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ — ..... Зачѣмъ?"

Къ вечеру 3-го числа было приказано отправить 12 чел. врачей на лѣвый флангъ нашей позиціи въ Юхаръ-Каралесское ущеліе, гдѣ въ деревнѣ Шулѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Такъ какъ предполагалось начать сраженіе 4-го августа на разсвѣтѣ диверсіей съ лѣваго фланга, то тутъ ожидалось большое число раненыхъ, вслѣдствіе чего и признано было необходимымъ увеличить число бывшихъ тамъ врачей! Въ число командированныхъ попалъ и я. Мы взяли съ собой вьючныя аптечки и по одному фельдшеру. Присланный для сопровожденія насъ изъ главнаго штаба проводникъ оказался совсѣмъ незнающимъ дороги и повелъ насъ куда-то въ другую сторону. Такъ шли мы съ часъ, пока встрѣтившійся намъ казакъ не указалъ намъ настоящей дороги. Пришли мы въ Шулю часовъ въ 6 утра. Гдѣ-то вдалекѣ слышались пушечные выстрѣлы. Черезъ полчаса къ намъ начали привозить раненыхъ. Къ счастью, ихъ было здѣсь немного, такъ-что часамъ къ 9-ти уже кончили первую перевязку, при чемъ сдѣлано было 4 ампутаціи конечностей! Больныхъ уложили пока въ пустыхъ татарскихъ сакляхъ.

Вскорѣ оказался недостатокъ въ водѣ, такъ какъ татары, уходя изъ деревни, забили и испортили водопроводъ, а доставленной на пунктъ воды едва хватало на перевязку раненыхъ. Вскорѣ и ранеными, и нами овладѣла мучительная жажда, такъ какъ день былъ очень жаркій. Мы съ докторомъ Добряковымъ, бывшимъ впослѣдствіи медицинскимъ инспекторомъ Московскаго округа, добрались до чинары, чтобы укрыться въ ея тѣни отъ солнца. Кругомъ все было тихо, пальбы не было слышно. Часа въ 3 дня мы получили приказъ возвращаться на Инкерманъ къ своимъ частямъ. По дорогѣ я встрѣтилъ вола, котораго гналъ по направленію къ Шулѣ какой-то фурштатъ. На мой вопросъ, куда онъ гонитъ вола—онъ отвѣтилъ, что волъ назначенъ для раненыхъ въ Шулѣ. Когда же я спросилъ, гдѣ котлы и въ чемъ варить пищу,—онъ отвѣтилъ: „Должно быть сзади, а, впрочемъ, не могу знать“. Хорошо, что раненые уже были отправлены куда-то изъ Шули, и эта поздняя присылка живого вола безъ всякихъ средствъ приготовить изъ него пищу оказалась ненужною, но случай этотъ достаточно характеризуетъ интендантскую предусмотрительность.

На обратномъ пути лошадь, везшая одну изъ вьючныхъ аптекъ, оступилась и свалилась въ обрывъ, при чемъ у нея оказалась сломанной нога, фельдшеръ же, ѣхавшій на аптечкѣ, отдѣлался незначительными ушибами. Лошадь прирѣзали, а аптечку оставили лежать въ оврагѣ, такъ какъ везти ее было не на чемъ. Когда на другой день послали за аптечкой, она оказалась уже похищенной кѣмъ-то. Ночью вернулись мы на Инкерманъ и тутъ узнали о результатахъ этого плачевнаго дня: боя подъ Черной рѣчкой, окончившагося полнымъ разгромомъ 3-хъ дивизій: 5-й, 12-й и 17-й. Говорили, что опоздали резервы на помощь, бранили князя Горчакова за то, что онъ не позволилъ ударить на непріятеля со стороны Севастополя. Какъ бы тамъ ни было, дѣло было проиграно съ громаднымъ урономъ для насъ. Въ 5-й дивизіи были ранены начальникъ дивизіи и оба бригадныхъ генерала, всѣ 4 командира были убиты; число же раненыхъ и убитыхъ нижнихъ чиновъ опредѣлялось въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. На разсвѣтѣ 5-го числа насъ разбудили для перевязки раненыхъ, которые лежали въ палаткахъ по 4 чел. въ каждой. Изъ этихъ палатокъ раздавались стоны и крики раненыхъ о помощи. Едва къ вечеру кончили первую перевязку. Подъ конецъ не доставало ни корпіи, ни бинтовъ для перевязки: пришлось снимать съ раненыхъ подштанники и рвать ихъ на бинты. На раненыхъ съ переломами конечностей налагалась гипсовая повязка изъ смѣси гипса съ какой-то грязью, вмѣсто воды. Это былъ, кажется, первый опытъ примѣненія гипсо-

вой повязки на войнѣ. Она оказалась очень полезною, такъ какъ, фиксируя члены, она давала возможность перевозить больныхъ безъ большихъ страданій. Утромъ 6-го раненыхъ разсортировали и отправили въ госпиталь, а намъ приказано было отправиться въ Севастополь къ своимъ полкамъ и явиться тамъ къ завѣдующимъ перевязочными пунктами. Въ то время въ Севастополѣ было 2 перевязочныхъ пункта: одинъ на Корабельной слободкѣ, а другой въ Николаевскомъ укрѣпленіи на южной сторонѣ. Первымъ завѣдовалъ д-ръ Неводовскій, а вторымъ—за отъѣздомъ Н. И. Пирогова, профессоръ Кіевскаго университета Гюббенетъ. Меня прикомандировали къ первому и въ тотъ же день назначили на ночное дежурство. Перевязочный пунктъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ провіантскаго магазина. Прибывъ туда, я нашелъ тамъ священника и д-ра Лошкарева, изъ нашей же академіи, но курсами 3-мя старше меня. Ночью, обыкновенно, исправлялись поврежденія въ укрѣпленіяхъ, и потому число раненыхъ ночью увеличивалось, въ эту же ночь оно было особенно велико и достигало 150 чел. Сначала все были легко контуженные, а часовъ въ 7 вечера принесли молодого юнкера съ совершенно раздробленной нижней конечностью. Это былъ юноша съ прекраснымъ, еще женственнымъ лицомъ. Онъ страшно страдалъ, вспоминалъ какое-то женское имя, быть можетъ,—сестры или возлюбленной,—и только разъ слабымъ голосомъ спросилъ, будетъ ли онъ живъ. Прежде, чѣмъ мы успѣли что-нибудь сдѣлать, онъ умеръ отъ кровотеченія.

Картина эта глубоко меня поразила, такъ-что и теперь черезъ много лѣтъ я не могу вспомнить о ней безъ ужаса и отвращенія къ этому страшному повальному убійству, называемому войной. За что, почему, какая-то шальная бомба, пущенная неизвѣстно кѣмъ, прервала только-что распускавшуюся молодую жизнь. И что всего ужаснѣе — пустившій бомбу сдѣлалъ это, вѣроятно, во имя какого-то долга и, быть можетъ, считалъ себя героемъ.

Дежурства на перевязочныхъ пунктахъ были черезъ день. Днемъ обыкновенно дѣлались большія операціи. При нихъ постоянно ассистировала молодая сестра милосердія, дѣвушка лѣтъ 22-хъ. Звали ее Аннушкой. Она съ такимъ искусствомъ помогала хирургамъ, перевязывала артеріи, зашивала раны, что, по словамъ товарищей, замѣняла опытнаго помощника. Она такъ благодушно и сердечно ухаживала за ранеными, что послѣдніе сами просили ее ассистировать во время операцій. Дѣлала она это ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Никакое утомленіе, никакіе труды на нее не дѣйствовали. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней осады, она была убита. Вотъ это была истинная героиня, совершавшая великое дѣло

любви и павшая жертвой сознанія своего высокаго долга. И никто, кажется, не вспомнитъ о ней потомъ.

Такъ дѣло шло до конца августа. Самъ Севастополь уже лежалъ въ развалинахъ, и въ немъ не оставалось, кажется, никого изъ жителей. Былъ какой-то грекъ трактирщикъ, да и тотъ скоро куда-то исчезъ. Дня за 2 до сдачи перевязочные пункты были переведены на другую сторону. Бомбардировка послѣднихъ дней была ужасна. Это былъ какой-то сплошной гулъ, съ которымъ не сравнится никакая гроза. Всѣ, какъ будто, ошалѣли отъ него, никакая мысль, никакое соображеніе не приходили вамъ въ голову, такъ-что, когда утромъ 29-го бомбардировка внезапно прекратилась, всѣ были въ какомъ-то недоумѣніи, многіе не вдругъ понимали, что такое случилось. Въ 11 часовъ утра взвилось французское знамя на Малаховомъ курганѣ, и началось отступленіе нашихъ войскъ изъ Севастополя съ южной стороны на сѣверную.

На перевязочномъ пунктѣ на Корабельной слободкѣ было оставлено около 200 раненыхъ, которыхъ не успѣли перевезти на сѣверную сторону. Начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона князь Васильчиковъ поручилъ д-ру Фишеру отправиться на Малаховъ курганъ къ командующему тамъ генералу и просить его отъ имени главнокомандующаго принять этихъ раненыхъ на французскіе перевязочные пункты въ виду возможности взрыва Павловскаго мыска, гдѣ лежали раненые. Всѣ главныя севастопольскія укрѣпленія были заранѣе минированы. Фишеръ досталъ на Малаховомъ курганѣ французскаго главнокомандующаго Пелисье и передалъ ему просьбу Васильчикова. Немедленно всѣ раненые были перенесены во французскій ambulance, а на другое утро взлетѣлъ Павловскій мысокъ. Фишеръ оставался у французовъ 2 дня. Войска перевозились на пароходѣ „Владиміръ“ и на яликахъ, а часть ихъ прошла по наплавному мосту, который былъ устроенъ черезъ бухту заранѣе. Полковыя знамена были вывезены изъ Севастополя за два дня до сдачи ночью, такъ что никто объ этомъ не зналъ. По сдачѣ Севастополя я былъ откомандированъ въ Бахчисарайскій госпиталь, помѣщавшійся въ ханскомъ дворцѣ. Дворецъ этотъ не произвелъ на меня тогда никакого впечатлѣнія, даже знаменитый фонтанъ слезъ вовсе не показался мнѣ величественнымъ. Въ той комнатѣ, гдѣ онъ стоялъ, у насъ былъ пріемный покой. Самъ же Бахчисарай съ его нависшими скалами, стройными, бѣлыми, уходящими въ высь, минаретами производилъ, особенно въ лунную ночь, какое-то чарующее впечатлѣніе.

Больныхъ было много; часть ихъ лежала на койкахъ, а часть на полу, на цыновкахъ Въ госпиталяхъ было довольно

грязно, вслѣдствіе стѣсненія больныхъ. Раны заживали медленно, плохо, сильно гноились, разныя насѣкомыя клали въ нихъ свои яица, изъ которыхъ развивались гусеницы, для удаленія которыхъ употреблялось смазываніе скипидаромъ. Явленіе это я видѣлъ въ первый разъ и нигдѣ потомъ мнѣ не пришлось его видѣть.

Нѣкоторыя раны были очень курьезны. Такъ у одного офицера пуля ударилась въ верхній край правой глазницы, скользнула по лицу внизъ, разорвала край верхней губы, затѣмъ разбила правую горизонтальную вѣтвь нижней челюсти, оттуда прошла черезъ правую ключицу близъ соединенія ея съ грудною костью и вышла надъ третьимъ ребромъ, не затронувъ большихъ сосудовъ. Этого больного я видѣлъ потомъ въ Симферополѣ совершенно выздоровѣвшимъ. Помню еще одну рану: пуля ударила въ правую верхнюю челюсть, пробила ее надъ зубнымъ отросткомъ, но куда дѣлась потомъ—мы не могли отыскать, больной жаловался только на боль при глотаніи, что заставило предположить, что пуля засѣла гдѣнибудь сбоку пищепріемника. Вдругъ въ одно утро больной сталъ жаловаться на боль въ лѣвой сторонѣ живота, и, къ удивленію нашему, вмѣстѣ съ поставленнымъ клистиромъ вышла пуля.

Въ Бахчисараѣ я пробылъ до конца сентября, а потомъ былъ откомандированъ въ полкъ, стоявшій въ Бельбекскомъ ущельѣ, въ которомъ расположены были полковые лазареты 4-ой дивизіи.

До 15-го ноября я вмѣстѣ съ полкомъ переходилъ съ одной позиціи на другую. Въ то время былъ сформированъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій—4-ой и 5-ой, одной драгунской бригады и нѣсколькихъ батарей артиллеріи особый отрядъ, состоявшій подъ командой генерала Офросимова, бывшаго впослѣдствіи московскимъ генералъ-губернаторомъ. Отрядъ этотъ прикрывалъ тылъ нашей арміи со стороны Евпаторіи, гдѣ въ то время находились союзники. Такъ какъ было опасеніе, что они могутъ прервать сообщеніе нашей арміи съ Россіею, то отрядъ нашъ постоянно переходилъ съ одной позиціи на другую. Съ этимъ отрядомъ странствовалъ и я. Это было самое бездѣятельное время моего пребыванія въ Крыму.

Утромъ осмотришь 2—3 заболѣвшихъ солдатъ, отправишь ихъ въ госпиталь, а затѣмъ до обѣда бродишь по горамъ и ущеліямъ. Время шло чрезвычайно обнообразно и скучно; единственнымъ развлеченіемъ были карты. Ни газетъ, ни журналовъ, ни другихъ книгъ не было—и что дѣлалось въ Россіи, мы не знали. Даже писемъ мы не получали оттуда. Мы вели чисто цыганскую жизнь.

Къ 15-му ноября нашъ и 6-ой корпусъ были расформированы. Мы сдали людей въ остающіеся въ Крыму полки, для ихъ пополненія, а сами въ кадровомъ составѣ должны были вернуться въ

Подольскую и Кіевскую губерніи для новаго сформированія. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ Могилевъ-Подольскій. Всѣхъ младшихъ врачей откомандировали въ военно-временные госпитали. Я былъ назначенъ въ Перекопъ, куда и отправился 15-го ноября. Перекопъ представлялъ тогда грязную клоаку, переполненную ранеными и больными, преимущественно, тифомъ. Главное зданіе госпиталя помѣщалось въ зданіяхъ бывшаго соляного управленія, но большинство больныхъ лежало въ частныхъ домахъ, выстроенныхъ, большею частью, изъ кизяка, сырыхъ и тѣсныхъ. Только часть больныхъ помѣщалась на койкахъ, большинство же лежало на полу на цыновкахъ. Не хватало ни бѣлья, ни перевязочныхъ средствъ, пища больныхъ была плохая и, большею частью, холодная, такъ какъ покуда ее разносили по отдѣльнымъ домикамъ, она успѣвала остыть. При этихъ условіяхъ у больныхъ часто развивались поносы. Смертность больныхъ была огромная, недостатокъ во всемъ ощущался страшный. Говорили, что изъ Россіи шли пожертвованія и бѣльемъ, и перевязочными припасами, но до насъ они не доходили. Ничего подобнаго Красному Кресту, оказавшему такую дѣятельную помощь въ войну съ турками въ 1877—78 г.г., не было; приходилось довольствоваться только тѣмъ, что отпускала казна, но изъ этого много прилипало къ рукамъ интендантскихъ чиновниковъ. Вообще наши военно-временные госпитали, какъ въ Крымскую, такъ и въ послѣднюю войну съ турками, представляли изъ себя нѣчто ужасное. Когда я осматривалъ выставку картинъ В. В. Верещагина изъ послѣдней турецкой войны, то отъ души пожалѣлъ, что онъ не написалъ нѣсколькихъ картинъ изъ быта военно-временныхъ госпиталей. Онѣ достойнымъ образомъ заключили бы серію его картинъ и дали бы ясное и точное представленіе о всѣхъ ужасахъ, сопровождающихъ войну.

2-го декабря я выѣхалъ изъ Перекопа въ Херсонъ, съ транспортомъ больныхъ въ 400 чел. Больныхъ везли на тѣхъ же ужасныхъ лазаретныхъ фурахъ, о которыхъ я говорилъ выше, а болѣе легкихъ—на обывательскихъ подводахъ. Маршрутъ былъ данъ не по прямой большой дорогѣ, а по проселочной. Ночлеги были, большею частью, въ раскольничьихъ слободахъ съ чистыми выбѣленными хатками. Погода была все время прекрасная, ясная и солнечная съ небольшими заморозками по утрамъ въ—1^0—2^0. Къ вечеру 2-го я почувствовалъ сильную головную боль и тяжесть въ головѣ, на другой день едва могъ сѣсть въ повозку, а 4-го меня уложили въ нее. У меня оказался сыпной тифъ, которымъ я заразился въ Перекопѣ. Въ безсознательномъ состояніи меня привезли 16-го декабря въ Херсонъ и помѣстили въ военно-временномъ го-

спиталѣ № 53, находившемся въ городѣ. Дня черезъ 2, я пришелъ въ себя и началъ быстро поправляться. Спасеніе свое я приписываю тому, что цѣлые дни находился на свѣжемъ воздухѣ, а не въ ужасной зараженной ямѣ, называемой Перекопомъ. Тамъ я, навѣрно, померъ бы. Выздоровленіе шло довольно быстро, такъ что въ 10-хъ числахъ января, когда заболѣлъ тифомъ ординаторъ нашего отдѣленія Андреевъ, мнѣ было поручено завѣдываніе имъ. Въ немъ было 150 человѣкъ больныхъ и въ томъ числѣ около 40 плѣнныхъ французовъ. Это былъ, большею частью, народъ молодой, веселый и очень общительный.

Съ нашими солдатами они сближались очень быстро, какимъ-то образомъ, понимали другъ друга и оказывали другъ другу взаимную помощь. Въ числѣ французовъ былъ очень симпатичный молодой сержантъ, уроженецъ Корсики. Ярый республиканецъ, онъ ненавидѣлъ Наполеона III-го всѣми силами своей души и говорилъ о немъ съ яростью. Моя комната помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, а рядомъ жили 2 сестры милосердія, изъ которыхъ одна была молодая, довольно симпатичная полька, очень живая. По вечерамъ въ свободное время или у меня въ комнатѣ, или у сестеръ мы играли въ лото, къ которому скоро пристроился и мой сержантъ. Онъ довольно быстро научился называть цифры и кое-что понимать по-русски, но еще быстрѣе влюбился въ молодую польку и сдѣлалъ ей предложеніе. На бѣду его у польки оказался женихъ, пріѣзда котораго она ожидала съ часа на часъ. Когда сержантъ узналъ объ этомъ, то отчаянію и ярости его не было границъ. Онъ грозился убить соперника, какъ только встрѣтитъ его, при чемъ приходилъ въ страшное изступленіе, такъ что иногда дѣлался даже опаснымъ. Пришлось предметъ его страсти перевести въ другой госпиталь, стоявшій въ какомъ-то селеніи верстахъ въ 30 отъ Херсона. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ насъ, такъ что пришлось въ концѣ концовъ его выписать и сдать въ распоряженіе военнаго начальства, которое скоро отправило его съ партіей плѣнныхъ въ Одессу.

Въ первой половинѣ февраля я получилъ предписаніе вернуться въ полкъ, стоявшій тогда въ Могилевѣ Подольской губ., куда послѣ разнаго рода приключеній прибылъ 16 февраля. Вмѣстѣ съ этимъ окончилась моя кочевая военно-походная жизнь. Жизнь эта дѣйствуетъ на людей деморализующимъ образомъ: частыя перекочевки съ одного мѣста на другое, отсутствіе газетъ и книгъ для чтенія притупляетъ вашу нервную систему до такой степени, что даже къ виду страданій окружающихъ васъ людей вы дѣлаетесь индифферентны; впечатлѣнія ваши дѣлаются неглубокими,

поверхностными, какъ бы скользятъ по предметамъ, вашъ мозгъ, при отсутствіи умственныхъ возбудителей, засыпаетъ, моральное чувство также притупляется, такъ что вы равнодушно проходите мимо явленій, которыя въ другое время вызвали бы въ васъ негодованіе, или ужасъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля я уѣхалъ изъ Могилева въ село Носковцы того же уѣзда, гдѣ былъ устроенъ баталіонный лазаретъ и гдѣ я пробылъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Пребываніе въ этомъ прекрасномъ уголкѣ, гдѣ все дышало спокойствіемъ мирной деревенской жизни, благодѣтельно подѣйствовало на меня какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Правильная и спокойная жизнь, занятія въ лазаретѣ, пріемы больныхъ крестьянъ, чтеніе книгъ, которыя я получалъ изъ богатой господской библіотеки, привели, наконецъ, въ равновѣсіе мою нервную систему.

Въ іюнѣ 1856-го года полкъ былъ переведенъ въ г. Радомысль Кіевск. губ. Это небольшой городокъ на рѣкѣ Тетеревѣ, довольно грязный въ то время, съ развалинами уніатской метрополіи. Общество состояло частью изъ помѣщиковъ, а, главнымъ образомъ, изъ чиновниковъ, по преимуществу поляковъ. Помѣщиковъ въ уѣздѣ было много также исключительно поляковъ, русскихъ же въ всемъ уѣздѣ было только двое, такъ что польскій языкъ являлся господствующимъ. Мы очень скоро и хорошо сблизились съ обществомъ и съ ближайшими къ городу помѣщиками. Жизнь тамъ шла довольно пріятно. Польское общество въ то время не чуждалось такъ русскихъ, какъ это сдѣлалось послѣ возстанія. Оно отличалось любезностью, гостепріимствомъ и чрезвычайной простотою жизни.

Сельское населеніе уѣзда, несмотря на хорошія мѣстныя условія, жило довольно бѣдно, чему главною причиной была крѣпостная зависимость крестьянъ. Хотя во время генералъ-губернаторства въ Кіевѣ Бибикова во всемъ Юго-западномъ краѣ были введены, такъ называемыя, инвентарныя правила, цѣлью которыхъ было урегулированіе отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, но во-первыхъ, въ самихъ этихъ правилахъ скорѣе ограждались интересы помѣщиковъ, чѣмъ крестьянъ, и съ другой стороны—въ случаѣ нужды правила эти обходились очень легко, чему помогала сама мѣстная администрація. Кромѣ того много имѣній было въ рукахъ арендаторовъ изъ мѣстной шляхты, или такъ называемыхъ поссессоровъ, которые всѣми правдами и неправдами выжимали изъ крестьянъ какъ можно больше дохода въ ущербъ благосостоянію ихъ. Отсутствіе мѣстныхъ рынковъ и мало-мальски сносныхъ путей сообщенія дѣлало сбытъ сельскихъ продуктовъ крайне затруднительнымъ и ставило крестьянъ въ полную зависимость

при сбытѣ ихъ отъ евреевъ скупщиковъ, да и сами помѣщики въ этомъ отношеніи были въ рукахъ евреевъ, такъ что послѣдніе были бы полными хозяевами экономическаго положенія края. Въ ихъ рукахъ были цѣны на всѣ сельскіе продукты и, зная хорошо положеніе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, они всегда умѣли скупать ихъ вò-время, т. е. тогда, когда, какъ тѣ, такъ и другіе наиболѣе нуждались въ деньгахъ. Недовольстео своимъ положеніемъ среди крестьянъ было общее и время отъ времени выражалось мелкими вспышками, усмиряемыми мѣстной администраціей, иногда при помощи розогъ. Прибавьте къ этому различіе вѣроисповѣданій, такъ какъ помѣщики были католики, а крестьяне— православные, или обращенные изъ бывшихъ уніатовъ, различіе языковъ (помѣщики говорили по-польски, а крестьяне на руссинскомъ нарѣчіи), и вы поймете, какая рознь существовала между этими двумя сословіями. Крестьяне глубоко ненавидѣли своихъ помѣщиковъ, которые ничего не дѣлали для улучшенія ихъ быта, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Во всемъ уѣздѣ не было ни одной школы, ни одной больницы; нигдѣ и ни въ комъ крестьяне не имѣли для себя защитника. Администрація по большей части поддерживала помѣщиковъ, православное духовенство, которое должно бы было быть естественнымъ защитникомъ крестьянъ, по своей малообразованности само было въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, да и мало думало объ интересахъ первыхъ.

А время было замѣчательное, полное самыхъ свѣтящихъ надеждъ. Послѣ Крымской войны, открывшей всѣ язвы нашего общественнаго строя, новымъ воздухомъ повѣяло въ Россіи. Гнетъ, лежавшій на русской мысли и русской литературѣ, началъ ослабѣвать, журналы оживились, стали возникать новые, въ томъ числѣ „Русскій Вѣстникъ“, который въ первые годы своего существованія проповѣдовалъ англійскій конституціонализмъ и вообще по своимъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ либеральному лагерю; появилось повое полное изданіе соч. Пушкина и переводы многихъ иностранныхъ книгъ; открыты были двери университетовъ, и преподаваніе въ нихъ стало болѣе свободно, соотвѣтственно современнымъ научнымъ требованіямъ. Само общество оживилось и съ увлеченіемъ стало заниматься политическими и общественными вопросами. Разумѣется, самымъ главнымъ вопросомъ, занимавшимъ всѣ умы, былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, какъ о страшномъ тормозѣ, лежавшемъ на пути къ развитію и прогрессу въ Россіи. Намъ казалось, что съ уничтоженіемъ его всѣ другіе вопросы будутъ разрѣшены

легко въ самомъ благопріятномъ смыслѣ для дальнѣйшаго развитія нашего отечества.

Вопросъ этотъ постоянно возбуждалъ самые горячіе споры въ обществѣ между тогдашними „отцами“ и „дѣтьми“. Къ сожалѣнію, въ одномъ случаѣ подобный споръ окончился очень трагически.

У насъ былъ молодой офицеръ Гронъ. По окончаніи курса на математическомъ факультетѣ Московскаго университета онъ поступилъ въ калужское ополченіе. По окончаніи войны, онъ рѣшился остаться на военной службѣ и перешелъ въ нашъ полкъ съ намѣреніемъ года черезъ 2 выдержать экзаменъ въ академію генеральнаго штаба. Это былъ милый, чрезвычайно образованный и благородный молодой человѣкъ. Мы часто проводили вмѣстѣ цѣлые вечера за чтеніемъ и бесѣдами. Какъ хорошій знатокъ нѣмецкаго языка, онъ познакомилъ меня съ Гёте, Шиллеромъ и другими нѣмецкими авторами, а также съ нѣмецкой философіей, въ которой я былъ тогда полнѣйшій невѣжда. На вечерѣ у одного офицера, по обычаю, зашелъ споръ о крѣпостномъ правѣ, который мало-помалу перешелъ къ вопросу о дурномъ обращеніи офицеровъ съ солдатами и въ особенности съ денщиками, за что Гронъ всегда жестоко нападалъ на офицеровъ.

Во время этого спора бывшій тутъ баталіонный командиръ маіоръ Щечка, человѣкъ очень грубый и жестокій, сказалъ Грону какую-то дерзость. Тотъ на дерзость отвѣтилъ также дерзостью. Разгоряченный виномъ Щечка бросился на Грона съ кулаками. Послѣдній, желая отпарировать ударъ, оттолкнулъ Щечку такъ сильно, что тотъ упалъ, при чемъ Гронъ сорвалъ съ него погонъ. Дѣло было не шуточное. Какъ ни старались мы успокоить ихъ и заставить помириться, намъ это не удалось, и Щечка на другой день подалъ обо всемъ происшедшемъ рапортъ полковому командиру. Началось слѣдствіе, и Гронъ былъ преданъ военному суду, который приговорилъ его къ 12-ти лѣтней каторжной работѣ, а Щечкѣ былъ сдѣланъ только выговоръ. Мы всѣ страшно жалѣли Грона. Наканунѣ объявленія приговора онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ револьвера, доставленнаго ему кѣмъ-то изъ товарищей на гауптвахту.

Положеніе Радомысля въ то время было не особенно выгодно въ санитарномъ отношеніи. Средняя часть его находится на довольно возвышенной и сухой мѣстности, которая, постепенно склоняясь къ западу и востоку, подъ конецъ дѣлается крайне грязной и низменной, почти болотистой. Протекающая въ южной сторонѣ его рѣка Тетеревъ представляетъ огромное болото, выдѣляющее зловредныя маляріійныя испаренія. Полковой лазаретъ помѣщался

на западной оконечности города въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки и постоянно подвергался вліянію этихъ испареній. Другого помѣщенія для лазарета найти было нельзя.

Въ уѣздѣ также было много болотистыхъ мѣстностей. Вслѣдствіе этого болотныя лихорадки были тамъ очень часты, очень упорны и нерѣдко злокачественны. Къ тому же, мы въ то время употребляли хининъ крайне неумѣло, давали его на пріемъ отъ 2—5 гранъ—не болѣе, отчего лихорадочные пароксизмы затягивались, что въ свою очередь вело къ истощенію малярійныхъ больныхъ и развитію у нихъ малярійнаго худосочія съ водянками, изнурительными поносами и другими его послѣдствіями, поэтому число больныхъ въ полковомъ лазаретѣ было всегда очень велико, до 150 и болѣе человѣкъ. Смертность была довольно большая. Она вызывала слѣдующее курьезное явленіе. Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, высшее военное начальство постановило, что смертность въ войскахъ не должна превышать 10% заболѣваній, при чемъ разсчетъ этотъ дѣлался не за годъ, а помѣсячно; въ случаѣ превышенія этой нормы за какой-нибудь мѣсяцъ, назначалось дознаніе о причинахъ возвышенія смертности, а иногда и формальное слѣдствіе, что, конечно, вело къ большимъ непріятностямъ какъ для командира полка, такъ и для врачей. А такъ какъ общая годовая смертность не превышала 10%, то установился такой обычай: при мѣсячныхъ отчетахъ часть умершихъ, превышавшая эту норму, показывалась еще въ живыхъ и затѣмъ уже распредѣлялась на тѣ мѣсяцы, гдѣ смертность была ниже. Такіе умершіе назывались „экономическими“ умершими, такъ какъ на нихъ получалось все казенное довольствіе и жалованіе, остававшееся въ экономіи у командира полка. Въ маѣ 1858-го года по случаю перевода старшаго врача въ другой полкъ и назначенія на его мѣсто врача изъ Омскаго военнаго госпиталя, я долженъ былъ принять въ свое завѣдываніе полковой лазаретъ. При сдачѣ его, бывшій старшій врачъ Гришановъ предложилъ мнѣ принять 13 или 14 такихъ умершихъ. Я долго не соглашался на это, наконецъ долженъ былъ это сдѣлать, такъ какъ въ случаѣ моего отказа Гришанову грозило слѣдствіе. Онъ меня убѣдилъ тѣмъ, что слѣдующіе лѣтніе мѣсяцы процентъ смертности будетъ, конечно, меньше, и я успѣю показать ихъ въ вѣдомостяхъ до пріѣзда новаго врача, который, конечно, не могъ скоро пріѣхать изъ Омска. На мою бѣду въ слѣдующіе мѣсяцы смертность была довольно высока, такъ что къ концу августа у меня оставалось 5 человѣкъ въ запасѣ. Съ большимъ волненіемъ ждалъ я пріѣзда новаго врача, такъ какъ онъ могъ бы не принять этихъ умершихъ, и я подпалъ бы подъ слѣд-

ствіе. Къ счастью дѣло окончилось благополучно. Новый врачъ оказался человѣкомъ знакомымъ съ этимъ нелѣпымъ порядкомъ и принялъ лазаретъ безъ всякихъ возраженій.

Часть II.

Глава I.

Торжокъ, купцы и чиновники.

Лѣтомъ 1859-го года я былъ переведенъ изъ Ладожскаго полка во Владимірскій уланскій, который стоялъ тогда въ городѣ Торжкѣ Тверской губерніи. Пріѣхавъ въ Торжокъ въ концѣ іюля, я остановился въ гостиницѣ Пожарскаго, знаменитой тогда своими пожарскими котлетами и своей хозяйкой Дарьей Евдокимовной Пожарской. Судя по разсказамъ о ней, это была женщина большого ума, чрезвычайно властолюбивая и хорошо знавшая людей, а потому умѣвшая пользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей. Она сумѣла пріобрѣсть расположеніе Императора Николая Павловича, хорошо понявъ его характеръ.

Въ своихъ переѣздахъ изъ Петербурга въ Москву онъ всегда останавливался въ ея гостинницѣ. Пожарская встрѣчала его у подъѣзда съ хлѣбомъ-солью, подъ его ноги отъ кареты до крыльца она разстилала въ видѣ ковра дорогую соболью шубку. Это вниманіе чрезвычайно трогало Императора, и, принявъ хлѣбъ-соль, онъ любилъ бесѣдовать съ ней о разныхъ разностяхъ. Она умѣла также пріобрѣсти расположеніе приближенныхъ къ нему: князя Волконскаго, Орлова и другихъ. Все это давало ей возможность обдѣлывать разныя дѣла, не всегда чистыя. Такъ, напримѣръ, всѣмъ было памятно тогда дѣло Дунина-Борковскаго. Это былъ очень богатый помѣщикъ Тверской губерніи, находившійся вслѣдствіе своего слабоумія подъ опекою. Это, конечно, не нравилось ни его супругѣ, ни нѣкоторымъ изъ его родственниковъ. Пожарская, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, умѣла представить это дѣло Государю въ такомъ видѣ, будто Дунинъ-Борковскій—человѣкъ совершенно здоровый и опека надъ нимъ учреждена неправильно. По повелѣнію Государя дѣло было пересмотрѣно, и Борковскій былъ признанъ совершенно здоровымъ. Опека была снята съ него. Тогда началось расхищеніе его имѣнія женою и нѣкоторыми изъ его родственниковъ, при чемъ безъ сомнѣнія досталось и на долю Пожарской.

Несмотря на подобныя дѣла, довѣріе Государя къ ней ни разу не поколебалось, такъ какъ, разумѣется, за нею были дѣла и хорошія: такъ она часто хлопотала за разныхъ сиротъ, устраивала помѣщеніе ихъ въ разныя учебныя заведенія, хлопотала за лицъ, неправильно осужденныхъ тогдашними судами, что при безгласности того времени случалось нерѣдко, если обвиняемый не имѣлъ средствъ откупиться, или сильныхъ защитниковъ. Государь нерѣдко, по ея ходатайству, приказывалъ пересматривать дѣла и отмѣнять состоявшіеся уже приговоры. Вслѣдствіе этого она имѣла огромное значеніе въ городѣ; не только тогдашнее безгласное купечество, но и дворянство прибѣгало къ помощи Дарьи Евдокимовны, испрашивая себѣ разныя милости отъ Государя.

Я самъ не засталъ ее уже въ живыхъ, но пишу это по разсказамъ, тогда еще свѣжимъ, мѣстныхъ жителей. Въ гостиницѣ, которая существуетъ до сихъ поръ, хранится ея портретъ, писанный, какъ говорятъ, Брюлловымъ. На немъ она изображена круглолицей, здоровой и красивой женщиной чисто русскаго типа, съ свѣтлорусой косой и умными карими глазами. На рукахъ она держитъ ребенка въ кружевной рубашкѣ, какъ говорятъ, внука бывшаго тогда министромъ Двора князя Волконскаго.

Торжокъ по внѣшности мало измѣнился съ тѣхъ поръ, прибавилось только нѣсколько зданій да выстроенъ новый постоянный мостъ черезъ Тверцу. Но внутренній характеръ города и образъ жизни его обывателей измѣнились во многомъ такъ, что, я полагаю, не безъинтереснымъ будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что я засталъ сорокъ лѣтъ назадъ.

Первенствующими сословіями въ городѣ были купечество и чиновничество. Офицеры уланскаго полка, жившіе въ небольшомъ числѣ въ городѣ и принадлежавшіе большею частью къ помѣщикамъ Тверской и сосѣднихъ губерній, такъ какъ полкъ стоялъ около сорока лѣтъ въ городѣ, въ образѣ своей жизни ничѣмъ не отличались отъ жизни тогдашняго дворянскаго общества и по своей немногочисленности не имѣли большого значенія въ городѣ, а потому мы будемъ говорить теперь только о купечествѣ и чиновничествѣ.

Новоторжское купечество было тогда очень богато и сильно. Въ то время было немало фирмъ, торговавшихъ на сотни тысячъ. Главнымъ раіономъ ихъ торговой дѣятельности были поволжскія пристани, начиная съ Рыбинска, вплоть до самыхъ низовьевъ Волги. Тутъ они скупали, главнымъ образомъ, пшеницу и овесъ.

Овесъ отправлялся большею частью въ Англію, такъ что въ этомъ случаѣ новоторжскіе купцы являлись только посредниками между производителями и потребителемъ—Англіей. Пшеница же перемалывалась на крупчатыхъ мельницахъ, находившихся при рѣкѣ Осугѣ, принадлежащей почти всецѣло Новоторжскому уѣзду, и уже въ видѣ муки продавалась частью за границей, частью въ Петербургѣ и въ городахъ, лежавшихъ къ западу отъ Московскаго шессе и не имѣвшихъ ни капиталовъ, ни тѣхъ благопріятныхъ для торговли условій, которыми обладалъ Торжокъ. Торговля велась такимъ образомъ: осенью купцы отправляли своихъ приказчиковъ на всѣ пристани и тамъ скупали хлѣбъ, частью большими партіями у помѣщиковъ, частью у крестьянъ съ возовъ, привозимыхъ на базары.

Послѣдній способъ покупки считался приказчиками болѣе выгоднымъ для нихъ, такъ какъ тутъ представлялось обширное поле для разнаго рода обмѣриваній, обвѣшиваній и обсчитываній при разсчетахъ. Послѣднее особенно практиковалось съ добродушными инородцами южныхъ губерній Поволжья. Говорятъ, что иногда разсчитывались даже фальшивыми бумажками, которыя доставлялись въ Торжокъ откуда-то изъ Финляндіи, хотя это не всегда было безопасно. Случалось, что обманутые мужички, узнавъ о томъ, что ихъ надули, догоняли обманщиковъ и колотили ихъ изрядно, иногда даже до смерти. Приказчики сильно наживались при этихъ покупкахъ, и случалось нерѣдко, что ловкій приказчикъ, ѣздившій лѣтъ десять подрядъ на пристани, самъ дѣлался купцомъ, на что, впрочемъ, хозяева не претендовали, лишь бы они давали барыши и имъ, хозяевамъ. Купленный зимой хлѣбъ грузился на барки и доставлялся водой въ Торжокъ въ теченіе лѣта. Здѣсь онъ перемалывался и слѣдующей весной отправлялся въ Петербургъ, такъ что весь оборотъ продолжался почти два года. Хлѣбная торговля, конечно, существовала и въ другихъ центрахъ, но Торжокъ задавалъ тонъ обиліемъ своихъ фирмъ и ихъ солидарностью.

Домашняя жизнь купечества была крайне замкнута. Каждый домъ болѣе или менѣе зажиточнаго купца представлялъ родъ крѣпости, проникнуть въ которую было довольно затруднительно. Дворъ окруженъ былъ хозяйственными постройками и каменной стѣной. Тяжелыя деревянныя ворота были постоянно на замкѣ, и возлѣ нихъ всегда стоялъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, представлявшій изъ себя первую ступень служебной іерархіи.

Чтобы попасть въ домъ, надо было сначала переговорить съ мальчикомъ, объяснить ему, кто вы и какое имѣете дѣло къ хо-

зяину, послѣ чего мальчикъ уходилъ, заперши калитку на засовъ. Затѣмъ являлся приказчикъ постарше и, по снятіи съ васъ того же допроса, также исчезалъ на нѣкоторое время. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого васъ, наконецъ, впускали во дворъ, и приказчикъ вводилъ васъ въ первую комнату дома. Тутъ находился третій приказчикъ, который шелъ доложить о васъ хозяину. Наконецъ являлся хозяинъ и, пригласивъ васъ сѣсть, начиналъ съ вами разговоръ. Въ это время приносился чай, и вы волей-неволей должны были его пить, чтобы обезпечить успѣхъ своего дѣла. Тутъ только начинался дѣловой разговоръ. Если дѣло было слажено, то хозяинъ приглашалъ васъ въ другую комнату, гдѣ на столѣ была приготовлена водка и закуска. Хозяинъ поздравлялъ васъ съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла и предлагалъ выпить водки, а если вы не пьете водки, то сквернаго Елисѣевскаго хереса или не менѣе сквернаго сотерна. Безъ этихъ китайскихъ церемоній не обходилась ни одна торговая сдѣлка. Даже доктора должны были проходить черезъ всю эту шеренгу приказчиковъ, чтобы попасть къ больному. При этомъ экипажъ доктора вводился во дворъ, чтобы проходящіе не видали, что въ домѣ докторъ, ибо болѣть и лѣчиться было „зазорно“. Безъ дѣла никогда не ходили другъ къ другу даже ближайшіе родственники. Собирались только въ разные торжественные семейные праздники. Тогда, кромѣ родныхъ, приглашались ближайшіе богатые сосѣди, приходскій священникъ, а иногда и лица, имѣвшія торговыя дѣла съ хозяевами. Приглашался обыкновенно только глава семейства съ женой, сыновья же, а тѣмъ болѣе дочери не приглашались. Начиналось дѣло обыкновенно съ закуски, подававшейся не на обѣденномъ столѣ, а на другомъ. Закусывали большею частію такъ усердно, что многіе садились за столъ полупьяными. Женщины или не закусывали вовсе или закусывали потихоньку въ комнатѣ хозяйки, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ также усердно пили водку или наливки домашняго приготовленія, преимущественно рябиновую. Обѣдъ былъ шаблонный и состоялъ обыкновенно изъ кулебяки, куринаго супу, холоднаго поросенка и какого-нибудь жаркого. Въ постные дни, конечно, обѣдъ былъ рыбный. За обѣдомъ пили также водку и плохія Елисѣевскія вина. Въ богатыхъ домахъ пили шампанское, а въ менѣе зажиточныхъ какое-то тоттенское, отъ одного бокала котораго порядочнаго человѣка начинало тошнить. При этомъ однимъ изъ наемныхъ лакеевъ провозглашались тосты за хозяина, хозяйку и т. д. Никакихъ рѣчей не произносилось. По окончаніи обѣда часть гостей расходилась, а болѣе близкіе оставались играть въ карты. Играли обыкновенно въ стуколку. Часа черезъ два послѣ обѣда снова по-

давалась закуска и начинались возліянія. Рѣдкій обѣдъ обходился безъ инцидентовъ, изъ которыхъ самымъ незначительнымъ была крупная ссора. Но бывали случаи, когда нѣкоторые изъ гостей выходили съ синяками подъ глазами или другими признаками насилія. И это нисколько не считалось оскорбленіемъ, такъ что соперники, поколотивши другъ друга, встрѣчались на другой день безъ всякой злобы или раздраженія другъ противъ друга.

Свадебные обѣды отличались большею торжественностью и болѣе обильными возліяніями. Вечеромъ бывали обыкновенно танцы, на которые приглашались молодые кавалеры и дѣвицы, большею частію изъ родственниковъ. Иногда приглашались и подруги невѣсты; танцовали кадриль и польку.

Помимо этихъ, такъ сказать, торжественныхъ собраній, даже близкіе родственники никогда не ходили другъ къ другу. Молодежь сближалась между собой большею частію на лавочкахъ, которыя были у воротъ почти каждаго дома. Обыкновенно послѣ вечерняго чая на эти лавочки собирались дѣвицы, къ нимъ являлись поклонники, сидѣли и болтали до поздней ночи. Большею частію эти ухаживанья, за которыми родители почти не наблюдали, заканчивались бракомъ.

Кромѣ того, молодежь встрѣчалась лѣтомъ еще на городскомъ бульварѣ. Каждое воскресенье и каждый праздникъ тамъ играла полковая музыка. Прекрасный полъ, принарядившись въ лучшія платья, пока было свѣтло и играла музыка, сидѣлъ на лавочкахъ по сторонамъ бульварныхъ аллей. Молодежь мужского пола гуляла по аллеямъ. Дѣвицы и молодыя дамы сидѣли чинно, едва-едва переговаривали другъ съ другомъ, рѣдко на какомъ лицѣ увидишь, бывало, улыбку. Но, какъ только стемнѣетъ, картина сразу мѣнялась: дѣвицы и кавалеры гуляли парами, слышался веселый смѣхъ, часто какія-то взвизгиванья, показывавшія, что ухаживанья стали болѣе энергичны. Затѣмъ кавалеры провожали своихъ дамъ до дома, гдѣ еще долго просиживали на лавочкахъ. Нерѣдко и эти ухаживанья оканчивались бракомъ, часто противъ воли родителей, такъ называемымъ уходомъ. Одно время это даже было обычной формой заключенія брака. Родители противъ этого не возставали, такъ какъ это избавляло ихъ отъ расходовъ на приданое и брачные пиры. Обыкновенно же браки заключались при посредствѣ свахъ, нерѣдко противъ воли брачащихся.

Жители города, казалось, были очень религіозны. По воскресеньямъ и по праздникамъ почти всѣ ходили къ заутренѣ и къ

обѣднѣ. Въ домахъ передъ иконами постоянно теплились лампадки. Кромѣ того, купцы заботились объ украшеніи церквей, лили громадные колокола, ставили вокругъ церквей ограды, а въ дѣлѣ благотворительности ограничивались раздачей по праздникамъ милостыни въ видѣ копеечныхъ или двухкопеечныхъ подаяній, большая часть которыхъ шла на кабаки.

Посты соблюдались очень строго. Но эта религіозность была чисто внѣшняя, не проникнутая духомъ христіанскаго ученья о любви. Была масса суевѣрій, которыя держались крѣпко, благодаря всеобщему невѣжеству.

Болѣе глубокой религіозностью отличались раскольники, которыхъ было не мало въ Торжкѣ. Кромѣ старообрядцевъ разныхъ толковъ, были еще раскольники австрійскаго священства, имѣвшіе собственную церковь. Раскольники очень дѣятельно поддерживали другъ друга въ матеріальномъ отношеніи, такъ что между ними не было крайней бѣдности. Въ нѣкоторыхъ сектахъ наблюдалась даже нѣкоторая общность имущества. Послѣдователи этихъ сектъ не имѣли права дѣлить оставшійся послѣ ихъ смерти капиталъ между дѣтьми и ближайшими наслѣдниками, въ пользу которыхъ поступала только самая малая часть капитала, все остальное поступало въ пользу общины. Сектанты эти составляли хорошую доходную статью полиціи, которая за это оставляла ихъ въ покоѣ безъ преслѣдованья, не трогая ихъ тайныхъ молеленъ.

Въ настоящее время, конечно, многое перемѣнилось; число сектантовъ уменьшилось, и среди нихъ замѣчается внутреннее разложеніе.

Въ домашней жизни царствовалъ самый грубый, самый жестокій произволъ. Домохозяинъ былъ полный владыка въ своемъ домѣ— все передъ нимъ трепетало, все ему повиновалось; но въ то же время всѣ его обманывали, начиная съ жены и кончая послѣднимъ работникомъ. Деспотизмъ этотъ особенно тяжело отзывался на дѣтяхъ. Даже взрослые сыновья не смѣли шагу сдѣлать безъ воли родительской и все скрывали отъ нихъ.

Ни вина, ни водки не смѣли они пить въ присутствіи отца. Но, за то, вырвавшись на волю, они предавались грубому разврату и кутежамъ. Большею частію послѣ ужина, когда родитель отойдетъ ко сну, взрослые сыновья уходили изъ дома въ трактиры, гдѣ, кромѣ пьянства, предавались, разумѣется, и разврату. Это часто вело къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ въ случаѣ заболѣванья сифилисомъ, что встрѣчалось нерѣдко, они скрывали отъ

родителей, лѣчились потихоньку у фельдшеровъ или рѣдко у кого-нибудь изъ врачей. При такихъ условіяхъ лѣченье шло неправильно, послѣдствіемъ чего часто являлись самыя застарѣлыя формы сифилиса. И все это вмѣстѣ съ пьянствомъ вело къ вырожденію цѣлыхъ родовъ. Особенно сильно кутила молодежь на пристаняхъ, куда ихъ посылали для закупки хлѣба вмѣстѣ со старшими приказчиками, которые въ своихъ интересахъ покровительствовали кутежамъ молодыхъ хозяевъ.

Дѣтей своихъ купцы учили очень мало, большею частью у мѣстныхъ дьяконовъ и причетниковъ читать, писать, часослову и первымъ правиламъ ариеметики. Кромѣ приходскихъ школъ и уѣзднаго училища, другихъ учебныхъ заведеній не было. Нѣкоторые богатые купцы посылали кого-нибудь изъ своихъ сыновей въ коммерческое училище, но старики смотрѣли на это косо, усматривая въ этомъ вредное новшество. Теперь, конечно, не то; въ городѣ есть полная женская гимназія, довольно хорошо поставленное городское училище, мужская учительская семинарія, духовное училище и нѣсколько начальныхъ школъ. Все это устроилось въ теченіе тридцати лѣтъ, благодаря великимъ реформамъ Александра II.

Деспотизмъ и упорное отстаиванье традиціоннаго порядка жизни доходили до того, что въ жертву имъ приносились судьба и развитіе дѣтей. Разскажу по этому случаю одинъ печальный и очень характерный случей.

Однажды вечеромъ я былъ приглашенъ въ домъ довольно зажиточнаго купца Сусляева. Меня ввели въ комнату больного, который, какъ оказалось, находился въ сильномъ истерическомъ припадкѣ, вызванномъ опьяненіемъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, сынъ хозяина. Когда истерическій припадокъ улегся, больной, заливаясь слезами, разсказалъ мнѣ, что у него есть страсть и способности къ музыкѣ и что онъ проситъ отца отпустить его въ Петербургъ для усовершенствованія, но отецъ упорно отказываетъ ему въ этомъ, мотивируя свой отказъ, между прочимъ, тѣмъ, что музыка не купеческое дѣло, что купецъ долженъ торговать, а не заниматься такимъ „зазорнымъ“ дѣломъ, которое можетъ только опозорить ихъ родъ. Я успокоилъ больного, сказавъ, что поговорю съ отцомъ и постараюсь убѣдить послѣдняго отпустить его, сына, въ Петербургъ. Но сколько я ни говорилъ на эту тему съ отцомъ, выставляя на видъ, что самое пьянство сына происходитъ отъ неудовлетворенности его стремленья, обѣщался помочь ему черезъ

своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ устроить сына у какого-нибудь хорошаго учителя музыки, я постоянно встрѣчалъ упорный отказъ, мотивированный тѣмъ, что никогда въ ихъ роду не было музыкантовъ, что это можетъ опозорить ихъ родъ и что сынъ долженъ заниматься дѣломъ, т. е. торговлей.

Чѣмъ больше упорствовалъ отецъ, тѣмъ больше пьянствовалъ сынъ. Наконецъ, отецъ заперъ сына въ какую-то комнатку на вышкѣ, куда ему приносили обѣдъ. У него даже отняли плохое старинное фортепьяно, на которомъ онъ прежде упражнялся. Черезъ нѣсколько времени я снова былъ приглашенъ въ домъ Сусляева и нашелъ молодого человѣка въ самомъ ужасномъ состояніи. Онъ былъ остывши, весь синій, почти безъ пульса, конечности дрожали, слова онъ выговаривалъ плохо. Оказалось, что Николай Сусляевъ ухитрился какимъ-то образомъ вырваться съ вышки, сутокъ двое шлялся по кабакамъ, пропилъ тамъ свою одежду и, наконецъ, найденъ былъ въ какомъ-то рву близъ города. Въ этотъ разъ я довольно долго лѣчилъ несчастнаго больного, постоянно упрашивая отца отпустить его въ Петербургъ, хотя, быть можетъ, тогда было уже слишкомъ поздно, и постоянно встрѣчалъ со стороны отца тотъ же отказъ по тѣмъ же резонамъ. Тогда юноша окончательно сдѣлался пьяницей; и много лѣтъ еще можно было видѣть несчастнаго, бродившаго въ одной рубашкѣ и опоркахъ по кабакамъ или выпрашивавшаго въ гостиномъ дворѣ подаяніе, которое тотчасъ же пропивалось. А между тѣмъ у юноши были несомнѣнныя способности къ музыкѣ, какъ я слышалъ объ этомъ отъ двухъ-трехъ компетентныхъ лицъ, случайно слышавшихъ его игру.

Конечно, дѣло не всегда кончалось такъ трагически, какъ съ Сусляевымъ: молодые люди въ концѣ концовъ подчинялись жестокому произволу родителей и шли торговать; но сколько было загубленныхъ силъ и, быть можетъ, талантовъ, сколько разбитыхъ жизней!

Никакой общественной жизни въ городѣ тогда не было. Личность человѣка не имѣла никакихъ правъ, о которыхъ, впрочемъ, тогда никто не имѣлъ никакого понятія. Администрація была всесильна. Отъ нея впрочемъ легко было откупиться деньгами, и купечество дѣйствительно платило на каждомъ шагу, чтобы только избавиться отъ ея придирокъ и придирокъ полиціи. Въ душѣ же они презирали чиновниковъ, а въ особенности полицію.

Городскимъ головой былъ въ то время В. Г. Л., человѣкъ недалекій, но крайне тщеславный. De jure городскіе головы

должны были быть первенствующими лицами въ городѣ, такъ какъ всѣ хозяйственные интересы города находились въ ихъ рукахъ. Но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Состоя въ сильной зависимости отъ администраціи, мало знакомые съ законами, нерѣдко малограмотные, они волей-неволей попадали подъ вліяніе своихъ секретарей, назначавшихся изъ чиновниковъ губернскаго правленія и губернаторской канцеляріи. Секретари вели журналы думскихъ засѣданій, завѣдывали всею думской канцеляріей и такимъ образомъ пріобрѣтали большое значеніе въ городскомъ управленіи. На долю же головы оставалось только, такъ сказать, внѣшнее представительство да обязанность откупаться отъ губернской администраціи. За это они получали медали и почетное гражданство.

У Л. страсть къ медалямъ была развита въ высшей степени, что, впрочемъ, имѣло и свои хорошія стороны. Такъ, для полученія лишней медали онъ выстроилъ на свой счетъ каменныя конюшни и казармы для двухъ эскадроновъ уланскаго полка. Въ большіе праздники онъ надѣвалъ мундиръ и всѣ имѣющіяся у него медали и являлся въ такомъ видѣ въ соборъ, а затѣмъ дѣлалъ визиты именитымъ гражданамъ города и наиболѣе вліятельнымъ помѣщикамъ, живущимъ въ городѣ.

Въ сущности онъ былъ человѣкъ добрый и довольно любимый гражданами, такъ что нѣсколько трехлѣтій выбирался головой.

Свои торговыя дѣла онъ велъ довольно плохо, большею частію въ кредитъ и наконецъ такъ запутался въ нихъ, что сдѣлался несостоятельнымъ должникомъ и покончилъ дни свои довольно печально въ тюрьмѣ.

При немъ, между прочимъ, былъ случай, который могъ бы кончиться трагически. Лѣтомъ 1863 года, возлѣ Торжка въ имѣніи Уваровыхъ, Спасскомъ, поселился на дачѣ одинъ петербургскій чиновникъ. Изрѣдка онъ приходилъ въ городъ для его осмотра. Однажды онъ прогуливался среди дня по глухой части города въ плащѣ и соломенной шляпѣ. Когда онъ шелъ по одному изъ маленькихъ переулковъ этой части, вспыхнулъ пожаръ. Сбѣжалось много народа, который, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, былъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Явилась обычная мысль о поджогѣ. Какой-то уличный мальчишка крикнулъ, указывая на гуляющаго петербуржца: „Вотъ поджигатель, я самъ видѣлъ, какъ онъ подкладывалъ спички подъ заборъ“. Никому незнакомое лицо этого господина, его необычайный для новоторовъ костюмъ обратили на себя вниманіе возбужденной толпы, которая бросилась на него и хотѣла покончить съ нимъ собственнымъ судомъ (не

забудьте, что это было послѣ знаменитыхъ петербургскихъ пожаровъ 1862 года, въ которыхъ обвиняли студентовъ, нигилистовъ и т. д.). Не мудрено, что толпа повѣрила этому, особенно подзадориваемая купцомъ Вавулинымъ. Бывшій тутъ Л. былъ такъ ошеломленъ всѣмъ происходившимъ, что не оказывалъ никакого сопротивленія толпѣ. Къ счастью въ это время подоспѣла военная команда и нѣсколько офицеровъ съ полковымъ командиромъ. Имъ едва удалось вырвать несчастнаго изъ рукъ толпы и подъ военнымъ конвоемъ отвести его домой.

Вся эта исторія была разсказана въ одномъ изъ нумеровъ „Искры“, и статья оканчивалась слѣдующимъ четырехстишіемъ:

„Давно Сквозника-Дмухановскаго нѣтъ,
И умеръ купчина Абдулинъ,
Зато въ Торжкѣ появились на свѣтъ
Городской голова и Вавулинъ“.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына [1]).

Къ числу уличныхъ развлеченій въ зимнее время принадлежали *кулачные бои*. Обыкновенно въ воскресенье и другіе праздничные дни около вечерни, на одной изъ отдаленныхъ улицъ собиралась толпа мѣщанской молодежи человѣкъ до четырехсотъ. Толпа эта дѣлилась на два лагеря, и каждый лагерь, выстроившись въ шеренгу по два въ рядъ, становился противъ другого. Въ каждомъ лагерѣ избирались одинъ или два предводителя, становившихся обыкновенно съ боку шеренги. Постоявъ такъ минуты двѣ, начинали острить другъ надъ другомъ и перебраниваться, затѣмъ кидать другъ въ друга снѣжками. Послѣ этого по командѣ „сходись!“ лагери бросались другъ на друга, и начинался настоящій кулачный бой. Удары вначалѣ были не очень сильны, но по мѣрѣ возбужденія они становились все сильнѣе и наносились по лицу, по носу, по зубамъ, по груди, такъ что многіе падали на снѣгъ, часто окровавленные съ фонарями подъ глазами, съ выбитыми зубами и т. д. Кругомъ дерущихся обыкновенно собиралась большая толпа изъ уличныхъ мальчишекъ, купеческихъ сынковъ, которые бросали въ дерущихся мѣдныя деньги, что тѣхъ еще больше приводило въ ярость. Бой продолжался часа полтора, пока обѣ стороны не ослабѣвали. Иногда побитыхъ уносили на рукахъ. Полиція въ эти дни не вмѣшивалась изъ боязни быть побитой.

Чтобы закончить мой разсказъ о новоторжскомъ купечествѣ, опишу двѣ довольно оригинальныя встрѣчи. Кажется, въ 1861 году я лѣчилъ довольно долго купца В. М. Вавулина, однофамильца

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1913 г.

того, который орудовалъ на пожарѣ. Это былъ старикъ лѣтъ восьмидесяти, истощенный продолжительнымъ нагноеніемъ въ колѣнномъ суставѣ. По случаю уборки дома передъ какимъ-то праздникомъ его перевели въ другую комнату, въ которой, къ удивленію моему, я увидалъ два большихъ шкафа съ книгами. Въ одномъ изъ нихъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ стояло большое количество книгъ свѣтскаго содержанія и въ томъ числѣ полное собраніе сочиненіи Вольтера. Удивленный этимъ, я спросилъ Вавулина, откуда у него эти книги. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что эти книги онъ пріобрѣлъ очень давно, когда былъ еще масономъ. Я сталъ разспрашивать Вавулина объ нихъ, но къ сожалѣнію онъ частью отъ старости, частью отъ истощенія и болѣзни совсѣмъ почти потерялъ память, и изъ его безсвязныхъ, непослѣдовательныхъ разсказовъ я ровно ничего не могъ понять. Онъ перепутывалъ событія, лицъ и даты. Я узналъ только, что къ этому обществу, кромѣ него, принадлежало еще нѣсколько новоторжскихъ купцовъ, что̀ доказываетъ, что развитіе купечества въ началѣ девятнадцатаго столѣтія было выше, чѣмъ въ серединѣ его.

У того же Вавулина я встрѣтилъ однажды высокаго благообразнаго старика-купца лѣтъ шестидесяти, съ сѣдой окладистой бородой. Его умная рѣчь меня очень заинтересовала, и я невольно просидѣлъ у больного дольше обыкновеннаго. Оказалось, что гость былъ достаточно знакомъ съ русской литературой, былъ большимъ поклонникомъ Герцена и получалъ „Колоколъ“, нѣсколько номеровъ котораго онъ далъ мнѣ для прочтенья. О Герценѣ онъ говорилъ съ восторгомъ, въ особенности о его статьяхъ по крестьянскому вопросу и о старообрядцахъ. Онъ самъ былъ старообрядцемъ Рогожскаго толка. Звали его—Александръ Ивановичъ Сборовскій.

Вообще старообрядцы въ то время возлагали большія надежды на императора Александра II и вѣрили, что онъ признаетъ свободу совѣсти и установитъ полную вѣротерпимость. Кромѣ того, онъ изрѣдка высказывалъ идеи соціалистическаго характера, съ которыми онъ, какъ оказалось, познакомился во время своего путешествія въ Бѣлую Криницу, въ Галицію, куда онъ ѣздилъ для разрѣшенія какихъ-то религіозныхъ недоразумѣній съ Бѣло-Криницкими раскольниками. Былъ онъ, кажется, и въ Лондонѣ у Герцена, но говорилъ объ этомъ неохотно.

Къ сожалѣнію, знакомство наше продолжалось недолго. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, и я больше нигдѣ не встрѣчалъ его.

Мѣщанское сословіе было также, если не болѣе, невѣжественно и грубо, какъ и купечество. Жили они очень бѣдно, грамотныхъ между ними было очень мало. У нѣкоторыхъ были небольшія полосы земли на городскихъ нивахъ. Нужно сказать, что еще при Екатеринѣ II городу было отведено, кажется, болѣе четырехъ съ половиной тысячъ десятинъ земли для общаго пользованья. Большею частію эта земля попала въ руки купечества и вообще людей болѣе достаточныхъ. Въ общемъ пользованіи оставался только лѣсъ, изъ котораго дозволялось пользоваться только бѣднѣйшимъ гражданамъ, да городскіе выгоны. Такимъ образомъ мѣщане, не имѣя земельнаго обезпеченія, должны были сильно бѣдствовать. Главнымъ средствомъ къ существованію, кромѣ обычныхъ городскихъ промысловъ: кузнечества и др., было шитье рукавицъ для судорабочихъ. Черезъ Торжокъ тогда проходило болѣе трехъ тысячъ барокъ, на которыхъ было тысячъ двадцать или болѣе судорабочихъ. Всѣ они запасались здѣсь многими необходимыми вещами.

Главнымъ образомъ работали женщины. Въ Торжкѣ тогда было очень распространено шитье по сафьяну. Нѣсколько подрядчиковъ заказывали женщинамъ вышивки по сафьяну золотомъ, серебромъ и шелками. Изъ этого шились туфли, башмаки, спальные сапоги и подушки. Все это продавалось частью въ Торжкѣ проѣзжимъ, частью въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ. Швеямъ платили за это поштучно, обыкновенно очень недорого, такъ что главные барыши доставались подрядчикамъ. Наибольшею извѣстностью пользовалась фирма купцовъ Королевыхъ, которые на Лондонской выставкѣ 1855 года получили за эти работы медаль. Кромѣ сафьяна, вышивали и по бархату. Производство это существуетъ и теперь, только въ меньшихъ размѣрахъ.

Нѣкоторые изъ мѣщанъ занимались еще разнаго рода извозомъ и перевозкою товаровъ.

ГЛАВА II.

Вторымъ господствующимъ сословіемъ было довольно многочисленное чиновничество. Оно отличалось тѣми же качествами, какъ и вездѣ въ Россіи того времени, т. е. брало взятки, играло въ карты, кутило по всякимъ случаямъ: на крестинахъ, именинахъ, свадьбахъ и т. п.

Главнымъ лицомъ въ городѣ былъ городничій. Въ то время эту должность занималъ маіоръ Астафьевъ. Это былъ человѣкъ

въ сущности добрый и неособенно притязательный, но про предшественника его, Л., разсказывали цѣлыя легенды. Пользуясь расположеніемъ губернской администраціи, съ которой онъ дѣлился своей добычей, онъ всесильно властвовалъ надъ городомъ.

Масса разнаго рода законоположеній и полицейскихъ правилъ, почти никому неизвѣстныхъ, ставило обывателя въ полную зависимость отъ полиціи, и, чтобы избавиться отъ тѣхъ стѣсненій, которыя на каждомъ шагу его преслѣдовали, онъ долженъ былъ платить взятки всякому, кто на него прикрикнетъ, иначе онъ не могъ заниматься свободно ни торговлей, ни промыслами. Въ дѣлѣ вымоганія взятокъ Л. былъ, какъ говорили, мастеръ первой руки. Кромѣ того, важныя статьи дохода составляли для него откупъ, выдача паспортовъ мѣщанамъ, проходныя свидѣтельства баркамъ и т. д. Кромѣ этихъ, какъ тогда называли, безгрѣшныхъ доходовъ, онъ не пренебрегалъ и другими болѣе темными.

Въ новоторжскихъ кабакахъ и трактирахъ было постоянное пьянство и всевозможныя оргіи, въ которыхъ участвовали и купеческіе сынки, и приказчики съ проходящихъ судовъ. Оргіи эти всегда кончались драками, при чемъ бывали случаи и убійствъ.

Все это, конечно, покрывалось полиціей, а мертвыя тѣла, какъ говорятъ, спускались въ Тверцу. Разумѣется, львиная доля этихъ доходовъ доставалась городничему. За годъ или за два до его увольненія отъ должности, во время пасхальной заутрени была убита кухарка или сожительница мѣнялы, жившаго въ довольно населенной части города, близъ мужского монастыря. Убійство совершено было съ цѣлью ограбленія, почему-то убійцы не успѣли воспользоваться всѣмъ имуществомъ мѣнялы, а равно и деньгами его. Явилась, конечно, полиція, составили всѣ нужные протоколы, „только денегъ не нашли“. Всѣ окрестные жители и самъ мѣняла указывали на нѣкоторыхъ лицъ, какъ на вѣроятныхъ виновниковъ преступленія, но слѣдствіемъ ничего не было раскрыто. Дѣло тогда было передано, какъ говорилось, суду и волѣ Божіей. Самъ мѣняла, какъ иногородній, былъ высланъ изъ Торжка. Въ публикѣ были слухи, что денегъ было нѣсколько тысячъ, и что большая часть ихъ попала въ руки Л.

И такія дѣла много лѣтъ сходили ему съ рукъ, благодаря, конечно, покровительству губернской администраціи. Единственное хорошее дѣло, которое сдѣлалъ Л., было то, что онъ вымостилъ часть городскихъ улицъ. Впрочемъ, должность городни-

чаго скоро была уничтожена, такъ какъ городская полиція была слита съ уѣздной.

Представителемъ послѣдней въ то время былъ исправникъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Начальники другихъ вѣдомствъ, какъ напримѣръ казначей, почтмейстеръ, большой роли не играли, хотя и ухитрялись подъ конецъ своей службы при незначительномъ жалованьи обзавестись хорошенькими домами, разумѣется, на имя своихъ женъ.

Секретари и другое мелкое чиновничество также грабили, „елико можаху“. Типическимъ представителемъ этого класса былъ секретарь уѣзднаго суда Владиміръ Ивановичъ С. Уѣздный судъ въ то время составлялъ первую инстанцію для всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Судьи и засѣдатели выбирались дворянствомъ, и рѣдко были свѣдущи въ законахъ и дѣлахъ, вслѣдствіе чего, при тогдашней негласности суда, все дѣло было въ рукахъ секретаря и его подчиненныхъ чиновниковъ, которые дѣлали, что хотѣли. С. былъ дѣлецъ первой руки и вершилъ всѣ дѣла по своему произволу въ пользу тѣхъ, кто ему больше дастъ.

Самая его фигура была типична: это былъ блондинъ средняго роста, всегда гладко выстриженный и выбритый, всегда прилично одѣтый, голубые глаза его смотрѣли изъ-подъ золотыхъ очковъ, всегда кротко и любезно, но, вглядѣвшись въ нихъ пристальнѣе, вы въ нихъ замѣчали выраженье хитрости съ подобострастьемъ. Впрочемъ, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза собесѣднику. Говорилъ онъ тихо, спокойно, фразы его были крайне осторожны, какъ будто онъ не высказывалъ вполнѣ своего мнѣнія, при чемъ на его тонкихъ губахъ бродила какая-то лукавая улыбка. Ходилъ онъ мягкой, почти неслышной кошачьей походкой. Самое замѣчательное въ немъ были руки, широкія, съ короткими пальцами, онѣ были всегда сложены такъ, какъ будто всегда хотѣли что-нибудь схватить и удержать. Онъ началъ свою карьеру, почти мальчикомъ въ качествѣ писца въ какомъ-то судѣ. Скоро онъ изучилъ всѣ тогдашніе законы, привыкъ ко всякимъ крючкотворствамъ и наконецъ добился мѣста секретаря уѣзднаго суда. Тутъ ему открылось широкое поле дѣятельности, при всеобщемъ невѣдѣніи законовъ и судопроизводства. Онъ умѣлъ брать съ обѣихъ тяжущихся сторонъ, и съ истца, и съ отвѣтчика: сегодня диктовалъ прошеніе истцу, завтра возраженіе отвѣтчику, но самъ не писалъ черняковъ, чтобы не быть уличеннымъ. Къ нему обращались не только купцы и мѣщане, но и интеллигентная публика. Мнѣ самому случалось не

разъ видѣть у его подъѣзда экипажи мѣстныхъ помѣщиковъ, такъ какъ подобныхъ ему дѣльцовъ въ городѣ больше не было.

Для примѣра разскажу дѣло о завѣщаніи одного богатаго помѣщика Чевакинскаго. Это былъ богатый бездѣтный старикъ, жившій большею частію въ Петербургѣ. Онъ обратился къ С. съ просьбой написать ему духовное завѣщаніе въ пользу одного изъ отдаленныхъ его, Чевакинскаго, родственниковъ по боковой линіи, что̀ С. и исполнилъ. Черезъ нѣсколько времени, когда старикъ померъ, другой родственникъ, болѣе близкій къ завѣщателю по степени родства, занимавшій крупное мѣсто въ какомъ-то департаментѣ въ Петербургѣ, обратился къ С. съ просьбой опровергнуть это завѣщаніе. Сдѣлать это послѣднему было очень легко, такъ какъ, писавши завѣщаніе, онъ на всякій случай сдѣлалъ какія-то формальныя упущенія, въ силу которыхъ оно оказалось недѣйствительнымъ, и все имѣніе перешло въ руки послѣдняго просителя. С. же, помимо денежнаго гонорара, получилъ прекрасный домъ въ городѣ, устроенный на барскую ногу.

Затѣмъ онъ зорко слѣдилъ за бездѣтными стариками и по смерти ихъ умѣлъ какъ-то вмѣшиваться въ дѣло раздѣла наслѣдства, при чемъ часто большія доли попадали въ руки лицамъ, или вовсе не имѣвшимъ права на наслѣдство, или имѣвшимъ право на меньшую долю противъ той, которая выдѣлялась имъ при помощи С. Кромѣ того, онъ умѣлъ забирать въ свои руки молодыхъ людей съ состояніемъ, не имѣвшихъ близкихъ родственниковъ. Онъ потакалъ ихъ слабостямъ, приглашалъ къ себѣ на кутежи, втягивалъ въ долги и, пользуясь ихъ безграничнымъ довѣріемъ, въ концѣ концовъ разорялъ ихъ, предварительно высосавъ изъ нихъ все, что̀ было возможно.

Изъ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ разскажу одинъ, наиболѣе типичный. Верстахъ въ пятнадцати отъ города было имѣніе одного молодого человѣка А. Н. Юрьева. Онъ служилъ во флотѣ, завѣдывалъ какою-то технической частью въ Кронштадтѣ и, какъ человѣкъ способный и хорошо образованный, пользовался большимъ расположеніемъ великаго князя Константина Николаевича. Но, къ сожалѣнію, у него была, что называется, широкая русская натура, и такая же у его жены. Онъ любилъ оргіи съ музыкой, пѣснями, плясками, въ чемъ поддерживала его и жена, у которой было много цыганскихъ наклонностей. Предаваться этимъ оргіямъ въ Кронштадтѣ или Петербургѣ было, по его положенію, не совсѣмъ удобно. Поэтому онъ часто ѣздилъ въ Торжокъ, гдѣ предавался кутежамъ иногда сутокъ

по трое и больше. С. скоро сумѣлъ овладѣть его довѣріемъ и сталъ потакать его дурнымъ наклонностямъ. Я занималъ тогда квартиру въ домѣ С., и поэтому могъ знать, что дѣлается у нихъ. Юрьевъ мало-по-малу такъ втянулся въ этотъ образъ жизни, что сталъ манкировать службой и дѣлать долги. С охотно ссужалъ его деньгами, подъ большіе проценты, будто бы занятыми имъ у постороннихъ лицъ. Все это повело къ тому, что Юрьевъ потерялъ довѣріе великаго князя и былъ переведенъ на службу изъ Кронштадта въ Аральскую флотилію. Деньгами на дорогу снабдилъ его тотъ же С., но уже подъ залогъ имѣнія.

Тамъ Юрьевъ построилъ пароходъ и при первомъ же пробномъ плаваніи съ музыкой и пѣснями посадилъ его на камень, такъ что пароходъ былъ совершенно испорченъ. Послѣ этого онъ былъ зачисленъ по флоту безъ жалованья.

Вернувшись въ Торжокъ, онъ снова началъ кутить, но теперь онъ довольствовался только одной водкой, такъ какъ имѣніе его было уже совсѣмъ разстроено. Кутежи привели его къ хроническому воспаленію легкихъ, отъ котораго онъ и умеръ, а большая часть его имѣнія перешла къ С.

Конечно, Юрьевъ, быть можетъ, и безъ помощи этого послѣдняго рано или поздно кончилъ бы тѣмъ же, но во всякомъ случаѣ С., подталкивая его на кутежи, ускорилъ его паденье и разоренье.

Наконецъ С. долженъ былъ, по какимъ-то обстоятельствамъ выйти въ отставку, что̀ дало ему возможность еще больше крючкотворствовать въ качествѣ адвоката, и только введеніе новаго суда положило предѣлъ его дѣятельности.

Остальные чиновники дѣйствовали въ томъ же духѣ, но у нихъ не было такого широкаго полета и его діавольской дерзости. Поистинѣ чиновничество было страшной язвой, сосавшей народный организмъ и заражавшей его нравственно. При немъ не могли развиться ни уваженіе къ человѣческому достоинству, ни чувство законности и равноправности въ судѣ. Недаромъ Хомяковъ сказалъ, что Россія „запятнана въ судахъ неправдой черной“.

ГЛАВА III.

Для медицинской помощи народу была тогда въ Торжкѣ одна городская больница, помѣщавшаяся, какъ и теперь, въ прекрасномъ саду на сѣверной окраинѣ города на довольно возвы-

шенномъ мѣстѣ. Впрочемъ, она едва-ли заслуживала названіе больницы; это была скорѣе богадѣльня, въ которой призрѣвались отставные нижніе чины, лѣчившіеся тогда на счетъ военнаго вѣдомства, и нижніе чины мѣстной команды. Изъ жителей города и уѣзда почти никто не лѣчился въ ней, развѣ случайно полиція пришлетъ какого-нибудь поднятаго на улицѣ или побитаго въ дракѣ пьяницу. Помимо бѣдности больничныхъ средствъ и существовавшаго тогда въ народѣ недовѣрія къ больницамъ, много мѣшала мѣстнымъ жителямъ лѣчиться въ ней высокая плата за лѣченье, которая взыскивалась обыкновенно за цѣлый мѣсяцъ, хотя бы больной пролежалъ въ ней не болѣе одного или двухъ дней.

Больница была очень скудно снабжена медицинскими пособіями.

Лѣкарства отпускались in cribo изъ запасныхъ аптечныхъ магазиновъ военнаго вѣдомства по очень ограниченному каталогу, въ которомъ, напримѣръ, не было никакихъ препаратовъ желѣза, кромѣ сѣрнокислаго, ни одного іодистаго препарата, а изъ наркотическихъ были только опій и экстрактъ белены. Для лицъ гражданскаго вѣдомства они покупались въ приготовленномъ видѣ въ вольныхъ аптекахъ.

Такимъ образомъ случалось слѣдующее: если для больного нижняго чина необходимъ былъ, положимъ, іодистый кали, то онъ выписывался изъ военной аптеки на имя какого-нибудь гражданскаго больного, если же таковыхъ не было въ данный моментъ, то и совсѣмъ не выписывался. Никакихъ операцій въ больницѣ не дѣлалось, такъ какъ въ ней не было никакихъ инструментовъ, кромѣ стараго ампутаціоннаго набора, пожертвованнаго какимъ-то купцомъ, и двухъ фельдшерскихъ наборовъ.

Въ женскомъ отдѣленіи лѣчились только проститутки, да старыя вдовы нижнихъ чиновъ.

Амбулаторнаго пріема больныхъ тогда не было, и да самое слово „амбулаторный“ не было въ употребленіи. Жители города побогаче лѣчились у постороннихъ врачей, а побѣднѣе частью у фельдшеровъ, частью у знахарей.

Больницей завѣдывалъ городской врачъ, который по преклонности лѣтъ туда рѣдко заглядывалъ, да, по правдѣ сказать, дѣлать ему тамъ было нечего. Кромѣ врача, при ней было еще два старыхъ мало свѣдущихъ фельдшера; они главнымъ образомъ занимались ставленіемъ банокъ и клистировъ городскимъ больнымъ. Въ больницѣ не было даже ванной комнаты.

Врачей въ городѣ было трое. Старшій изъ нихъ былъ вольнопрактикующій врачъ Алексѣй Сафоновичъ Лавровъ, окончившій курсъ въ Московской Медицинской Академіи въ 1811-мъ году. Сначала онъ былъ военнымъ врачемъ, а съ 1827-го года, по выходѣ въ отставку, навсегда поселился въ Торжкѣ, какъ врачъ вольнопрактикующій. Онъ имѣлъ большую практику, особенно среди помѣщиковъ, которыхъ тогда было очень много, и среди которыхъ было нѣсколько людей состоятельныхъ. Случалось ему бывать въ одинъ и тотъ же день въ трехъ сторонахъ уѣзда, такъ что, какъ онъ говорилъ, онъ завидовалъ иногда собакамъ, спавшимъ спокойно въ своихъ конурахъ.

Аптеки въ тѣ времена въ Торжкѣ еще не было, такъ что ему приходилось самому приготовлять для больныхъ лѣкарства, за которыя онъ тоже бралъ деньги.

Онъ былъ человѣкъ очень скупой и разсчетливый и даромъ ничего не дѣлалъ. Бѣдныхъ больныхъ онъ принималъ мало.

Подъ старость онъ скопилъ себѣ хорошій капиталъ тысячъ до ста, какъ оказалось послѣ его смерти, кромѣ того пріобрѣлъ двѣ деревушки, всего душъ до двухсотъ. Помѣщикъ, какъ говорятъ, онъ былъ не изъ мягкихъ. Въ своемъ медицинскомъ развитіи онъ остановился на томъ, что слышалъ въ Академіи. Обыкновенное изслѣдованіе больного у него, какъ и у всѣхъ тогдашнихъ врачей, ограничивалось опредѣленіемъ температуры на ощупь, осмотромъ языка, ощупываньемъ того мѣста, гдѣ больной жаловался на боль и т. п. Никакого понятія ни объ оскультаціи, ни о перкуссіи онъ не имѣлъ.

Но, конечно, долговременный опытъ и привычка развили въ немъ тонкую наблюдательность, такъ что онъ довольно правильно не опредѣлялъ, а скорѣе угадывалъ болѣзни.

Въ терапіи у него главную роль играли разнаго рода кровеизвлеченія и всякія отвлекающія и ослабляющія средства. Такова была вообще медицина того времени, и Лавровъ стоялъ ни выше, ни ниже своихъ товарищей.

Человѣкъ онъ былъ вообще умный и хорошій юмористъ. Его разсказы о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку, часто были очень остроумны, такъ что слушались съ большимъ интересомъ. Особенно хорошо онъ зналъ жизнь помѣщиковъ за нѣсколько поколѣній. Особенной любовью онъ не пользовался, такъ какъ всѣ видѣли въ немъ человѣка сухого и корыстолюбиваго.

Полную противоположность ему представлялъ уѣздный врачъ

П. М. Циргъ, окончившій курсъ въ Дерптѣ въ двадцатыхъ годахъ. Это былъ человѣкъ добрый и вполнѣ безхарактерный. Онъ помогалъ всѣмъ, обращающимся къ нему за пособіемъ безъ различія богатыхъ и бѣдныхъ. Со всѣми онъ обращался благодушно и любезно.

Въ медицинскомъ развитіи, вѣроятно, онъ былъ не выше Лаврова, но въ то же время былъ хорошій акушеръ и въ силу своихъ нравственныхъ качествъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. Нужно сказать, что въ то время русская медицинская литература была очень бѣдна не только оригинальными произведеніями, но и переводами. Медицинскихъ журналовъ вовсе не существовало, и только въ концѣ сороковыхъ годовъ д-ръ Грумъ-Гржимайло сталъ издавать газету „Другъ здравія", имѣвшую скорѣе характеръ популярный, а не чисто-научный. Поэтому трудно винить тогдашнихъ врачей, особенно русскихъ, мало знакомыхъ съ иностранными языками, въ томъ, что они не шли впередъ въ научномъ своемъ развитіи. Живя среди общества малоразвитого, не интересовавшагося никакими ни политическими, ни общественными вопросами, и врачи мало-по-малу, принимали общую складку жизни, посвящая свободное время не научнымъ занятіямъ, а игрѣ въ карты, мѣстнымъ сплетнямъ и т. п.

Циргъ былъ очень оригиналенъ, но въ его оригинальныхъ выходкахъ высказывалась та же благородная, добродушная и незлобливая натура. Впрочемъ, въ юношествѣ онъ отдалъ дань привычкамъ своего времени и, будучи студентомъ, дрался на дуэли съ какимъ-то товарищемъ, который впослѣдствіи былъ пасторомъ гдѣ-то въ Лифляндіи. Вслѣдствіе этой дуэли у него былъ большой шрамъ на лбу. Когда его спрашивали о причинахъ дуэли, онъ, добродушно улыбаясь, отвѣчалъ: „глупъ-съ былъ".

Прямодушіе его было замѣчательно. Такъ однажды онъ лѣчилъ отъ какой-то хронической болѣзни управляющаго въ одномъ большомъ барскомъ имѣніи.

Когда больной умеръ, онъ попросилъ у жены его позволеніе вскрыть покойника. По вскрытіи онъ подошелъ ко вдовѣ и сказалъ: „Ну-съ, извините-съ,—совсѣмъ не отъ той болѣзни лѣчилъ вашего мужа".

Немного найдется врачей, которые съ такой откровенностью признаются въ своей ошибкѣ. Въ Циргѣ же любовь къ правдѣ брала верхъ надъ самолюбіемъ и всякими иными соображеніями.

Городской врачъ Маціевичъ, также очень пожилой, былъ одинъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которыхъ судьба бьетъ на каждомъ шагу.

Кончилъ онъ курсъ въ Петербургской Академіи въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, служилъ сначала въ какомъ-то гвардейскомъ полку, гдѣ и женился. Жена оказалась женщиной пустой, развратной и вдобавокъ пила запоемъ. Это заставило его выйти изъ военной службы и поселиться въ Торжкѣ. Тяжелая домашняя обстановка при его мягкомъ характерѣ страшно дѣйствовала на него. Онъ какъ-то опустился и потерялъ всякую энергію, а потому и въ публикѣ не имѣлъ особаго довѣрія. Лѣчилъ онъ только однихъ больныхъ и жилъ очень бѣдно.

Кромѣ того, въ городѣ было два военныхъ врача. Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Торжокъ, старшимъ врачомъ полка былъ М. И. Ивановъ, окончившій курсъ въ Московской Академіи въ 1845-мъ году. По образованію онъ стоялъ, конечно, гораздо выше своихъ сотоварищей. Онъ былъ человѣкъ очень умный, но съ тяжелымъ неуживчивымъ характеромъ. Гордый, крайне самолюбивый, онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія со стороны больныхъ и окружающихъ, терпѣть не могъ врачебныхъ консиліумовъ и относился къ своимъ товарищамъ съ нѣкоторой долей презрѣнія. Практиковалъ онъ среди людей богатыхъ; бѣдняки совсѣмъ къ нему не обращались. Вслѣдствіе всего этого его вообще не любили въ городѣ и обращались къ нему только въ крайности.

Жители уѣзда, за исключеніемъ помѣщиковъ, были лишены всякой медицинской помощи.

Уѣздный врачъ занимался почти исключительно судебно-медицинскими вскрытіями да изрѣдка выѣзжалъ на эпидеміи.

Вскрытій тогда производилось гораздо больше, чѣмъ теперь. Всякій случай скоропостижной смерти, хотя бы и не было никакихъ признаковъ насилія или какого-нибудь подозрѣнія въ насильственной смерти, служилъ поводомъ для вскрытія тѣла. Эти безполезныя вскрытія часто были очень обременительны, особенно въ осеннее и весеннее время, такъ какъ приходилось иногда терять сутокъ двое или трое для вскрытія какого-нибудь старика, умершаго отъ разрыва или паралича сердца на глазахъ всей семьи. Выѣзды уѣзднаго врача на эпидеміи мало приносили пользы населенію. Получивъ донесеніе о появленіи болѣзни большею частію запоздалое, полицейское управленіе сообщало объ этомъ врачу. Тотъ, пріѣхавъ на мѣсто, осматривалъ больныхъ, прописывалъ имъ лѣкарства, рецепты которыхъ

передавалъ старостѣ, чтобы по нимъ взять лѣкарства въ вольной аптекѣ. Затѣмъ давалъ кое-какія наставленія относительно содержанія больныхъ и мѣръ изоляціи, если болѣзнь того требовала, и въ заключеніе составлялъ протоколъ, который отправлялъ въ полицейское управленіе. Лѣкарства по ихъ дороговизнѣ не покупались, а совѣты, данные врачемъ, оставались безъ выполненія, такъ какъ за этимъ наблюдать было некому. Самъ же врачъ уѣзжалъ въ городъ.

ГЛАВА IV.

Дворянскій и крестьянскій бытъ передъ реформой.

Дворянъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ жило довольно много. Особенно богатыхъ людей между ними насчитывалось немного, большею частію это были помѣщики средней руки, имѣвшіе отъ двухъ-до трехсотъ душъ крестьянъ.

Дворянство, вообще, было довольно образовано. Между ними было нѣсколько человѣкъ, окончившихъ университетъ. Всѣ помѣщики жили почти круглый годъ въ своихъ усадьбахъ, занимаясь хозяйствомъ, ѣздили другъ къ другу въ гости и играли въ карты.

Въ каждомъ домѣ можно было найти какой-нибудь журналъ: „Современникъ“ или „Русскій Вѣстникъ“, въ которомъ помѣщались, между прочимъ, „Губернскіе очерки“ Щедрина и который былъ тогда въ лучшемъ либеральномъ періодѣ своего существованія. Въ нѣкоторыхъ домахъ можно было найти „Revue des deux mondes“ и французскіе романы. Все это вело, конечно, къ развитію среди общества помѣщиковъ западно-европейскихъ идей и болѣе правильныхъ взглядовъ на общественныя отношенія. Славянофиловъ я почти не встрѣчалъ между ними. Въ силу такого развитія и отношенія къ крестьянамъ были довольно человѣчны.

Хозяйство, впрочемъ, велось почти вездѣ рутинно по старой трехпольной системѣ. Въ большинствѣ имѣній была барщина. При такихъ условіямъ крестьянамъ въ хорошихъ имѣніяхъ, особенно тамъ, гдѣ не было нѣмцевъ-управителей, жилось не худо. Всего хуже было имъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, гдѣ съ нихъ выжимали, что называется, всѣ соки. Были имѣнья, въ которыхъ мужикъ работалъ всѣ шесть дней на помѣщика.

На обработку своей земли ему оставались только воскресенья и ночи.

Въ такихъ имѣніяхъ и всероссійская панацея-розга примѣнялась нерѣдко. Два имѣнья въ то время были взяты подъ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами. По зимамъ нѣкоторыя семейства жили въ городѣ или пріѣзжали туда на время, чтобы поиграть въ карты и доставить дочерямъ возможность повеселиться въ мѣстномъ клубѣ, гдѣ онѣ танцовали съ офицерами уланскаго полка (штатскихъ кавалеровъ тогда не было). Въ городѣ жили довольно скромно. О прежней широкой и привольной помѣщичьей жизни оставались только одни преданья. Такъ какъ имѣнья были заложены въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и сама жизнь становилась съ каждымъ днемъ дороже, то приходилось по необходимости сдерживаться, особенно въ ожиданіи будущей реформы, которая при всей нашей „рассейской“ безпечности все-таки заставляла многихъ призадуматься о будущемъ.

Предводителемъ дворянства былъ тогда довольно богатый помѣщикъ Н. А. Загряжскій, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, довольно равнодушный ко всему, что́ дѣлалось кругомъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ добрый, вовсе не тщеславный и былъ любимъ всѣми, кто его зналъ. Всѣ называли его „папочкой“.

Дѣлами, какъ своими, такъ и общественными, онъ занимался очень мало, да и самая должность предводителя не имѣла тогда такого значенья, какъ теперь, такъ что дѣловыя бумаги могли лежать по нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго движенія.

Собственное его хозяйство велось приказчиками, которые, впрочемъ, не особенно притѣсняли крестьянъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ особенно требователенъ, и каждый имѣлъ къ нему свободный доступъ.

Года за два до эмансипаціи онъ вздумалъ перевести шесть крестьянскихъ дворовъ изъ своей усадьбы Селихово въ другую деревню, такъ какъ дворы эти дѣйствительно стѣсняли его усадьбу. Онъ выстроилъ для нихъ въ другой деревнѣ новые дворы со всѣми нужными постройками, далъ имъ по триста рублей на перевозку и землю въ количествѣ большемъ противъ того, чѣмъ они пользовались въ Селиховѣ. Но крестьяне заупрямились, и Загряжскій спокойно безъ всякихъ споровъ подчинился ихъ желанію переселяться, не прибѣгая ни къ какимъ принудительнымъ мѣрамъ.

Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, онъ почти не выходилъ изъ дома, сидѣлъ вѣчно въ бѣличьемъ халатѣ на одномъ и

томъ же креслѣ, пилъ часа два утренній чай, потомъ закусывалъ и обѣдалъ на томъ же мѣстѣ, затѣмъ отдыхалъ послѣ обѣда. Послѣ отдыха опять началось чаепитіе и закусыванье; затѣмъ онъ мирно отходилъ ко сну. Когда къ нему приходилъ его секретарь съ бумагами, онъ прежде всего угощалъ его закуской, а потомъ приказывалъ положить дѣла на фортепьяно, стоявшее тутъ же въ комнатѣ, приговаривая: „Эхъ, Владиміръ! дѣло не волкъ,—въ лѣсъ не убѣжитъ!“ и только послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій подписывалъ двѣ-три самыхъ нужныхъ бумаги.

Блаженныя то были времена, когда можно было жить и служить спустя рукава.

ГЛАВА V.

Хотя съ каждымъ днемъ приближалось наступленіе эмансипаціи, власти тѣмъ не менѣе поддерживали крѣпостное право во всей его строгости. Разскажу по этому поводу два эпизода, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, хотя первый изъ нихъ принадлежитъ собственно не къ новоторжскому періоду моей жизни.

Въ январѣ 1859 года три роты Ладожскаго пѣхотнаго полка, гдѣ я тогда служилъ, были командированы изъ города Радомысля въ село Нѣмовичи Ровенскаго уѣзда въ имѣніе Кашовскаго для усмиренія, такъ называемаго, крестьянскаго бунта. Я долженъ былъ отправиться съ этими ротами, какъ врачъ.

Отъ Радомысля до мѣста нашего назначенія было около четырехсотъ верстъ. Мы ѣхали на крестьянскихъ подводахъ, на саняхъ. Большая часть дороги шла старыми вѣковыми лѣсами, которые почти сплошною массою занимали тогда всю сѣверную часть Волынской губерніи. Цѣлы ли теперь эти роскошные лѣса. Зима была мягкая и не особенно снѣжная. Къ вечеру четвертаго дня мы остановились въ селѣ Тиголицы или Тимолицы, въ двадцати верстахъ отъ Нѣмовичей. Тутъ ожидалъ насъ становой приставъ съ распоряженіемъ волынскаго губернатора, который былъ уже въ Нѣмовичахъ. По распоряженію губернатора мы должны были прибыть въ Нѣмовичи на другой день часамъ къ десяти утра и остановиться на опушкѣ лѣса близъ часовни, или каплицы, и тамъ ждать его дальнѣйшихъ распоряженій. Изъ Тимолицъ мы вышли часу въ шестомъ утра и прибыли въ началѣ десятаго къ часовнѣ.

Здѣсь роты остановились. Отъ часовни шла прекрасная ровная дорога къ панскому дому, обсаженная съ обѣихъ сторонъ

пирамидальными тополями и другими деревьями умѣреннаго климата. Соскучившись стоять у часовни, я пошелъ къ панскому дому, отстоявшему отъ нея версты на полторы. Но дорогѣ не было никакого движенія, я никого не встрѣтилъ и ни отъ кого ничего не могъ узнать. Войдя въ обширный дворъ панской усадьбы, обнесенный каменною полустѣною съ желѣзными рѣшетками, я увидалъ тамъ громадную толпу крестьянъ сотъ до пяти или шести человѣкъ, стоявшихъ съ обнаженными головами передъ домомъ. Тутъ же я встрѣтилъ какого-то дворовaго въ ливреѣ, который на мой вопросъ, что это за люди, отвѣчалъ мнѣ, что это „бунтовщики". Я думалъ сначала, что встрѣчу буйную и шумную толпу, а между тѣмъ передо мною были люди, стоявшіе, смиренно понуривъ головы, съ унылыми и мрачными лицами „Ну, подумалъ я, гдѣ и когда видали бунтовщиковъ съ обнаженными головами и съ такимъ смиреннымъ и подавленнымъ видомъ?" Войдя черезъ огромное крыльцо панскаго дома въ громадную переднюю, я встрѣтилъ тамъ лакея, который указалъ мнѣ отведенную для меня комнату въ одномъ изъ крыльевъ панскаго дома, изъ которой открывался видъ на громадный старинный садъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ другой лакей и сказалъ мнѣ, что его сіятельство губернаторъ просилъ меня къ себѣ.

Прицѣпивъ къ вицъ-мундиру шпаженку, я пошелъ въ домъ и въ одномъ изъ залъ встрѣтилъ князя Друцкаго-Соколинскаго, тогдашняго волынскаго губернатора, въ мундирѣ и съ красной лентой черезъ плечо. Это былъ человѣкъ довольно ограниченнаго ума и развитія, не знавшій между прочимъ даже различія между планетами и кометами. Я самъ слышалъ, какъ въ Житомірскомъ саду онъ называлъ знаменитую комету 57 года планетой.

Его сіятельство изволили мнѣ объяснить, что сейчасъ начнется экзекуція и что я долженъ на всякій случай присутствовать при ней въ качествѣ врача. „Какіе, подумалъ я, заботливые люди—собираются пороть людей и на всякій случай приглашаютъ врача".

Что такое экзекуція—я слыхалъ уже раньше, но то, что я увидалъ здѣсь, было до такой степени ужасно и отвратительно, что трудно и разсказывать.

Вскорѣ прибыли наши роты съ ружьями съ примкнутыми штыками и окружили дворъ. Затѣмъ губернаторъ вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи жандармскаго штабъ-офицера, исправника и нѣсколькихъ чиновниковъ и приказалъ крестьянамъ

стать на колѣни, что толпа смиренно исполнила; часть солдатъ была введена во дворъ и поставлена около крыльца, вѣроятно, для охраны его сіятельства и свиты, въ которой, между прочимъ, былъ какой-то быкообразный господинъ въ черномъ фракѣ, будущій владѣлецъ села Нѣмовичи, и нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, приглашенныхъ зачѣмъ-то администраціей. Губернаторъ приказалъ исправнику, приземистому господину лѣтъ пятидесяти, съ волосами, остриженными подъ гребенку, съ бритыми усами и бородой и подобострастнымъ чисто чиновничьимъ выраженьемъ лица, прочитать какія-то бумаги. Это былъ указъ гражданской палаты объ утвержденіи духовнаго завѣщанія умершаго помѣщика Игнатія Кашовскаго, по которому все имѣніе Нѣмовичи съ землею, поселенными на ней крестьянами, около двухъ тысячъ душъ, со всѣми угодьями, отказывалось, помимо другихъ наслѣдниковъ, племяннику его Михаилу Кашовскому въ полную собственность и распоряженіе. Крестьяне, стоя на колѣнахъ, выслушали чтеніе повидимому безучастно. Губернаторъ, представляя имъ новаго помѣщика, объяснилъ суть завѣщанія и спросилъ ихъ, будутъ ли они слушаться пана?

Вся толпа въ одинъ голосъ отвѣчала: „нэ, кажи, нашъ панъ не сей, а Людвигъ Кашовскій“. Губернаторъ два раза повторилъ вопросъ и оба раза получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда стали спрашивать крестьянъ по одиночкѣ; каждый отвѣчалъ: „Якъ грамода (міръ) каже“. Спросивши человѣкъ пятнадцать и получая все тотъ же отвѣтъ, его сіятельство изволили осерчать и громогласно закричалъ: „розогъ!“

Тогда вдругъ откуда-то выскочили человѣкъ 20—30 сотскихъ и такъ называемыхъ земскихъ стражниковъ, и началась порка страшная, безумная, злая. Удары сыпались безъ счету. Отпустивъ нѣсколько десятковъ розогъ, подымали наказуемаго и снова спрашивали его, будетъ ли онъ слушать пана? И, получивъ все тотъ же отвѣтъ: „якъ грамода каже“, снова возобновляли порку. Пороли съ изступленіемъ до обмороковъ, но ни одного стона не вырывалось изъ груди этихъ мучениковъ. Вокругъ ограды собралось нѣсколько десятковъ женщинъ, женъ и дочерей истязуемыхъ; онѣ, разумѣется, плакали, шумѣли, старались ворваться во дворъ, конечно, безуспѣшно. Вдругъ съ сельской колокольни раздался набатъ. Губернаторъ приказалъ привести тѣхъ, кто звонилъ. Тогда солдаты привели человѣкъ пятнадцать женщинъ.

Губернаторъ попросилъ меня осмотрѣть, нѣтъ ли между

ними беременныхъ. Я отдѣлилъ пять или шесть, оказавшихся беременными, остальныхъ же губернаторъ приказалъ высѣчь. Тогда и беременныя съ дикими воплями легли на землю и требовали, чтобы и ихъ пороли, что, впрочемъ, не было исполнено. Порка мужиковъ между тѣмъ шла своимъ чередомъ и продолжалась часовъ до пяти, до самаго обѣда. Когда всѣхъ перепороли, мы всѣ вошли въ домъ, а мужиковъ губернаторъ оставилъ на дворѣ, гдѣ они провели всю ночь голодные и холодные, такъ какъ онъ приказалъ ихъ не отпускать. Войдя въ домъ, я встрѣтилъ почтеннаго старичка въ вицъ-мундирѣ, который отрекомендовался мнѣ какъ ровенскій уѣздный врачъ, также приглашенный на экзекуцію. Когда я его спросилъ, гдѣ же онъ былъ все время, онъ отвѣчалъ, что просидѣлъ во внутреннихъ покояхъ съ графиней и бесѣдовалъ съ ней о французской литературѣ для успокоенія ея нервъ. Въ то время всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ въ тѣхъ краяхъ называли графами. Счастливцы графиня и докторъ, могущіе толковать о французской литературѣ, когда кругомъ истязаютъ сотни людей.

Насъ пригласили къ обѣду, накрытому въ огромной залѣ, великолѣпно освѣщенной старинными люстрами и канделябрами. Когда всѣ перезнакомились и усѣлись за столъ, изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ губернаторъ, ведя подъ руку красивую, роскошно одѣтую даму лѣтъ сорока съ гордымъ выраженіемъ лица. Это была графиня, супруга Михаила Кошевскаго. Величественно кивнувъ всѣмъ головою, она сѣла за столъ на хозяйскомъ мѣстѣ.

Когда начался обѣдъ, въ сосѣдней комнатѣ раздалась музыка, и полились чудные звуки такой-то шопеновской мазурки, разыгрываемой крѣпостнымъ оркестромъ.

Предоставляю вамъ судить о томъ, какой эффектъ должно было производить сочетаніе Шопена и розогъ; думаю, что никогда и нигдѣ несчастный Шопенъ не разыгрывался подъ такой аккомпанементъ.

По окончаніи обѣда я ушелъ въ отведенный мнѣ номеръ. Подавленный, ошеломленный всѣмъ видимымъ мною, я былъ какъ въ чаду. Что это—галлюцинація или дѣйствительность? Мнѣ хотѣлось кое-что разузнать объ этой исторіи, но, къ сожалѣнію, всѣ лакеи были заняты; изъ нашихъ офицеровъ, которыхъ было человѣкъ восемь или девять, также никто ничего не зналъ.

Къ чести ихъ надо сказать, что всѣ они были также пора-

жены и возмущены всѣмъ происшедшимъ. Проснувшись на другой день часовъ въ восемь, я увидалъ, что толпа крестьянъ стоитъ еще на дворѣ. Я подошемъ къ нимъ и сталъ ихъ уговаривать. Они смотрѣли на меня съ сумрачными лицами. Когда же я сказалъ: „Какъ же вы не хотите повиноваться, когда самъ губернаторъ говорилъ вамъ объ этомъ?“ нѣсколько изъ нихъ со свойственною хохламъ добродушно ироническою улыбкою, отвѣчали: „Якій се губернаторъ? Коюсь беребралы? (переодѣли) къ намъ губернаторъ пріѣде изъ Питера отъ Царя“.

Снова вышелъ губернаторъ на крыльцо и обратился къ крестьянамъ съ тѣми же вопросами, какъ и наканунѣ. Получивъ тѣ же отвѣты, онъ снова велѣлъ сѣчь ихъ, и снова началась безобразная, возмутительная порка. Вѣроятно, губернаторъ разсчитывалъ, что ослабленные вчерашней поркой, голодные и холодные послѣ безсонной ночи они скорѣе сдадутся.

Человѣкъ 5 или 10, опустивши глаза, почти неслышно проговорили: „Будемо“, остальные по-прежнему отвѣчали отказомъ. Тогда опять всѣхъ перепороли, послѣ чего губернаторъ велѣлъ отобрать такъ называемыхъ зачинщиковъ, которыхъ оказалось человѣкъ двѣнадцать, и заковать ихъ въ кандалы, затѣмъ ихъ бросили въ подвалъ помѣщичьяго дома, обращенный на время въ тюрьму послѣ чего, его сіятельство изволило отбыть. Такъ окончился второй день генеральнаго сраженія. Побѣдители, т. е. чиновники и самъ панъ Кашовскій, ходили съ ликующими лицами, довольные своей побѣдой. Затѣмъ началось сраженіе на гражданскомъ полѣ, т. е. судебное слѣдствіе. Суть дѣла была въ слѣдующемъ: умершій Кашовскій, по словамъ одного изъ его родныхъ, съ которымъ я послѣ познакомился, происходилъ изъ богатой польской семьи и получилъ превосходное французское образованіе, какакое обыкновенно получали дѣти богатыхъ дворянъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Въ молодости онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, затѣмъ вернулся на родину и здѣсь засѣлъ навсегда среди своихъ полѣсскихъ лѣсовъ.

Будучи старымъ холостякомъ, онъ взялъ на воспитаніе старшаго сына М. Кашовскаго, Людвига, который приходился ему такимъ образомъ внучатымъ племянникомъ, далъ ему прекрасное домашнее воспитаніе и такъ любилъ его, что не разставался съ нимъ до самаго его поступленія на военную службу. Во время нашего разсказа Людвигъ Кашовскій былъ поручикомъ какого-то гусарскаго полка.

Старикъ часто гулялъ съ нимъ по деревнѣ и въ разгово-

рахъ съ крестьянами всегда называлъ его своимъ наслѣдникомъ, такъ что крестьяне давно уже привыкли смотрѣть на него, какъ на своего будущаго помѣщика, и полюбили его, такъ какъ это былъ молодой человѣкъ мягкій и добродушный.

Самъ старикъ Кашовскій, по разсказамъ, былъ человѣкъ очень добрый, но очень лѣнивый. Въ управленіе имѣнья онъ входилъ очень мало, а подъ старость одряхлѣлъ и сдѣлался малоподвижнымъ, вслѣдствіе чего совсѣмъ пересталъ заниматься дѣлами, предоставивъ завѣдываніе ими нѣкоему дворянину Вывѣрковскому.

Тутъ-то начались страшныя безобразія. Хитрый, пронырливый и жадный до денегъ, Вывѣрковскій, совершенно овладѣлъ старикомъ, сумѣлъ перессорить и оттолкнуть его отъ всѣхъ родныхъ, такъ что сдѣлался полновластнымъ и безотчетнымъ хозяиномъ имѣнья. Конечно, крестьянамъ и раньше жилось не особенно легко, но при Вывѣрковскомъ, который завѣдывалъ имѣньемъ болѣе десяти лѣтъ, тягость положенія сдѣлаласть невыносимой. По слѣдствію, напримѣръ, оказалось, что крестьяне, кромѣ барщины и другихъ обязанностей, должны были заниматься сплавомъ лѣса до Нѣмана по рѣкамъ Гордыню и Случу, впадающему въ Нѣманъ.

Такъ какъ лѣсъ составлялъ самую доходную статью имѣнья, то ежегодно извѣстная часть его вырубалась и продавалась лѣсоторговцамъ, большею частью евреямъ. Для сплава нанимались мѣстные крестьяне отъ десяти до пятнадцати рублей человѣку за время отъ начала сплава до конца его, при чемъ крестьянамъ выдавалось только по три рубля на человѣка, а остальныя поступали будто бы въ господскую экономію, но, какъ оказалось, самъ Кашовскій ничего не зналъ объ этой операціи, и выручаемыя съ крестьянъ деньги нигдѣ не записывались на приходъ. За крестьянъ же, уходившихъ съ лѣсомъ, должны были отбывать барщину ихъ семьи. Подобнаго рода порядки были и по другимъ частямъ управленія, но самое главное и самое страшное было — эротическія похожденія самого Вывѣрковскаго и его клевретовъ.

Онъ приказывалъ приводить къ себѣ на смотръ молодыхъ дѣвушекъ, записывалъ наиболѣе красивыхъ и затѣмъ требовалъ ихъ къ себѣ. Еще во время производства слѣдствія онъ успѣлъ лишить невинности одну четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, которую я самъ свидѣтельствовалъ, за что онъ и былъ арестованъ.

До Кашовскаго о всѣхъ этихъ безпорядкахъ ничего не доходило. Такъ какъ онъ никуда не выходилъ дальше ограды своей

усадьбы, то Вывѣрковскій сумѣлъ окружить его надзоромъ изъ преданныхъ ему, Вывѣрковскому, людей. Если же случайно какой-нибудь крестьянинъ прорывался до него съ жалобой на управляющаго, то Кашовскій не вѣрилъ этимъ жалобамъ, потому что Вывѣрковскій со своей стороны всегда умѣлъ опровдаться. Такъ тянулось дѣло болѣе десяти лѣтъ. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія крестьяне рѣшили подать жалобу губернатору. Нашелся какой-то отставной военный писарь, который написалъ имъ эту жалобу. Крестьяне выбрали изъ своей среды трехъ довѣренныхъ, тотъ же писарь написалъ имъ фальшивые паспорты, такъ какъ получить настоящіе отъ Вывѣрковскаго было невозможно, и снабдилъ эти паспорты фальшивыми копченными печатями, на которыхъ помѣщичій гербъ былъ имъ очень искусно поддѣланъ. Но до губернатора ихъ не допустили, такъ какъ Вывѣрковскій, узнавъ объ ихъ отъѣздѣ въ Житоміръ, тотчасъ же поскакалъ за ними и за двѣ или три станціи до Житоміра арестовалъ ихъ при помощи своего пріятеля станового пристава, и ихъ подъ конвоемъ возвратили въ Нѣмовичи. Но боясь, что его злоупотребленія будутъ раскрыты, въ случаѣ преданья крестьянъ суду, Вывѣрковскій не далъ этому дѣлу никакого хода, оставивъ, впрочемъ, паспорты у себя. Въ это время умеръ старикъ Кашовскій. Тотчасъ же прилетѣлъ въ Нѣмовичи М. Кашовскій съ женою и какимъ-то адвокатомъ. Раньше М. Кашовскій не былъ у дяди уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Дали знать полиціи о смерти старика; пріѣхалъ предводитель дворянства съ полиціей; на слѣдующій день вскрыли кабинетъ покойника и нашли тамъ завѣщаніе, по которому все имѣніе поступило въ полную собственность М. Кашовскаго. Какъ только узнали объ этомъ крестьяне, они снова попросили писаря написать имъ прошеніе губернатору и паспорты, что тотъ и исполнилъ.

Чтобы не попасться въ руки Вывѣрковскому, они отправились другой дорогой. Въ прошеніи они заявляли, что завѣщаніе Кашовскаго—фальшивое, что настоящее завѣщаніе составлено въ пользу Л. Кашовскаго, и описывали всѣ злоупотребленія Вывѣрковскаго. Хотя у послѣдняго была сильная поддержка среди губернскихъ чиновниковъ, но во всякомъ случаѣ губернаторъ впредь до разбора дѣла приказалъ временно устранить Вывѣрковскаго, и администраторомъ имѣнья былъ назначенъ сосѣдній помѣщикъ Шычевскій. Тутъ крестьяне попали изъ огня да въ полыми; это былъ старикъ лѣтъ 70-ти, отставной полковникъ, выросшій въ школѣ Аракчеева. — Худой, но еще очень крѣпкій, съ острыми чертами лица, подстриженными ще-

тинистыми усами, жесткій по характеру. Онъ ввелъ въ своемъ имѣніи какую-то Аракчеевскую дисциплину; крестьяне выходили на барщину по барабанному бою, во всѣхъ избахъ было введено полнѣйшее однообразіе; всѣ крестьяне должны были ходить въ однообразныхъ, сшитыхъ по образцу, данному Шычевскимъ, костюмахъ. Даже пища должна была приготовляться во всѣхъ избахъ однообразная, для чего Шычевскій разсылалъ съ вечера по избамъ приказы.

Все имѣніе его—около шестисотъ душъ, находилось въ одномъ селѣ. Шычевскій каждое утро обходилъ большую часть избъ, осматривалъ печи, и если находилъ что-нибудь изготовленное не по его приказу, то сейчасъ же наказывалъ хозяйку двумятремя ударами нагайки. Это былъ какой-то фанатикъ аракчеевщины; даже жена его должна была одѣваться по его расписанію. Разумѣется, тѣ же порядки онъ началъ заводить и въ Нѣмовичахъ.

О самомъ М. Кашовскомъ, которому было завѣщано имѣніе, ходили по всей округѣ слухи самые неблагопріятные. Небольшого роста, тучный съ короткой шеей, краснолицый, съ выпученными воловьими глазами, онъ скорѣе былъ похожъ на быка или борова, а не на человѣка. Онъ даже говорилъ какъ-то особенно, какъ будто-то бы ему трудно было произносить слова. А между тѣмъ въ молодости онъ получилъ порядочное образованіе, слушалъ лекціи въ какомъ-то германскомъ университетѣ, но, живя въ глуши Волынскаго Полѣсья, среди безгласныхъ рабовъ, онъ потерялъ человѣческій образъ. Также онъ былъ не безъ грѣха по эротической части, хотя у него была красавица жена, гораздо моложе его.

И вотъ въ руки этихъ двухъ изверговъ попали Нѣмовицкіе крестьяне. А между тѣмъ дѣло объ утвержденіи завѣщанія шло своимъ порядкомъ, такъ какъ заявленіе крестьянъ о фальшивости завѣщанія было оставлено безъ послѣдствій. Тогда-то крестьяне заволновались. Съ одной стороны они помнили, что старикъ Кашовскій всегда называлъ имъ своимъ наслѣдникомъ Людвига Кашовскаго, о которомъ у нихъ сохранились самыя лучшія воспоминанія, и который по общему отзыву былъ дѣйствительно человѣкъ очень порядочный, гуманный и мягкій; съ другой стороны упорные слухи о томъ, что завѣщаніе составлено въ ночь смерти старика М. Кашовскимъ съ женою и пріѣхавшимъ адвокатомъ, глубоко засѣли въ головы крестьянъ.

Тогда они на совѣтѣ между собой рѣшили признать своимъ паномъ не Михаила, а Людвига Кашовскаго. Надо сказать,

что послѣдній былъ сынъ М. Кашовскаго отъ перваго брака. Послѣ этого, они рѣшили послать двухъ ходатаевъ въ Петербургъ. Когда завѣщаніе было утверждено, и исправникъ пріѣхалъ вводить во владѣніе М. Кашовскаго, крестьяне единогласно заявили ему свое рѣшеніе не признавать послѣдняго, и, такимъ образомъ, началось настоящее дѣло. Я прожилъ послѣ того въ Нѣмовичахъ мѣсяца три. Слѣдствіе велось довольно добросовѣстно жандармскимъ офицеромъ Бѣловодскимъ и ассесоромъ губернскаго правленія Козловскимъ. По окончаніи слѣдствія, двѣнадцать человѣкъ, признанныхъ зачинщиками, писарь, писавшій жалобы и паспорты, и Вывѣрковскій были отправлены въ тюрьму. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла я подробныхъ свѣдѣній не имѣю, такъ какъ скоро былъ переведенъ на службу въ Россію.

Изъ писемъ одного сосѣдняго помѣщика, съ которымъ я тамъ познакомился, я узналъ впрочемъ, что арестованные крестьяне были сосланы въ Сибирь, а Вывѣрковскій въ тюрьмѣ отравился. Что касается завѣщанія, то оно осталось въ силѣ, такъ какъ крестьяне ничѣмъ не могли доказать его фальшивости. И такимъ образомъ они достались М. Кашовскому.

Какъ имъ жилось подъ властью этого чурбана—догадаться не мудрено. Къ счастью ихъ, скоро наступила эмансипація. Теперь, спрашивается, на сколько нужны были всѣ эти неистовства и жестокости, съ которыми велось дѣло? Неужели не было другихъ болѣе мягкихъ и мирныхъ средствъ для усмиренія крестьянъ? Мнѣ кажется, побольше терпѣнія и любви къ нимъ, и можно бы обойтись безъ этихъ возовъ розогъ и всѣхъ неистовствъ, особенно на порогѣ 19-го февраля.

Теперь опишу второй случай. Въ іюнѣ 60 года два эскадрона уланскаго полка, подъ командой полковника Носовича, были отправлены въ Бѣжецкій уѣздъ въ имѣніе Зиновьева, занимавшаго довольно видное мѣсто при дворѣ.

Имѣніе это было оброчное, заключало около двухъ тысячъ душъ и состояло изъ семи деревень. Крестьяне, крайне недовольные разнаго рода злоупотребленіями и излишними поборами своего бурмистра, самовольно смѣнили его и, собравши весенній оброкъ, поручили доставить его въ Петербургъ барину черезъ выбраннаго ими бурмистра, при чемъ никакихъ безпорядковъ ими не было произведено. Зиновьевъ, признавъ въ этомъ нарушеніе своей помѣщичьей власти, не принялъ отъ крестьянъ оброка и сообщилъ объ этомъ тверскому губернатору графу Баранову,

прося его возстановить во власти стараго бурмистра. Крестьяне, конечно, не согласились на это.

Барановъ послалъ для увѣщанья крестьянъ жандармскаго полковника Симоновскаго, человѣка хитраго и очень ловкаго, но, увы, сему воспитаннику іезуитовъ не удалось убѣдить крестьянъ подчиниться требованію помѣщика.

Тогда по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ были командированы два нашихъ эскадрона и размѣщены по деревнямъ. Тутъ началось слѣдствіе, изъ котораго, кромѣ разсказанныхъ нами фактовъ, выяснилось только то, что крестьяне, посылая въ Петербургъ выбранныхъ ими лицъ, самовольно отобрали у бывшаго бурмистра печать помѣщичьей экономіи и приложили ее къ паспортамъ, которые были выданы лицамъ, отправленнымъ въ Петербургъ съ оброкомъ. Симоновскому, кромѣ того, очень хотѣлось открыть зачинщиковъ этого дѣла, для чего онъ, конечно, хотѣлъ прибѣгнуть къ ultima ratio тогдашняго слѣдственнаго порядка, т. е. къ розгамъ, но къ счастью ему помѣшалъ въ этомъ его товарищъ по слѣдствію, чиновникъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Дмитрій Петровичъ Тыртовъ, человѣкъ очень милый и образованный, умершій впослѣдствіи прокуроромъ Казанскаго окружнаго суда.

Впрочемъ, Симоновскому удалось сорвать свой гнѣвъ на одномъ допрашиваемомъ имъ мужичкѣ. Въ то время, когда сей зловредный бунтовщикъ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ, отрицая свое участіе въ выдачѣ паспортовъ, Симоновскій въ пылу негодованія такъ усердно ударилъ его въ подбородокъ своимъ высокоблагороднымъ колѣномъ, что у него самого сдѣлалась контузія на колѣнѣ. Не знаю, занесена ли эта почтенная контузія въ формулярный спинокъ Симоновскаго.

Дѣло было кончено административнымъ порядкомъ, т. е. человѣкъ 20, признанныхъ наиболѣе виновными, подвергли тѣлесному наказанію, а человѣкъ 40 болѣе или менѣе продолжительному аресту. При этомъ случилась одна курьезная сцена: осматривая по обязанностямъ врача присужденныхъ къ тѣлесному наказанію, я нашелъ между ними мальчика 14 или 15-ти лѣтъ. На мой вопросъ, какъ онъ попалъ сюда? онъ отвѣчалъ, что матка послала его вмѣсто отца, который поѣхалъ по дѣламъ въ Тверь. Когда я сказалъ объ этомъ Симоновскому, онъ прогналъ мальчика со словами: „Пошолъ прочь, негодяй, съ этихъ поръ уже учишься обманывать начальство“. Послѣ этого Симоновскій произнесъ чувствительную рѣчь о повиновеніи начальству, разумѣется, возстановилъ во власти стараго бурмистра. И все это

совершалось наканунѣ 19-го февраля. Объ этомъ дѣлѣ было напечатано только въ „Колоколѣ“, въ русскихъ же газетахъ о немъ не упоминалось

Вѣроятно, подобныя исторіи встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ, только печать не смѣла касаться ихъ.

У насъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ на стражѣ крѣпостного права стоялъ исправникъ, Николай Матвѣевичъ Швейковскій. Это былъ человѣкъ твердо убѣжденный въ томъ, что безъ крѣпостного права Россія существовать не можетъ, и поэтому строго и систематически преслѣдовалъ всякое нарушеніе его. Какъ человѣкъ умный, онъ умѣлъ это дѣлать такъ, что не вызывалъ большого ропота среди крестьянъ. Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ поборамъ съ нихъ и ни съ какимъ колебаніямъ ни въ ту, ни въ другую сторону, вслѣдствіе чего выбирался исправникомъ около тридцати лѣтъ, пользовался общимъ уваженіемъ. Сама фигура его была внушительна: высокій брюнетъ съ сильною просѣдью, съ густыми, торчащими кверху, волосами. Голова у него была квадратная, какъ у римскихъ статуй, правильный лобъ, густыя нависшія брови, черные умные глаза съ выраженіемъ твердости, но не жестокости, спокойно и самоувѣренно смотрѣвшіе на васъ, высокая могучая грудь,—все это придавало ему чрезвычайно внушительный видъ. Говорилъ онъ спокойно, съ легкимъ юморомъ и никогда не выходилъ изъ себя. Крестьяне боялись, но и уважали его, такъ какъ онъ никогда не измѣнялъ данному имъ слову, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже ходили совѣтоваться съ нимъ. Большинство помѣщиковъ любило его. Законы онъ зналъ прекрасно и никогда не отступалъ отъ буквы ихъ. Его глазъ проникалъ всюду, во всѣ закоулки администраціи и всѣ отрасли полицейскаго управленія. Дороги, содержаніе переправъ, подворная повинность, лежавшія въ то время на крестьянахъ, все это, по крайней мѣрѣ по наружности, было въ исправности. И все это онъ умѣлъ дѣлать какъ-то во-время, не обременяя особенно крестьянъ. Взятокъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, онъ не бралъ, но пользовался, конечно, тѣми разнообразными доходами, которые въ то время считались безгрѣшными доходами отъ откупа, съ разнаго рода казенныхъ подрядовъ, съ содержанія земскихъ большихъ дорогъ и т. п. Вѣроятно, что большія помѣщичьи экономіи, въ которыхъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ возникали мелкія помѣщичьи недоразумѣнія, платили ему извѣстную опредѣленную

подать. Говорятъ, что въ то время, когда опеки надъ дворянскими имѣніями были въ завѣдываніи земскаго суда, онъ былъ не совсѣмъ чистъ и по этой части, но мы не знаемъ этого навѣрное. Всякія, даже малѣйшія нарушенія крѣпостного права онъ преслѣдовалъ со строгостью и настойчивостью. За нѣсколько лѣтъ до нашего разсказа былъ убитъ одинъ изъ довольно крупныхъ помѣщиковъ М. П. П.

Причиной убійства, какъ говорили, было не столько жестокое обращеніе съ крестьянами, сколько разнаго рода эротическія похожденія покойнаго. Убійство было совершено такъ искусно и аккуратно, что, несмотря на всѣ розыски и инквизиціонныя мѣры, исправнику болѣе мѣсяца ничего не удавалось открыть. Наконецъ какая-то случайность, болтовня какой-то бабенки въ трактирѣ или двухъ пьяныхъ мужиковъ, указала на преступника, служившаго у П. поваромъ.

На этомъ можно бы и остановиться, но хотѣлось открыть во что бы то ни стало всѣхъ участниковъ преступленія. Тогда Швейковскій отправился въ усадьбу убитаго, перепоролъ тамъ множество лицъ и наконецъ таки добился открытія остальныхъ участниковъ преступленія. Порки, какъ мнѣ разсказывали потомъ, производились по нѣсколько разъ въ день, при чемъ ни на возрастъ, ни на полъ, ни на здоровье подвергаемыхъ пыткѣ не обращали никакого вниманія.

За мелкія нарушенія крѣпостного права, виновные, конечно, также подвергались розгамъ въ меньшихъ размѣрахъ. При этомъ бывали иногда замѣчательные курьезы. Сосѣдній съ Торжкомъ помѣщикъ, очень богатый человѣкъ, имѣвшій большую дворню, утромъ посылаетъ своего дворового человѣка съ письмомъ въ городъ къ исправнику. Дворовый, большой шалопай, передъ тѣмъ въ чемъ-то провинившійся, смекнулъ, что въ этомъ письмѣ не можетъ быть ничего особенно хорошаго для него. Выйдя изъ усадьбы, онъ встрѣтилъ другого дворового и упросилъ его отнести это письмо въ городъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у него крестины у кумы, предложивъ, впрочемъ, за это гривенникъ.

Тотъ, ничего не подозрѣвая, снесъ письмо въ земскій судъ, гдѣ въ то время было присутствіе. Исправникъ, прочитавъ письмо, приказалъ посланному подождать въ передней. По окончаніи засѣданія онъ приказалъ дворянскому засѣдателю выпороть посланнаго. Тотъ, не разобравши, въ чемъ дѣло, исполнилъ это приказаніе. Когда кончилась экзекуція, мужикъ, наконецъ, поинтересовался узнать, за что его пороли. Такимъ образомъ дѣло разъяснилось, и тогда дворянскій засѣдатель,

человѣкъ въ сущности добродушнѣйшій, сказалъ крестьянину: „Ну, ничего, братецъ, не сердись—впередъ зачтется“! Что же мужикъ? Ничего, преспокойно отправился домой, гдѣ надъ нимъ смѣялась вся дворня. Подобное происшествіе никого не возмутило, и, вѣроятно, такіе случаи бывали нерѣдко.

Швейковскій, имѣя очень маленькое состояніе и получая скудное жалованье, жилъ, хотя и скромно, но довольно прилично. Былъ очень гостепріименъ, такъ что у него ежедневно играли въ карты на двухъ или трехъ столикахъ. Подъ старость онъ нажилъ себѣ состояніе и выстроилъ хорошую усадебку. Вышелъ онъ въ отставку на другой же день послѣ обнародованья манифеста 19 февраля, уѣхалъ въ деревню, откуда не выѣзжалъ лѣтъ семь до самой своей смерти.

Несмотря на свое крѣпостничество, это былъ, во всякомъ случаѣ, лучшій изъ чиновниковъ тогдашняго времени, никогда не отступавшій отъ своихъ убѣжденій и, по тогдашнимъ понятіямъ, честный.

ГЛАВА VI.

Реформа 19-го февраля.

Когда въ 1857 году былъ обнародованъ рескриптъ Александра II къ виленскому генералъ-губернатору о необходимости уничтоженія крѣпостного права, я жилъ въ городѣ Радомыслѣ Кіевской губерніи. Въ этомъ довольно большомъ уѣздѣ жило много помѣщиковъ почти исключительно поляковъ; русскихъ, кажется, было только двое. Я помню то сильное возбужденіе, которое обнаружилось тогда среди польскаго общества.

Помѣщики съѣзжались другъ къ другу, всего чаще къ своему предводителю, толковали объ этомъ горячо, не стѣсняясь присутствіемъ насъ, русскихъ. Всего больше возмущались они надѣломъ крестьянъ землею. Противъ личнаго освобожденія и надѣла усадьбами они не возставали; надѣлъ же землею они считали революціонной экспропріаціей собственности. Большинство изъ нихъ сознавало, что всѣ эти разсужденія имѣютъ чисто теоретическій характеръ и что рано или поздно придется покориться волѣ правительства. Что думали они про себя, сказать трудно, но о возстаніи не было и рѣчи и никакихъ намековъ.

Пріѣхавъ въ Новоторжскій уѣздъ въ концѣ 59-го года, я не встрѣтилъ здѣсь ничего подобнаго. По наружности все было спокойно, всѣ казались равнодушными къ предстоящей реформѣ.

Положимъ, мѣстные комитеты уже прекратили тогда свою дѣятельность. Дѣло перешло въ главный комитетъ въ Петербургъ, гдѣ и покрылось туманомъ канцелярской тайны. Въ провинцію проникали кое-какія случайныя, часто противорѣчащія другъ другу, свѣдѣнія. Крестьяне, конечно, знали о будущей реформѣ, но вели себя сдержанно и умно.

Вся перемѣна состояла только въ томъ, что, съ одной стороны, уменьшились случаи противодѣйствія помѣщичьей власти, съ другой сами помѣщики не особенно ревниво настаивали на репрессіяхъ, и во весь этотъ періодъ по 19 февраля не было здѣсь какихъ-либо крупныхъ недоразумѣній ни съ той, ни съ другой стороны. Болѣе благоразумные и развитые изъ помѣщиковъ потихоньку готовились къ реформѣ: переходили съ барщины на вольнонаемный трудъ, запасались машинами и т. п., при чемъ были иногда крайне идиллическія увлеченія.

Одинъ помѣщикъ показывалъ мнѣ въ своей усадьбѣ огромный питомникъ яблонь, вишенъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. На мой вопросъ,—для чего ему нуженъ такой громадный питомникъ?—онъ предобродушно отвѣчалъ, что съ наступленіемъ эмансипаціи крестьяне заживутъ какъ въ раю и настолько улучшатъ свое хозяйство, что будутъ имѣть потребность въ извѣстномъ комфортѣ, будутъ разводить сады, огороды и т. д. Когда я съ усмѣшкой позволилъ себѣ усумниться въ этомъ, указывая на бѣдность и неразвитость населенія, мой собесѣдникъ утвердительно покачалъ головой и обозвалъ меня Ѳомой невѣрующимъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ неглупый и въ остальныхъ отношеніяхъ практическій. Большинство же другихъ помѣщиковъ, особенно мелкопомѣстные, какъ-то полуравнодушно относились къ вопросу о реформѣ, а многіе даже сомнѣвались въ возможности самой реформы. Были такіе, которые распространяли тревожные слухи о какихъ-то волненіяхъ среди крестьянъ, иные даже прямо говорили, что крестьяне не сегодня—завтра перевѣшаютъ помѣщиковъ и заберутъ ихъ землю, продавали имѣнія и уѣзжали заграницу.

„Mon cher, nous aurons bientôt la jacquerie“, говорилъ мнѣ не разъ одинъ старый и богатый помѣщикъ [1]), имѣвшій, впрочемъ, дѣйствительныя причины предполагать, что въ случаѣ чего крестьяне не будутъ съ нимъ особенно деликатны. И дѣйствительно—въ скоромъ времени онъ продалъ имѣніе и уѣхалъ въ южную Францію отдыхать на лонѣ Пиренейской природы и французской крестьянки (въ „Рап“).

[1]) Ал-дръ Ѳедор. Полторацкій.

Но народъ молчалъ, подчинялся и твердо скрывалъ свои завѣтныя думы.

На губернскомъ дворянскомъ собраніи конца 1860 года произошли безпорядки, вызванные, впрочемъ, не столько аграрнымъ вопросомъ, сколько желаніемъ повредить губернскому предводителю Уньковскому и его партіи и устранить ихъ отъ дѣлъ. А. М. Уньковскій, дѣятельность котораго по крестьянскому вопросу довольно извѣстна, былъ уволенъ отъ должности и отправленъ въ ссылку въ Вятку. Ссылкой закончилась его благотворная дѣятельность въ дѣлѣ эмансипаціи.

Въ томъ же собраніи дворянство составило всеподданнѣйшій адресъ о дарованіи дворянству нѣкоторыхъ политическихъ правъ. Адресъ этотъ остался безъ всякихъ послѣдствій, вызвавъ, однако, неудовольствіе противъ дворянства въ высшихъ сферахъ.

Уѣзднымъ предводителемъ дворянства, вмѣсто старика Загряжскаго, былъ выбранъ Алексѣй Александровичъ Бакунинъ.

Бакуниныхъ было четыре брата. Двое изъ нихъ, Алексѣй и Николай, скоро сошли съ арены общественной дѣятельности по обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, а двоимъ, Павлу и Александру, пришлось играть большую роль въ исторіи Новоторжскаго уѣзднаго и Тверского губернскаго земствъ.

Алексѣй Бакунинъ былъ одинъ изъ выдающихся людей своего времени. Богато одаренный отъ природы, высоко-развитой, мягкій и общительный, онъ скоро пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и любовь. Трудно было найти человѣка, съ которымъ было бы пріятнѣе говорить. Онъ не спорилъ съ вами, не давилъ васъ своимъ умственнымъ превосходствомъ, но кротко и спокойно развивалъ передъ вами свою мысль и, въ концѣ концовъ, вы незамѣтно для себя подчинялись его авторитету и дѣлались его поклонникомъ. У него былъ умъ широко-понимающій и всепрощающій; въ этомъ онъ былъ похожъ, мнѣ кажется, на своего великаго учителя, Грановскаго.

Послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля онъ поселился въ городѣ и съ ранняго утра до поздней ночи спокойно и благодушно разъяснялъ всѣмъ приходившимъ къ нему какъ крестьянамъ, такъ и помѣщикамъ статьи Положенія и возбуждаемыя ими недоразумѣнія.

Къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ продолжалась не долго (не болѣе года). Въ декабрѣ 1861 или январѣ 1862 года на собраніи предводителей дворянства и посредниковъ предложено было подать правительству заявленіе, въ которомъ, согласно мнѣнію

А. М. Уньковскаго [1]), проводилась мысль, что правильное рѣшеніе крестьянскаго вопроса невозможно безъ принятія обязательнаго единовременнаго и повсемѣстнаго выкупа съ участіемъ со стороны правительства.

Заявленіе подписали три предводителя: Бакунинъ, Балкашинъ (Корчевской) и Лихачевъ (Ржевскій), членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Николай Бакунинъ и девять мировыхъ посредниковъ. Мысль эта, впослѣдствіи до нѣкоторой степени осуществленная самимъ правительствомъ, въ то время показалась до такой степени революціонной и опасной, что въ Петербургѣ въ высшихъ сферахъ забили въ набатъ, заговорили о заговорѣ въ Тверской губерніи, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ представлялся прекрасный случай напугать Государя Императора возможностью революціи и возбудить его противъ реформы. Въ Тверь былъ посланъ генералъ-адъютантъ Анненковъ для руководства всѣмъ дѣломъ, а по городамъ, гдѣ жили остальные участники, для ареста ихъ посланы были жандармскіе офицеры.

Мѣра эта вызвала негодованіе всѣхъ порядочныхъ людей даже изъ противнаго лагеря, а равно и въ заграничной прессѣ. Арестованныхъ заключили въ Петропавловскую крѣпость, и надъ ними было назначено слѣдствіе, затѣмъ они были преданы суду Сената, который присудилъ ихъ къ заключенію въ смирительный домъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, въ томъ числѣ права участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, а, слѣдовательно, и права быть избирателемъ или избираемымъ.

Это былъ первый политическій процессъ въ царствованіе Александра II, извѣстный подъ именемъ „дѣла тринадцати“.

По отбытіи наказанія А. Бакунинъ вернулся въ имѣніе свое село Прямухино Новоторжскаго уѣзда, гдѣ и жилъ до самой своей смерти, занимаясь науками. Прощенья за свои прегрѣшенія онъ не просилъ, какъ большинство участниковъ въ дѣлѣ.

Мировыми посредниками перваго призыва были П. Д. Кишенскій, Н. М. Полторацкій, В. Н. Кудрявцевъ, П. Н. Ельчаниновъ и Н. С. Медвѣдковъ.

Первый изъ нихъ былъ отставной Семеновскій офицеръ. Онъ былъ изъ числа той молодежи сороковыхъ годовъ, которая была проникнута либеральными, отчасти соціалистическими

[1]) Мысль эта была высказана Уньковскимъ въ запискѣ, представленной имъ Главному комитету по крестьянскому вопросу.

идеями, изъ которой между прочимъ выдвинулся кружокъ Петрашевскаго.

Это былъ человѣкъ убѣжденный, прямолинейный, строгій къ другимъ, но въ то же время и къ самому себѣ. Онъ никогда не шелъ ни на какіе компромиссы. Онъ вышелъ въ оставку вскорѣ послѣ ареста тринадцати.

Кудрявцевъ, человѣкъ уже пожилой, представлялъ изъ себя довольно странную личность. Раньше онъ былъ ярымъ защитникомъ крепостного права какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, былъ очень строгъ къ крѣстьянамъ и многихъ изъ своихъ дворовыхъ сослалъ въ Сибирь. Во время дѣйствія губернскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ онъ писалъ грозныя филипники противъ освобожденія крестьянъ съ землею и другихъ правительственныхъ мѣръ, какъ человѣкъ страстный, конечно, не стѣснялся въ выраженіяхъ. Но никакихъ твердыхъ убѣжденій у него не было. Во время дворянскихъ выборовъ 59-го года Уньковскій разглядѣлъ его и, какъ говорятъ, въ одну ночь обратилъ его въ вѣру православную, т. е. изъ консерватора и ретрограда сдѣлалъ его прогрессистомъ. Кудрявцевъ сдѣлался такимъ же ярымъ прогрессистомъ, какимъ былъ консерваторомъ, говорилъ въ собраніяхъ громовыя рѣчи, стучалъ кулакомъ, однимъ словомъ, старался играть роль Мирабо, такъ что наконецъ добился чести быть въ числѣ тринадцати. По отбытіи наказанія онъ просилъ помилованія, былъ послѣ того раза два гласнымъ, но тутъ его старые консервативные взгляды снова взяли верхъ и, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ оставить общественную дѣятельность. Казалось, зачѣмъ было бы его выбирать, но дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ очень богатый, крайне тщеславный и самолюбивый. Если бы его не привлечь къ общественной дѣятельности, онъ сразу сталъ бы въ оппозицію, которая при его средствахъ и вліяніи на нѣкоторую часть помѣщиковъ могла бы быть даже опасной для дѣла, а тутъ въ обществѣ другихъ посредниковъ онъ, конечно, не могъ такъ скоро свихнуться съ прямого пути, какъ это случилось впослѣдствіи. И дѣйствительно, онъ во всемъ шелъ наравнѣ съ ними, даже вдаваясь въ крайности.

Полторацкій, офицеръ Генеральнаго штаба, человѣкъ умный, безусловно честный, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ тринадцати и долженъ былъ оставить общественную дѣятельность.

Медвѣдковъ, человѣкъ прекрасно образованный, вскорѣ вышелъ въ отставку вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ помѣщиками своего участка, такъ навываемаго корельскаго края,

землевладѣльцы котораго почти поголовно отличались крайнимъ консерватизмомъ и ретроградствомъ.

Таковы были посредники перваго призыва.

---

19 февраля въ томъ году приходилось на масленицѣ, и правительство, боясь разнаго рода смутъ, отложило опубликованіе манифеста до 5-го марта (иерваго великопостнаго воскресенья). Но это, вопреки надеждамъ консерваторовъ, не вызвало нигдѣ никакихъ волненій среди крестьянъ.

Къ 5-му марта были командированы по уѣзду губернаторскіе чиновники по нѣскольку на уѣздъ, къ нимъ были присоединены мѣстные чиновники. Они должны были объѣзжать весь уѣздъ, собирать въ каждомъ имѣніи всѣхъ наличныхъ крестьянъ въ присутствіи помѣщиковъ и объявить имъ Высочайшій указъ объ освобожденіи и главныя статьи Положенія 19-го февраля и выдать имъ оное. При этомъ также не обошлось безъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, командированный въ имѣніе г-жи Ивковой чиновникъ пріѣхалъ туда съ вечера и, объявивъ помѣщицѣ о цѣли своего пріѣзда, просилъ ее собрать утромъ пораньше на ея дворѣ крестьянъ для объявленія имъ манифеста. Каково же было его удивленіе, когда, выйдя утромъ на крыльцо, онъ нашелъ возлѣ него кучу свѣженаваленныхъ камней. На спросъ его объ этомъ, помѣщица объявила, что только когда эти камни заговорятъ, тогда и крестьяне будутъ свободны. Нечего дѣлать, пришлось собрать крестьянъ въ сосѣдней деревнѣ и тамъ объявить имъ манифестъ.

Въ другомъ имѣніи помѣщика Черенкова въ Карельскомъ краю крестьяне въ числѣ душъ двадцати оказались повально пьяными и, ставъ на колѣни, стали кричать, что они не хотятъ свободы и просятъ оставить ихъ за ихъ добрымъ помѣщикомъ. Помѣщикъ былъ старый полковникъ, уже выжившій изъ ума отъ старости. Когда чиновникъ сталъ уговаривать крестьянъ подчиниться волѣ правительства, крестьяне единогласно заявили, что они просятъ оставить ихъ въ распоряженіи помѣщика до его смерти, такъ какъ онъ обѣщалъ ежедневно поить ихъ водкой. „Что же, ваше благородіе“, говорили крестьяне, „старичекъ хилый и году не проживетъ, и тогда мы со всѣмъ удовольствіемъ покоримся царской волѣ, а по крайней мѣрѣ, за это время попьемъ всласть водочки“. Не скоро удалось чиновнику убѣдить крестьянъ въ неразумности ихъ желанія. Были и другія въ этомъ родѣ выходки въ другихъ мѣстахъ, но въ

общемъ все обошлось тихо и благоразумно. Вообще крестьяне не высказывали нигдѣ ни особой радости ни особеннаго недовольства Положеніемъ и думали какую-то свою глубокую думу, до сихъ поръ непонятую нами.

Какъ извѣстно, манифестъ не вполнѣ удовлетворилъ и либеральную часть общества, но во всякомъ случаѣ впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно не только у насъ, но и за границей. Тамъ внимательно слѣдили за всѣмъ, происходившимъ у насъ въ Россіи, за всѣми малѣйшими признаками волненія или недовольства. Выражали удивленіе, что такой великій переворотъ, обливщій во многихъ мѣстахъ почву Европы потоками крови, проходитъ въ Россіи такъ спокойно, не вызывая нигдѣ кровавыхъ столкновеній. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ восточныхъ губерній (Казанская исторія Щалова, напримѣръ) почти вездѣ дѣло обошлось мирнымъ путемъ. Въ Европѣ понять этого не могли.

Пострадали непосредственно только нѣсколько старушекъ, изъ которыхъ двѣ сошли съ ума, а съ третьей сдѣлался ударъ сейчасъ же послѣ объявленія манифеста, да одинъ старичекъ умеръ отъ удара также въ самый день объявленія его. Вотъ и всѣ, на первое время, жертвы переворота.

Но этотъ великій день къ прискорбію положилъ начало тѣхъ смутъ и той травли всего либеральнаго и порядочнаго въ Россіи, которая теперь разрослась въ извѣстной части прессы до такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Нѣсколько порядочныхъ людей, по иниціативѣ, кажется, Юрія Ѳедоровича Самарина, устроили торжественный обѣдъ въ Москвѣ въ Англійскомъ клубѣ. Всѣ они, конечно, были въ самомъ розовомъ настроеніи; произнесено было множество рѣчей, объяснявшихъ значеніе переворота и восхвалявшихъ великаго Царя-Освободителя. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ ретроградnаго направленія появились неприличныя статьи, въ которыхъ московскій праздникъ былъ изображенъ въ какомъ-то шутовскомъ видѣ, а участники его выставлены чуть ли не Маратами, посягающими на основные устои русской жизни. Разумѣется, все ретроградное было въ восторгѣ отъ этихъ статей, и это было началомъ „торжествующей свиньи“.

Послѣ реформы лучшая часть дворянства сознала необходимость сближенія съ крестьянами. Дѣло это было очень трудное. Многовѣковый гнетъ крѣпостного права прорылъ такую глубокую пропасть между двумя сословіями, положить мостъ черезъ которую было въ то время почти невозможно, и всего менѣе можно было это сдѣлать какими-нибудь заискиваньями передъ крестьянами.

Тутъ явилось какое-то фальшивое сантиментальничанье. Многіе помѣщики стали относиться къ крестьянамъ съ какимъ-то любезничаньемъ. Мужиковъ стали почему-то называть „мужичками“, говорить имъ „вы“, стали даже приглашать ихъ къ себѣ на именинные пироги и обѣды, при чемъ пренаивно удивлялись, что мужикъ ѣстъ не по-свински, а по-человѣчески и ведетъ себя довольно прилично. Но это мало помогало, и пропасти, лежавшей между обоими сословіями, засыпать этимъ было нельзя. Люди сближаются между собою на почвѣ общаго дѣла, а такого тогда не было. Составленіе уставныхъ грамотъ и разверстаніе угодій, порождая споры между сторонами, скорѣе могли увеличить рознь, а не служить къ сближенію. Глухая ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ, не выражаясь никакими особенными дѣйствіями, была до того сильна, что даже теперь, по прошествіи 50-ти лѣтъ послѣ эмансипаціи, люди того поколѣнія, которое застало еще крѣпостное право, не могутъ говорить о немъ равнодушно. Къ тому же, устройство крестьянскаго управленія, исключивъ изъ среды волости всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, провело новую разъединительную черту между сословіями, лишивъ въ то же время участія въ общественныхъ дѣлахъ всю мѣстную интеллигенцію.

Всесословная волость и до сихъ поръ остается мечтою людей прогрессивнаго лагеря. Мы помнимъ попытки нѣсколькихъ помѣщиковъ изъ этого лагеря принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ волостныхъ писарей, что, безъ сомнѣнія, могло бы имѣть хорошее вліяніе на упорядоченіе волостныхъ дѣлъ и на развитіе въ крестьянахъ чувства законности. Но всѣ эти попытки были отклонены правительствомъ.

Только въ первое время существованія земства пропасть эта понемногу начала наполняться. Но до сихъ поръ оба сословія стоятъ другъ противъ друга безъ взаимнаго пониманія.

Какъ на ближайшее послѣдствіе реформы 19 февраля указываютъ обыкновенно на начавшееся тогда обѣднѣніе помѣщиковъ, продолжающееся и до настоящаго времени.

Такъ до 19 февраля 61 года въ Новоторжскомъ уѣздѣ было 139 помѣщичьихъ усадебъ, въ настоящее время изъ нихъ осталось только 30 въ рукахъ дворянъ.

Я не буду говорить о причинахъ этого явленія,—онѣ очень сложны и объ нихъ было писано уже много. Но, во всякомъ случаѣ, врядъ-ли реформа 19 февраля играла здѣсь главную роль. Въ Западномъ краѣ реформа эта была введена при условіяхъ болѣе тяжелыхъ для помѣщиковъ того края, но, по об-

щему свидѣтельству всѣхъ бывшихъ тамъ въ послѣднее время, помѣщичьи усадьбы не представляютъ такого оскудѣнія, какъ у насъ. Дѣло въ томъ, что у насъ почти всѣ имѣнія были раньше заложены въ Опекунскій Совѣтъ, хозяйство велось крайне рутинно, безъ знанія дѣла и безъ предусмотрительности. Застигнутые почти врасплохъ реформой, помѣщики наши не знали, что имъ дѣлать. Выкупныя проживались безъ всякой пользы для хозяйства, или же употреблялись на разныя предпріятія, которыя не соотвѣтствовали ни климатическимъ, ни мѣстнымъ условіямъ, ни условіямъ рынка. Помѣщики продолжали вести прежній образъ жизни, постоянно нуждались въ деньгахъ и, при отсутствіи правильнаго кредита, попадали въ руки ростовщиковъ и кулаковъ. Не мудрено, что при этихъ условіяхъ началось постепенное ихъ разореніе.

Для крестьянъ ближайшимъ послѣдствіемъ реформы было освобожденіе отъ личной зависимости и пріобрѣтеніе личной свободы въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Эту независимость крестьянинъ ставитъ очень высоко.

При введеніи института земскихъ начальниковъ въ народѣ появились предположенія, что это замаскированное возвращеніе крѣпостного права. Я въ то время былъ мировымъ судьей. Однажды ко мнѣ пришелъ старый знакомый крестьянинъ, бывшій когда-то волостнымъ старшиной, человѣкъ очень умный. Мало-по-малу разговоръ перешелъ на предполагаемую реформу и на порожденные ею слухи. Тогда старикъ съ горячностью сказалъ мнѣ: „Вотъ что я тебѣ скажу: потихоньку да полегоньку можно отобрать у насъ и землю и всѣ льготы; но если дѣло дойдетъ до воли,—тогда, братъ, держись“!

Къ сожалѣнію, послѣ исторіи тринадцати всѣ лица, принадлежавшія къ мѣстному либеральному лагерю, временно устранились отъ участія въ дѣлахъ, и дѣло введенія въ дѣйствіе положенія попало у насъ въ не совсѣмъ хорошія руки. Предводителемъ дворянства вмѣсто Бакунина былъ выбранъ Владиміръ Алексѣевичъ Полторацкій, личность, надъ которой стоитъ остановиться. Отецъ его нѣсколько лѣтъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства; у самого В. А. было около пятисотъ душъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, во время Крымской войны участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, получилъ двѣ серьезныя раны и офицерскій Георгіевскій крестъ. Онъ получилъ

отличное свѣтское образованіе, прекрасно говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки; умъ у него былъ чрезвычайно бойкій, смѣтливый и дерзкій. Какъ родной племянникъ министра графа Киселева, онъ имѣлъ хорошія связи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. При такихъ задаткахъ онъ могъ бы быть полезнымъ дѣятелемъ общества. Но судьба рѣшила иначе: онъ признавалъ только тотъ кружокъ людей, къ которому принадлежалъ по рожденію, воспитанію и службѣ; все, что было внѣ этого круга, онъ болѣе или менѣе откровенно презиралъ. Съ какой-то ненавистью онъ старался подавлять всякое проявленіе человѣческаго достоинства внѣ своего кружка.

Однимъ словомъ, это былъ прирожденный врагъ всякаго гражданскаго прогресса. Самая фигура его была характерна: онъ былъ красивый брюнетъ выше средняго роста съ правильными чертами лица. Небольшой, но также чрезвычайно правильный лобъ, темно-каріе, смотрѣвшіе на васъ дерзко и надменно глаза, правильный, слегка вздернутый носъ, небольшіе черные усы, громкій повелительный голосъ, могучій торсъ — все въ этомъ человѣкѣ говорило о силѣ и склонности повелѣвать.

Сначала онъ рѣдко появлялся въ Торжкѣ, жилъ въ Москвѣ, былъ тамъ членомъ Англійскаго клуба и имѣлъ тамъ большое вліяніе. Затѣмъ сталъ все чаще и чаще жить въ Торжкѣ, по причинѣ, какъ говорили, разстройства денежныхъ дѣлъ. Жена его жила въ Москвѣ у своего дяди князя Грузинскаго. По пріѣздѣ въ Торжокъ онъ сразу сдѣлался главою извѣстнаго кружка, состоявшаго изъ офицеровъ и нѣсколькихъ помѣщиковъ, которые по складу своихъ мыслей были одного закала съ нимъ, хотя ни у одного изъ нихъ не было той дерзости и надменности, какъ у Полторацкаго.

Люди эти играли въ карты, завтракали, обѣдали большею частію съ шампанскимъ и проживали свое состояніе.

Полторацкій завелъ у себя въ имѣніи постройку большой барской усадьбы, которую никогда не достроилъ и въ которой никогда не жилъ, завелъ тамъ псовую охоту, для чего выписалъ тридцать лошадей съ Кавказа, а охотниковъ одѣлъ въ кавказскія папахи. И все это онъ сдѣлалъ въ то время, когда у него не было почти ни гроша денегъ. Постояннымъ домомъ въ Торжкѣ онъ не жилъ, перекочевывая съ квартиры на квартиру, при чемъ не вездѣ разсчитывался съ хозяевами. Онъ занималъ направо и налѣво куши отъ двухсотъ до пятисотъ рублей, дѣлая при этомъ видъ, что будто онъ одолжаетъ того, у кого занимаетъ. Время отъ времени онъ при-

возилъ изъ Москвы тысячи двѣ или три, уплачивалъ изъ этихъ денегъ часть новоторжскихъ долговъ и такимъ образомъ поддерживалъ кредитъ. Говорили, что эти деньги выманивала его жена у своего дяди князя Грузинскаго, служившаго въ придворномъ вѣдомствѣ и завѣдывавшаго во время коронаціи 56-го г. народными торжествами.

На охоту В. А. ѣздилъ чрезвычайно роскошно, съ нимъ всегда было два фургона съ провизіей и разнаго рода вещами.

Для характеристики разскажу нѣсколько встрѣчъ съ нимъ. Разъ, возвращаясь отъ больного изъ уѣзда, я былъ остановленъ его охотниками въ деревнѣ Макарьинѣ верстахъ въ 16-ти отъ города, съ заявленіемъ, что В. А. не велѣлъ пропускать никого изъ знакомыхъ.

Когда я вошелъ въ избу, занимаемую имъ, я былъ пораженъ роскошью, съ которой она была убрана. Всѣ стѣны и полъ были убраны персидскими коврами; въ избѣ стояли два складныхъ стола, на одномъ изъ нихъ было четыре серебряныхъ прибора для обѣда, на другомъ—водка и закуски. Тутъ были, кромѣ В. А., братъ его Дмитрій и новоторжскій помѣщикъ Василій Денисовичъ Давыдовъ, сынъ извѣстнаго партизана. Обѣдъ былъ роскошный; между прочимъ, была уха изъ стерлядей, за которыми онъ посылалъ почти ежедневно въ сосѣдній городъ Старицу, верстъ за пятьдесятъ.

Потомъ мы играли въ преферансъ, такъ что я уѣхалъ отъ него съ Давыдовымъ только часовъ въ двѣнадцать ночи, что называется, сытъ и пьянъ. Давыдовъ, самъ человѣкъ очень богатый, былъ пораженъ всей этой роскошью. Дорогой ямщикъ разсказалъ намъ, что Полторацкій никогда не разсчитывается съ крестьянами за свои ночлеги и забранный у нихъ кормъ для лошадей. Когда мужики начнутъ очень приставать, онъ, какъ говорилъ ямщикъ, ударитъ нагайкой по Джигиту (его верховая лошадь) и ускачетъ, пригрозивши имъ краснымъ пѣтухомъ. Мужики, боясь такой угрозы, молчали и безропотно переносили его грабежи.

Нѣсколько недѣль послѣ этого мнѣ пришлось проѣзжать черезъ усадьбу Полторацкаго часу въ восьмомъ утра, какъ разъ въ охотничій праздникъ, т. е. 1-го сентября. Дорога шла мимо самого дома. Вдругъ слышу зычный голосъ, обозвавшій меня. В. А. сидѣлъ на балконѣ усадьбы съ какимъ-то другимъ незнакомымъ мнѣ господиномъ; оба были въ халатахъ. Передъ ними стоялъ полуштофъ водки и свѣжіе бобы и горохъ для закуски. Полторацкій сказалъ мнѣ, что сегодня охотничій праздникъ, и пригласилъ меня и моего спутника откушать охотничьяго пи-

рога на конюшнѣ. Сидѣвшій съ нимъ оказался его родственникомъ тоже Полторацкимъ, Пав. Александ., бывшимъ, какъ и В. А., офицеромъ на Кавказѣ. Въ тѣхъ же костюмахъ наши хозяева отправились съ нами на конюшню. Конюшня эта была устроена съ роскошью; передъ нею былъ залъ человѣкъ на сто; тутъ были разставлены столы съ пирогами и закусками. Всѣ мы сѣли за одинъ столъ вмѣстѣ съ охотниками. По окончаніи завтрака, покрытаго, конечно, порядочнымъ возліяніемъ, Полторацкій повелъ насъ по стойламъ показывать лошадей. Войдя въ стойло, гдѣ стоялъ его верховой конь Джигитъ, красивый кабардинскій жеребецъ, Полторацкій ударилъ его ладонью по крупу со словами: „Ну, Джигитъ, завтра въ походъ“, при чемъ такъ сверкнулъ глазами, что я подумалъ, что передо мной стоитъ какой-нибудь атаманъ XVII-го вѣка.

Нужно замѣтить, что бабка его по отцу была знаменитая въ свое время Агаѳоклея Александровна Полторацкая. Начавши съ двухъ или трехъ сотъ душъ, она оставила своимъ дѣтямъ громадное состояніе въ пятнадцать тысячъ душъ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ о ея подѣтеляхъ ходила масса разсказовъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, когда она объѣзжала поля, замѣчала, что какой-нибудь крестьянинъ по ея мнѣнію плохо работаетъ, тутъ же на мѣстѣ производила расправу, т. е. порола.

Докторъ Лавровъ, практиковавшій въ Новоторжскомъ уѣздѣ слишкомъ 60 лѣтъ и отлично знавшій всѣ условія помѣщичьей жизни, разсказывалъ мнѣ, что подъ старость, когда она жила въ громадномъ, чуть не царскомъ домѣ своемъ въ селѣ Грузинахъ Новоторжскаго уѣзда, она страдала часто безсонницей и когда всѣ извѣстныя тогда гипнотическія средства были истощены, она приказывала собрать мужиковъ изъ сосѣднихъ деревень и пороть ихъ передъ окнами своей спальни, находившейся въ нижнемъ этажѣ дома; стоны несчастныхъ мужиковъ дѣйствовали на нее какъ морфій; подъ звуки этого адскаго оркестра она тихо засыпала. Правда, мужики скоро догадались, что она не можетъ ничего видѣть изъ глубины комнаты и притворялись, будто ихъ порютъ. Затѣмъ я слышалъ про нее разсказъ въ Петербургѣ, гдѣ у нея былъ собственный домъ возлѣ Сѣнной площади, занимаемый впослѣдствіи Вяземской Лаврой. Однажды утромъ она увидѣла, что передъ окнами ея дома на Сѣнной собралась большая толпа народа. Она послала своего лакея узнать въ чемъ дѣло. Тотъ доложилъ ей, что въ народѣ слухъ, что Полторатчиху будутъ сегодня пороть плетьми. Тогда

она велѣла заложить коляску и, выѣхавъ въ ней на четвернѣ на площадь, закричала: „Что, подлецы, прежде, чѣмъ меня выпорятъ, я васъ половину передавлю". Народъ, видя, что она дѣйствительно хочетъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, разбѣжался. И такого дикаго звѣря не только не посадили въ клѣтку за желѣзные запоры, а напротивъ высокопоставленныя лица искали чести быть съ ней знакомыми и пользовались ея милостивымъ вниманіемъ. Не объ этихъ ли дикихъ порядкахъ вздыхаютъ наши консерваторы? Не удивительно, что дикіе инстинкты перешли отъ бабки къ внуку.

И вотъ такого-то барина новоторжское дворянство выбрало своимъ предводителемъ. Случилось это такъ. Партія, противная либераламъ, во главѣ которой стоялъ довольно богатый помѣщикъ Нероновъ, боясь, чтобы власть не попала снова въ руки кого-нибудь изъ противниковъ, инсинуировала и интриговала среди всегда колеблющагося большинства и настолько запугала его, что всѣмъ мерещилась чуть ли не соціальная революція въ случаѣ избранія вновь одного изъ Бакунинхъ или изъ лицъ близкихъ имъ. Такъ какъ изъ среды ихъ самихъ никто не разсчитывалъ получить достаточное большинство, то они и выставили кандидатуру Полторацкаго, надѣясь на его имя и заслуги отца, бывшаго нѣсколько трехлѣтій губернскимъ предводителемъ. Выборы происходили не въ губернскомъ городѣ, а въ Торжкѣ въ залѣ гостиницы Федухина. Собралось человѣкъ сорокъ или болѣе дворянъ. Полторацкій скромно сѣлъ въ самомъ заднемъ ряду креселъ и противъ своего обыкновенія не шумѣлъ, не шутилъ и ограничивался лишь самыми скромными замѣчаніями.

По разсмотрѣніи нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ приступили къ выборамъ. Послѣ отказовъ двухъ или трехъ предложенныхъ кандидатовъ, стали просить Полторацкаго. Онъ всталъ и долго отказывался, какъ Борисъ Годуновъ отъ царства. Среди избирателей слышались голоса: „Владиміръ Алексѣевичъ! послужите намъ, спасите насъ" [1])!

Наконецъ всталъ генералъ Воробьевъ и сказалъ патетическую рѣчь о томъ, что единственное спасеніе уѣзда въ принятіи Полторацкимъ должности предводителя, потому что такъ называемая Бакунинская партія хочетъ обезземелить и обездолить уѣздъ. Не выдержало отчизно-любивое сердце Полторацкаго, и онъ со скромностью принялъ великую миссію спасенія отечества, т. е. дворянства. Ну, и спасъ же онъ ихъ!

[1]) Бакунины и вся прогрессивная партія въ этомъ собраніи не участвовали.

Черезъ два или три мѣсяца были выборы губернскаго предводителя. Тутъ Полторацкій явился кандидатомъ, разсчитывая на имя отца и на свое личное обаяніе; больше никакихъ заслугъ у него не было. Онъ умѣлъ такъ ловко интриговать, что при первой баллотировкѣ былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ (что-то 360 голосовъ изъ 400 баллотировавшихъ).

Нужно было выбрать къ нему кандидата, для обсужденія чего былъ назначенъ перерывъ засѣданія на нѣсколько минутъ. Въ это время полилось шампанское, и всѣ поздравляли вновь избраннаго предводителя.

Между тѣмъ часть публики опомнилась и, вовсе не желая имѣть предводителемъ Полторацкаго, рѣшила во что бы то ни было сдѣлать собраніе недѣйствительнымъ. По закону какъ предводитель, такъ и кандидатъ избираются въ одномъ и томъ же составѣ дворянъ.

Когда провѣрили голоса за кандидата, ихъ оказалось на два меньше противъ числа баллотировавшихъ Полторацкаго. Нечего дѣлать, надо было отложить выборы до слѣдующаго дня. Утромъ, при вторичной баллотировкѣ Полторацкій получилъ тридцатью или сорока голосами меньше, чѣмъ наканунѣ, а предложенный въ кандидаты Сухотинъ былъ выбранъ почти единогласно и утвержденъ Государемъ. Полторацкому хотѣлось быть губернскимъ предводителемъ, главнымъ образомъ, потому, что при своихъ связяхъ въ Петербургѣ и при своей ловкости онъ могъ бы года черезъ два попасть въ губернаторы.

Въ дѣлахъ по крестьянскому присутствію онъ не принималъ почти никакого участія; являлся туда рѣдко, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо было поддержать какую-нибудь крупную несправедливость противъ крестьянъ. Онъ прослужилъ такимъ образомъ до открытія земства, т. е. до 66 года.

Благодаря своимъ связямъ, старымъ военнымъ заслугамъ и близкому родству съ военнымъ министромъ Милютинымъ, человѣкомъ крайне довѣрчивымъ и знавшимъ одну только хорошую сторону военной дѣятельности Полторацкаго, на Кавказѣ, онъ поступилъ снова въ военную службу, получилъ батальонъ, участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ, потомъ формировалъ Крымско-Татарскій дивизіонъ, командовалъ имъ нѣсколько лѣтъ и сдалъ въ большомъ безпорядкѣ съ начетомъ тысячъ въ пятнадцать. Во время послѣдней турецкой кампаніи онъ командовалъ Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ, который сдалъ также съ большимъ начетомъ и все-таки былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Мировые посредники второго призыва стояли много ниже первыхъ, какъ по своему образованію, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Они не дѣйствовали такъ строго-безпристрастно, какъ тѣ, и вездѣ, гдѣ только было можно, держали сторону помѣщиковъ. Предсѣдательствовалъ большею частію на ихъ съѣздахъ посредникъ Шнейдерсъ изъ Карельскаго края. Это былъ человѣкъ неглупый, но безъ всякихъ принциповъ и въ душѣ крѣпостникъ. При всякихъ столкновеніяхъ крестьянъ съ помѣщиками онъ всегда рѣшалъ дѣло не въ пользу первыхъ, былъ довольно грубъ и дерзокъ съ крестьянами на съѣздахъ, часто ихъ не выслушивалъ какъ слѣдуетъ и въ случаѣ сильнаго противорѣчія съ ихъ стороны безъ дальнихъ разговоровъ выпроваживалъ ихъ изъ залы засѣданія. Былъ даже такой случай: помѣщикъ А. П—ій передъ эмансипаціей отрѣзалъ у крестьянъ ихъ полевую землю и взамѣнъ ея далъ землю худшаго качества. При составленіи уставной грамоты крестьяне, конечно, на это не согласились, и дѣло перешло въ съѣздъ. На съѣздѣ явился уполномоченный со стороны П—аго и человѣкъ двѣнадцать со стороны крестьянъ. Обѣ стороны горячо отстаивали свои интересы. Раздраженный этимъ споромъ Шнейдерсъ обратился къ бывшему случайно въ засѣданіи командиру уланскаго полка, человѣку хорошему, но очень недалекому, съ просьбой дать ему воинскую команду для арестованія крестьянъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явилось человѣкъ двадцать солдатъ подъ командой офицера и съ обнаженными саблями отвели крестьянъ на военную гауптвахту.

Такимъ образомъ дѣло приняло какъ-будто характеръ крестьянскаго бунта.

Для оправданія своихъ дѣйствій Шнейдерсъ сейчасъ же поѣхалъ къ исправнику, прося его дать удостовѣреніе въ томъ, что, несмотря на всѣ увѣщанія, крестьяне шумѣли на съѣздѣ, не соглашаясь ни на какія предложенія со стороны П—аго, вслѣдствіе чего необходимо было прибѣгнуть къ военной силѣ. Исправникъ, человѣкъ очень порядочный, конечно, не согласился на такой подлогъ и искаженіе фактовъ и сейчасъ же послалъ объ этомъ эстафету губернатору. Между тѣмъ и полковникъ со своей стороны долженъ былъ донести о происшествіи по командѣ начальнику дивизіи и, кажется, на Высочайшее имя. Къ утру пришла эстафета отъ губернатора съ приказомъ немедленно освободить крестьянъ, и было назначено слѣдствіе, такъ что побѣдители не долго наслаждались торжествомъ своей побѣды. Хотя слѣдствіе не повело ни къ чему по

отношенію къ Шнейдерсу, но крестьяне все-таки отстояли свои права и получили землю.

Нѣкоторые изъ посредниковъ были такъ недѣятельны и такъ небрежно относились къ дѣлу, что когда наступилъ двухлѣтній срокъ, къ которому должно было окончиться составленіе уставныхъ грамотъ, около половины ихъ не было еще составлено, и пришлось назначить для окончанія дѣла въ эти участки по нѣсколько кандидатовъ.

Несмотря на все это, въ общемъ дѣло обошлось довольно благополучно, и большихъ недоразумѣній было не много, благодаря отчасти долготерпѣнію нашихъ крестьянъ, хотя по нѣкоторымъ признакамъ можно было судить, что они не вполнѣ довольны тѣмъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса, какое было дано Положеніемъ 19 февраля и особенно положеніемъ о выкупѣ. Имъ, конечно, казалось страннымъ, что за землю, которую они обрабатывали въ теченіе долгаго ряда поколѣній, имъ приходилось еще платить выкупъ. Затѣмъ самимъ надѣломъ они были въ общемъ недовольны: они думали, что большая часть помѣщичьей земли должна перейти имъ, и много лѣтъ еще между ними ходили слухи о какомъ-то новомъ передѣлѣ земель, и сохранялась тайная надежда на него. Къ тому же общинное землевладѣніе и круговая порука, установленныя Положеніемъ, дѣлали крестьянина крѣпкимъ землѣ, что во многихъ случаяхъ стѣсняло его личную иниціативу.

Но по необходимости они покорились, помня, вѣроятно, что „сила солому ломитъ“.

Мелочныя недоразумѣнія по поводу разверстанія угодій возникали и впослѣдствіи и разрѣшались мировыми посредниками и мировымъ съѣздомъ.

Такимъ образомъ, съ составленіемъ уставныхъ грамотъ разрѣшался первый актъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

ГЛАВА VII.

Земство и судебная реформа.

Въ началѣ 1866-го года были въ первый разъ избраны гласные въ уѣздное земское собраніе. Какъ извѣстно, земство было тогда всесословное; хотя гласные дѣлились на три разряда: первый разрядъ отъ землевладѣльцевъ, второй отъ городскихъ обывателей и третій отъ крестьянскихъ обществъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, но во всѣ эти разряды

могли быть выбираемы лица безразлично отъ всѣхъ сословій. Такъ, въ первый разрядъ можно было выбирать не только дворянъ, но купцовъ и крестьянъ, если они владѣли земельной собственностью въ извѣстномъ размѣрѣ. Отъ крестьянскихъ обществъ избирались иногда и дворяне, пользовавшіеся довѣріемъ и уваженіемъ общества, если они на основаніи земельнаго ценза имѣли право быть избираемыми въ гласные.

Законъ, возложивъ на земство заботу о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, нашелъ возможнымъ предоставить это дѣло только лицамъ, имѣющимъ извѣстную земельную собственность, и такимъ образомъ устранилъ отъ участія въ земскихъ дѣлахъ ту часть мѣстной интеллигенціи, которая не имѣла земельной собственности. Это имѣло свои невыгодныя послѣдствія, такъ какъ кромѣ чисто-хозяйственныхъ дѣлъ въ уѣздѣ на земствѣ лежитъ забота о народномъ образованіи и устройствѣ медицинской части. Участіе въ этомъ дѣлѣ мѣстной безземельной интеллигенціи, не связанной экономическими интересами, могло быть очень полезно и вѣроятно спасло бы земство отъ многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ отношеніи.

Крестьяне въ то время не имѣли вполнѣ яснаго представленія о своихъ нуждахъ и не умѣли возбуждать въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ о тѣхъ потребностяхъ, которыя выходили изъ круга изъ хозяйственныхъ интересовъ; въ такихъ-то случаяхъ участіе безземельной интеллигенціи оказало бы большую услугу.

Весною 1866 года состоялось первое земское собраніе для избранія земской управы. По закону до избиранія лицъ на земскія должности необходимо было опредѣлить имъ жалованье. Вопросъ этотъ вызвалъ среди гласныхъ продолжительныя и горячія преніа. Прогрессивная партія предложила назначить всѣмъ членамъ одинаковое содержаніе по 600 рублей въ годъ. Другая же сторона предложила назначить предсѣдателю 1500 р., а членамъ по 1200 въ годъ. Прогрессисты въ основаніе своего предложенія выставляли то, что содержаніе членамъ управы назначается не какъ вознагражденіе за ихъ трудъ, который въ то время и оцѣнить было невозможно, но только какъ пособіе на тѣ излишніе расходы, которые каждый изъ нихъ долженъ понести по своей службѣ въ земствѣ, какъ-то: по найму квартиры въ городѣ, лишней прислуги и т. п.

При этомъ имѣлось отчасти въ виду устранить отъ веденія земскихъ дѣлъ тѣ нежелательные элементы, которыя начали

высказывать аппетиты на земскій пирогъ. Противники возражали, что при назначеніи такого ограниченнаго содержанія въ земствѣ могутъ служить только люди болѣе или менѣе обезпеченные, и такимъ образомъ будутъ устранены полезные дѣятели. Противъ равномѣрности содержанія возражали, что предсѣдатель несетъ большую отвѣтственность, чѣмъ другіе члены, и по необходимости долженъ имѣть больше расходовъ. Послѣ долгихъ споровъ прогрессисты одержали верхъ, и предсѣдателемъ управы былъ выбранъ П. А. Бакунинъ, а членами Т. Н. Повало-Швейковскій и Н. С. Львовъ.

Въ слѣдующемъ трехлѣтіи вопросъ этотъ былъ снова возбужденъ той же группой гласныхъ, но большинствомъ голосовъ былъ рѣшенъ въ прежнемъ смыслѣ. Вскорѣ П. А. Бакунинъ былъ выбранъ предводителемъ дворянства.

П. Бакунинъ при своемъ умѣ и образованіи имѣлъ огромное значеніе какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ земствахъ. Ему принадлежала руководящая роль во всѣхъ вопросахъ, касающихся устройства земскихъ дѣлъ. Большинство мѣропріятій по этимъ вопросамъ было возбуждено по его иниціативѣ и рѣшались согласно съ его предложеньями. Въ земскихъ собраніяхъ онъ велъ дѣла съ огромнымъ тактомъ: спокойно, съ неотразимой логикой онъ развивалъ свою мысль и разбивалъ возраженія противника. Нужно сказать, что онъ долго слушалъ лекціи Гегеля и изучилъ вполнѣ его діалектическій методъ. Проживши долго въ Западной Европѣ, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми формами ея гражданской жизни и старался привить къ русской жизни то, что при тогдашнихъ условіяхъ могло быть приложимо къ ней. Его рѣчи въ земскихъ собраніяхъ, какъ выразился одинъ мой петербургскій пріятель, случайно попавшій на собраніе, были похожи на общедоступныя лекціи о лучшихъ формахъ гражданскаго общежитія (modus vivendi). Не обинуясь можно сказать, что живи онъ въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ, онъ былъ бы главой и руководителемъ партіи и не разъ занималъ бы министерскій постъ.

А дѣла въ земствѣ предстояло много. Прежде всего необходимо было произвести опись и оцѣнку тѣхъ недвижимыхъ имуществъ, которыя подлежали земскому обложенію. Въ помощь управѣ для веденія этого сложнаго дѣла былъ приглашенъ гласный отъ города Е. И. Поповцевъ. Оцѣнка была произведена какъ на основаніи доходности имѣній, такъ и по соображеніи со средствами владѣльцевъ. Всѣ имѣнія были оцѣнены въ девять съ чѣмъ-то милліоновъ.

Этой оцѣнкой земство руководится и до настоящаго времени. Разумѣется, она не вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительной стоимости имѣній, но, по крайней мѣрѣ, земство, хотя приблизительно, ознакомилось съ тѣми средствами, которыми оно могло располагать для своего бюджета.

Лѣтомъ 1866 года появилась въ Торжкѣ эпидемія холеры. Она была занесена судорабочими съ каравана барокъ, шедшаго тогда по Тверцѣ. Надо сказать, что Торжокъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Тверцы. Правая сторона его представляетъ рядъ холмовъ, пересѣченныхъ оврагами и ручьями, лѣвая же представляетъ возвышенное плато, постепенно понижающееся съ сѣверо-востока на юго-западъ. Съ каждой стороны рѣки есть по нѣсколько улицъ очень низкихъ и топкихъ. Эпидемія главнымъ образомъ и гнѣздилась въ этихъ улицахъ. Случаевъ заболѣванія въ болѣе высокихъ частяхъ города было только два, на семьдесятъ слишкомъ всѣхъ больныхъ.

По заявленіи моемъ о появленіи эпидеміи, земская управа сейчасъ же устроила временную больницу на двадцать краватей въ одномъ изъ концовъ города, снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ для пользованія больныхъ. Все это было готово въ три дня; при старомъ же бюрократическомъ порядкѣ прошло бы недѣли двѣ—три до устройства больницы. Въ то же время были очищены площади и большіе дворы въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Для дезенфекціи изверженій больныхъ выдавался по домамъ желѣзный купоросъ. Все это было сдѣлано быстро, безъ всякой излишней переписки, въ чемъ высказалось сразу преимущество новаго общественнаго порядка передъ старымъ бюрократическимъ. Эпидемія окончилась въ послѣднихъ числахъ августа. Она повторилась и въ 1867 году, но въ болѣе слабой степени.

Въ очередномъ собраніи 1866-го года земство приступило къ устройству предоставленныхъ ему Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ дѣлъ. Предстояло, во-первыхъ: перевести всѣ натуральныя повинности, лежавшія тяжкимъ бременемъ на однихъ крестьянахъ, на денежныя, равномѣрно распредѣленныя между всѣми участниками земства. Во-вторыхъ, заняться устройствомъ въ уѣздѣ школъ и, въ третьихъ, заняться устройствомъ медицинской помощи народу.

Къ натуральнымъ повинностямъ принадлежали квартирная, дорожная и подворная. Первая была особенно тяжела для крестьянъ, какъ въ матерьяльномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Изъ пяти эскадроновъ квартировавшаго въ городѣ кава-

лерійскаго полка два стояли въ казармахъ въ самомъ городѣ, а три—по деревнямъ. Обыкновенно въ каждой деревнѣ одинъ или два лучшихъ двора отбирались подъ конюшни, а солдаты жили по избамъ у крестьянъ, пользуясь у нихъ приваркомъ и хлѣбомъ. Хотя за это они должны были отдавать крестьянамъ получаемый ими провіантъ, но провіантъ этотъ рѣдко доходилъ до крестьянъ полностью, а иногда и совсѣмъ не доходилъ, такъ какъ солдаты предпочитали продавать его въ свою пользу. Такимъ образомъ въ крестьянской семьѣ появлялся лишній ротъ, требующій насыщенія. Затѣмъ, появленіе въ семьѣ посторонняго, молодого и почти ничѣмъ не занятаго квартиранта разрушало ея нравственный порядокъ: либо жена, либо дочь хозяина подвергались ухаживанію этого квартиранта и въ концѣ концовъ дѣлались его жервой. Такимъ образомъ это была одна изъ самыхъ ненавистныхъ для крестьянъ повинностей. Кромѣ того, солдаты нерѣдко крали у крестьянъ запасы овса и сѣна.

Согласно предложенію Бакунина земство постановило просить правительство передать въ его распоряженіе три большихъ почтовыхъ станціи на Московско-Петербургскомъ шоссе, въ селахъ Мѣдномъ, Будовѣ и Выдропускѣ, не имѣвшія больше никакого назначенія послѣ открытія Николаевской желѣзной дороги. Въ каждой изъ нихъ свободно можно было расположить эскадронъ, такъ какъ при каждой, кромѣ достаточнаго помѣщенія для людей и офицеровъ, находились конюшни на 150 лошадей. Для исправленія и приспособленія ихъ къ помѣщенію эскадроновъ постановлено было ассигновать двадцать тысячъ рублей. Зимой казармы были переданы земству, и съ весны 1867-го года было приступлено къ ихъ исправленію. Здѣсь управа сдѣлала большую ошибку. Въ видахъ экономіи не былъ приглашенъ техникъ-спеціалистъ, который наблюдалъ бы за постройкой, а управа передала дѣло проживавшему въ Торжкѣ архитектору-самоучкѣ, не составивъ никакихъ плановъ и смѣтъ. Ревизіонная комиссія, осматривая эти постройки передъ собраніемъ 67-го года, нашла въ нихъ много неисправностей и много неоконченнаго, на что необходимо было ассигновать по смѣтѣ, составленной комиссіей вмѣстѣ съ архитекторомъ Ѳедоровымъ, еще около девяти тысячъ рублей. Объ этомъ былъ составленъ подробный докладъ Кишенскимъ.

Докладъ этотъ вызвалъ въ собраніи бурныя пренія, тѣмъ болѣе, что отчетъ управы былъ составленъ крайне неудовлетворительно, безъ всякихъ объясненій. Конечно, ни на одну минуту ни у кого не могло явиться мысли о какихъ-либо злоупотреб-

леніяхъ, но все-таки такое небрежное отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, отзывавшее барскими привычками, вызвало во многихъ раздраженіе противъ управы. Какъ ни грустенъ былъ этотъ фактъ, но собранію пришлось ассигновать просимую комиссіей сумму, чтобы докончить начатое дѣло. Инцидентъ этотъ чуть было не повелъ къ дуэли между Бакунинымъ и Кишенскимъ. Бакунинъ, при всей своей серьезности, имѣлъ привычку говорить иногда о дѣлахъ шуточно.

Когда Кишенскій прислалъ въ управу свой докладъ о результатахъ осмотра казармъ, Бакунинъ, встрѣтившись съ нимъ, сказалъ, что онъ получилъ его цидульку. Кишенскій, относившійся чрезвычайно строго и серьезно къ общественнымъ дѣламъ, былъ оскорбленъ такимъ выраженіемъ и вызвалъ Бакунина на дуэль. Къ счастью, стараніями другихъ гласныхъ, одинаково уважавшихъ Бакунина, такъ и Кишенскаго, дѣло было улажено, и Бакунинъ извинился передъ Кишенскимъ за свое выраженіе.

Лѣтомъ 1868-го года передѣлки казармъ были кончены, и послѣ осмотра ихъ ревизіонной комиссіей въ нихъ были помѣщены три эскадрона гусарскаго полка. Съ тѣхъ поръ никогда ни одинъ солдатъ не квартировалъ больше въ крестьянскихъ домахъ, и крестьяне свободно вздохнули, избавившись отъ этой тяжелой и ненавистной повинности.

Дѣло исправленія дорогъ въ уѣздѣ было сопряжено съ большими трудностями; четыре большихъ дороги, содержаніе которыхъ лежало на земствѣ: Большая Бѣжецкая, называвшаяся также Осташевскою, такъ какъ она шла черезъ станцію Осташково Николаевской желѣзной дороги, Осташковская, шедшая къ городу Осташкову, Ржевская и Старицкая. Трудно сказать, которая изъ нихъ была хуже. По свойству грунта лучше всѣхъ была Старицкая; остальныя же представляли или цѣлый рядъ непроходимыхъ болотъ и топей, какъ Бѣжецкая, или рядъ пригорковъ и низменностей, до того грязныхъ и топкихъ, что колеса экипажей погружались въ грязь почти цѣликомъ, а лошади уходили туда по брюхо.

Мосты на многочесленныхъ рѣчкахъ и ручейкахъ были до того плохи, что большею частію приходилось во избѣжаніе опасности выходить изъ экипажа. И по такимъ-то дорогамъ православный людъ ѣздилъ нѣсколько столѣтій.

Сначала земство стало исправлять ихъ старымъ рутиннымъ образомъ, т. е. засыпать ямы фашинникомъ съ землею и прокапывать кое-гдѣ канавы. Конечно, такой способъ исправленія

мало помогалъ. Года черезъ два дороги снова пришли въ прежнее состояніе.

Только мосты исправлялись лучше, т. е. изъ лучшаго матеріяла и дѣлались прочнѣе. Наконецъ мало-по-малу земство пришло къ мысли, по предложенію гласнаго В. Н. Линда, устраивать постепенно мостовую изъ булыжника, которымъ чрезвычайно обиленъ Новоторжскій уѣздъ. Въ настоящее время большая часть дорогъ сдѣлалась удобною для проѣзда во всякое время, хотя работа эта все еще не вполнѣ закончена.

Изъ натуральныхъ повинностей оставалась только одна подводная. Для замѣны ея сначала предполагалось учредить въ извѣстныхъ пунктахъ земскія стойки, но такъ какъ это на расчеты потребовало большого ежегоднаго расхода, то земство нашло болѣе выгоднымъ войти въ непосредственное соглашеніе съ полиціей и съ чинами судебнаго вѣдомства, и выдать имъ въ ихъ распоряженіе ежегодно извѣстную сумму на проѣзды, что составило ежегодно расходъ въ 4.000 р. съ небольшимъ.

Теперь земству предстояло приступить къ устройству двухъ важнѣйшихъ отраслей земскаго дѣла—учебной и медицинской. Школъ для крестьянъ въ уѣздѣ тогда не было, кромѣ двухъ школъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и двухъ частныхъ школъ: одна въ сельцѣ Коницынѣ была устроена одной изъ владѣлицъ его Авдотьей Михайловной Бакуниной на свои собственныя средства, а другая въ селѣ Млевичахъ священникомъ П. О. Черенцовымъ частью на собственныя средства, частью на пожертвованія мѣстныхъ помѣщиковъ.

Я счелъ необходимымъ упомянуть объ этихъ лицахъ, какъ о первыхъ піонерахъ въ дѣлѣ народнаго образованія, имена которыхъ достойны того, чтобы быть сохраненными въ потомствѣ.

Въ городѣ было уѣздное училище и нѣсколько приходскихъ школъ, кромѣ того, городскія дѣти учились у своихъ приходскихъ священниковъ и дьяконовъ. Крестьяне же были почти повально безграмотны. Чтобы помочь этому злу, земство на первыхъ порахъ постановило учредить по одной школѣ въ волости, ассигновавъ на содержаніе каждой по 200 рублей. Конечно, этого было очень мало, такъ какъ одна школа приходилась слишкомъ на пять тысячъ жителей, но, въ виду неопредѣленности платежной способности населенія, пришлось довольствоваться пока и этимъ. При этомъ земство постановило оказывать денежныя пособія тѣмъ крестьянскимъ обществамъ, которыя пожелали бы устроить у себя школы.

Въ 1867 году гласный В. Н. Линдъ для того, чтобы упрочить положеніе открываемыхъ земствомъ школъ, предложилъ ежегодно ассигновать по три тысячи рублей въ видѣ неприкосновеннаго капитала одной изъ нихъ сверхъ суммы, ассигнуемой на содержаніе всѣхъ прочихъ школъ.

Такимъ образомъ, постепенно всѣ открываемыя земствомъ школы въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ могли бы быть обезпечены собственнымъ неприкосновеннымъ капиталомъ. Хотя это предложеніе было встрѣчено возраженіями со стороны ретроградnаго лагеря, но все-таки оно было, въ концѣ концовъ, принято, и первый жребій палъ на школу въ селѣ Прямухинѣ.

Ретроградная партія главнымъ возраженіемъ противъ открытія школъ на общеземскій счетъ выставляла то, что въ этихъ школахъ дѣти дворянъ учиться не будутъ, такъ пусть крестьяне открываютъ ихъ на собственный счетъ. Они забывали при этомъ, что всѣ спеціальныя учебныя заведенія, какъ-то: кадетскіе корпуса, Училище Правовѣдѣнія, дворянскіе институты для дѣвицъ и другія заведенія, въ которыхъ воспитываются по преимуществу дворянскія дѣти, содержатся на общегосударственный счетъ, а потому справедливость требуетъ, чтобы дѣти крестьянъ учились если не на общегосударственный, то на общеземскій счетъ. Иные доказывали, что грамота крестьянству не нужна вовсе, что грамотный мужикъ не будетъ заниматься крестьянствомъ, а пойдетъ или въ писаря или въ сидѣльцы въ кабакъ, и пользы отъ него для общества не будетъ никакой. Нѣкоторые настаивали на введеніи въ школахъ преподаванія церковно-славянскаго языка, но, разумѣется, всѣ эти возраженія не выдерживали никакой критики.

Крестьяне отнеслись къ открытію школъ сначала довольно равнодушно, не высказывали при этомъ особеннаго удовольствія, но и вѣскихъ возраженій не представляли. Но вскорѣ отношенія ихъ къ школѣ совершенно измѣнились: съ слѣдующаго же года начали поступать отъ крестьянъ заявленія съ просьбами объ открытіи новыхъ школъ, на которыя съ ихъ стороны предлагались пожертвованія, то лѣсомъ, то работой, то въ видѣ содержанія на ихъ счетъ учителей: очевидно, они начали сознавать необходимость и пользу грамотности. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ стали открывать такъ называемыя школы грамотности, нанимая для этого учителей. Земство оказывало со своей стороны небольшое пособіе этимъ школамъ. Кое-кто, человѣка два, три изъ помѣщиковъ открыли школы на собственный счетъ съ небольшимъ пособіемъ отъ земства. Конечно, открытіе школъ шло не особенно быстро,

частью по ограниченности земскихъ средствъ, а частію по недостатку подготовленнаго учительскаго персонала. Въ школахъ обучали большею частію семинаристы; кое-гдѣ были отставные чиновники, оставшіеся за штатомъ за упраздненіемъ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, частію бывшіе писаря; кое-гдѣ обучали дочери сосѣднихъ помѣщиковъ. Все это были люди или совсѣмъ неподготовленные или подготовленные очень мало въ смыслѣ педагогическомъ. Чтобы помочь этому горю, губернское земство по предложенію кашинскаго гласнаго П. П. Максимовича рѣшило открыть въ Твери учительскую женскую семинарію, на что Максимовичемъ былъ пожертвованъ довольно значительный капиталъ. Затѣмъ въ Торжкѣ на счетъ губернскаго земства была открыта мужская учительская семинарія съ трехлѣтнимъ курсомъ.

Эти два учебныя заведенія, функціонирующія и до сихъ поръ, вскорѣ стали давать земству хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ, и дѣло народнаго образованія стало развиваться довольно быстро въ соразмѣрности со средствами земствъ. Земскія школы тогда находились только въ вѣдѣніи самого земства, не подчиняясь никакому постороннему давленію ни со стороны общей администраціи, ни учебной.

Всѣ ограниченія въ этомъ отношеніи развились уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ соображеній, совершенно чуждыхъ для земства.

Въ очередномъ собраніи 1866-го года мною былъ представленъ проектъ организаціи земско-медицинской помощи для народа. Дѣло это было довольно трудное. Нигдѣ на Западѣ мы не имѣли никакихъ прецедентовъ для этого, у себя дома также ничего до сихъ поръ не было сдѣлано въ этомъ направленіи, такъ что приходилось все творить сначала, не имѣя никакихъ образцовъ для руководства. Нужно было считаться не только съ ограниченностью земскихъ средствъ, но и съ массой предразсудковъ, существовавшихъ въ то время среди публики. Даже среди людей довольно развитыхъ упорно поддерживалось мнѣніе, что крестьянамъ не нужна правильная медицинская помощь, что они не пойдутъ лѣчиться въ больницу, и что при условіяхъ ихъ быта всякое лѣченіе сведется къ нулю. Даже въ медицинскомъ уставѣ того времени, а можетъ быть и теперь, еще существовала статья, въ которой выражалалось, что при простотѣ и однообразіи крестьянской жизни, ихъ болѣзни очень несложны и не требуютъ особаго лѣченія, а потому и совѣтовалось лѣчить

ихъ средствами простыми, преимущественно изъ растительнаго царства, собираемыми на мѣстѣ черезъ фельдшеровъ и другихъ лицъ.

Составители этой курьезной статьи вѣроятно забыли или, можетъ быть, не знали, что сифилисъ царитъ во многихъ селеніяхъ, поражая нерѣдко цѣлыя семьи, что золотуха, рахитизмъ и другія дѣтскія болѣзни уносятъ болѣе пятидесяти процентовъ дѣтскаго населенія ранѣе достиженія дѣтьми пятилѣтняго возраста, что глазныя болѣзни въ родѣ трахомы господствуютъ во многихъ мѣстностяхъ эпидемически, что въ случаяхъ эпидеміи населеніе вымираетъ безъ всякой помощи, что невѣжественныя бабки-повитухи портятъ здоровье бѣдныхъ роженицъ и губятъ новорожденныхъ своими дикими пріемами. При такой постановкѣ дѣла нельзя было задаваться широкими планами о приглашеніи въ уѣздъ большого числа врачей, объ устройствѣ нѣсколькихъ больницъ въ немъ, гдѣ бы крестьяне получали правильную медицинскую и хирургическую помощь. Пришлось ограничиться устройствомъ медицинской помощи по такъ называемой разъѣздной системѣ, которая была принята потомъ почти во всѣхъ земствахъ.

На первое время предположено было устроить въ уѣздѣ пять фельдшерскихъ пунктовъ для амбулаторнаго пріема больныхъ и пригласить двухъ врачей, которые не менѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ должны были объѣзжать пункты своего района, какъ для пріема больныхъ, такъ и для наблюденія за фельдшерами. Городскую больницу, которая должна была перейти въ земство, предположено было реорганизовать на основаніяхъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. При каждомъ фельдшерскомъ пунктѣ долженъ быть фельдшеръ и запасъ медикаментовъ для амбулаторнаго лѣченія и отъ двухъ до четырехъ кроватей. Въ случаѣ эпидеміи врачи и фельдшера должны были выѣзжать на мѣсто ея для поданія помощи. Какъ это дѣлалось и къ какимъ привело результатамъ, увидимъ сейчасъ. Въ случаѣ приглашенія на трудные роды врачи должны были также выѣзжать для поданія помощи. Кромѣ того, предполагалось пригласить въ уѣздъ двухъ или трехъ акушерокъ.

Проектъ этотъ вызвалъ самыя оживленныя пренія. Даже между крестьянами нашлись лица, возставшія противъ него. Особенно сильныя возраженія вызвало предложеніе о приглашеніи акушерокъ. „Намъ бабешекъ не нужно“, какъ энергически выразился одинъ изъ крестьянскихъ гласныхъ: „вотъ фельдшеръ, чтобы поставить банки—это дѣло хорошее, а больше намъ ни-

чего не нужно". Въ такомъ же почти родѣ были возраженія со стороны нѣкоторой части интеллигенціи. Правду сказалъ поэтъ:

„Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно".

Послѣ долгихъ и бурныхъ преній пришлось отказаться отъ приглашенія акушерокъ и нѣсколько измѣнить первоначальный планъ расположенія лѣчебницъ. Такъ, вмѣсто лѣчебницы въ селѣ Сергіевскомъ въ южной части уѣзда постановлено открыть лѣчебницу въ селѣ Будовѣ въ сѣверной части его. Послѣднее было сдѣлано въ видѣ компромисса съ довольно вліятельнымъ гласнымъ Мячковымъ, который заявилъ, что въ случаѣ несогласія на это управы, весь проектъ будетъ отвергнутъ.

Для спасенія дѣла пришлось согласиться на эту уступку, хотя Будово, отстоящее отъ города всего на двадцать верстъ на Московско-Петербургскомъ шоссе, нуждалось въ больницѣ менѣе болѣе отдаленныхъ мѣстъ уѣзда. Наконецъ проектъ былъ принятъ и на содержаніе всей медицинской части ассигновано было пять тысячъ рублей. Съ такими скудными средствами было положено начало дѣлу, которое, какъ оказалось, было вызвано не призрачною, а настоятельною и дѣйствительною потребностью народной жизни и, развиваясь съ каждымъ годомъ, достигло въ настоящее время такихъ широкихъ размѣровъ.

Въ началѣ 1867-го года приступлено было къ устройству лѣчебницъ. До того времени существовала въ уѣздѣ одна лѣчебница въ селѣ Козицынѣ, устроенная бывшей сестрой милосердія Кресто-Воздвиженской общины Екатериной Михайловной Бакуниной на собственныя средства въ 1861-мъ году [1]). Кромѣ амбулаторнаго пріема въ ней было четыре кровати для постоянныхъ больныхъ.

Содержалась она на счетъ г-жи Бакуниной, кромѣ того изъ Кабинета Государыни Императрицы выдавалось ежегодно по двѣсти рублей на поддержаніе ея.

Е. М. Бакунина была первою русскою сестрою милосердія и сотрудницей Н. И. Пирогова въ Севастополѣ, а потомъ начальницей сестеръ милосердія Кресто-Воздвиженской общины до 1861 года и работала тамъ подъ руководствомъ врача общины Тарасова. При своемъ свѣтломъ умѣ и обширномъ разносто-

[1]) Исторія ея описана мною въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1897 годъ, въ „Воспоминаніяхъ о Ек. Мих. Бакуниной".

роннемъ образованіи она подъ руководствомъ этихъ двухъ наставниковъ пріобрѣла навыкъ въ распознаваніи и лѣченіи какъ внутреннихъ, такъ и въ особенности хирургическихъ болѣзней и, вернувшись въ 1861 году въ свое наслѣдственное имѣніе Козицыно, рѣшила посвятить остатокъ своей жизни дѣлу медицинской помощи народу.

Основанная ею лѣчебница скоро пріобрѣла извѣстность и довѣріе среди крестьянъ, стекавшихся туда цѣлыми сотнями. Какъ только былъ утвержденъ проектъ организаціи земской медицины, земство, по предложенію Е. М. Бакуниной, приняло эту лѣчебницу въ число земскихъ и назначило туда фельдшера. При этомъ лѣчебница продолжала содержаться на счетъ Бакуниной, а средства, ассигнуемыя земствомъ, пошли на расширеніе ея дѣятельности: число кроватей было увеличено съ четырехъ до восьми, расширено самое зданіе лѣчебницы, сдѣланы многія улучшенія въ ея содержаніи.

Приблизительно по типу ея были устроены и другія земскія лѣчебницы: лѣчебница въ деревнѣ Мошнахъ, въ деревнѣ Сосновицахъ и селѣ Будовѣ были устроены въ наемныхъ помѣщеніяхъ, для лечебницы въ деревнѣ Локотцахъ владѣльцемъ этого имѣнія С. И. Смирновымъ былъ пожертвованъ небольшой домъ въ своей усадьбѣ. При каждой лѣчебницѣ было устроено по четыре постоянныхъ кровати для нѣкоторыхъ случаевъ.

Главнымъ затрудненіемъ при устройствѣ лѣчебницъ былъ крайній недостатокъ мало-мальски порядочныхъ и образованныхъ фельдшеровъ. Фельдшерскихъ школъ, какія развились впослѣдствіи, тогда еще не существовало. Было нѣсколько военно-фельдшерскихъ школъ, въ которыхъ давалось довольно сносное по тому времени фельдшерское образованіе. Хотя фельдшера эти, привыкшіе дѣйствовать въ правильно организованныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, не вполнѣ удовлетворяли требованіямъ земской дѣятельности, но все-таки приходилось обращаться къ нимъ, какъ къ наиболѣе добропорядочному элементу. При нѣкоторыхъ большихъ гражданскихъ больницахъ были также фельдшерскія школы, по программамъ и объему преподаванія стоявшія ниже школъ военныхъ.

Почти общій недостатокъ всѣхъ тогдашнихъ фельдшеровъ было поклоненіе Бахусу; рѣдко можно было найти человѣка безупречнаго въ этомъ отношеніи. Въ одну изъ лѣчебницъ, Локотецкую, пришлось пригласить фельдшера изъ такъ называемыхъ ротныхъ фельдшеровъ, обучавшихся обыкновенно въ

полковыхъ лазаретахъ. Къ сожалѣнію, субъектъ этотъ оказался не только мало свѣдущимъ, но и крайне нетрезвымъ.

Въ лѣчебницу въ селѣ Будовѣ являлось очень мало больныхъ, такъ какъ въ этомъ огромномъ селѣ, растянувшемся на протяженіе двухъ верстъ, и въ окрестныхъ деревняхъ жили по преимуществу старообрядцы, неохотно прибѣгавшіе тогда къ медицинской помощи. По моему предложенію управа рѣшила обратить эту лѣчебницу въ спеціально сифилитическую. Такъ какъ число сифилитиковъ въ уѣздѣ, требовавшихъ больничнаго лѣченія, было довольно велико, и только небольшая часть ихъ могла пользоваться въ городской больницѣ, нанятый же для Будовской лѣчебницы домъ могъ вмѣстить въ себѣ свободно до пятнадцати человѣкъ больныхъ, но и рѣшено было устроить тамъ филіальное сифилитическое отдѣленіе, тѣмъ болѣе, что Будово, находясь въ двадцати двухъ верстахъ отъ города на шоссе, имѣло удобное сообщеніе съ городомъ, и завѣдующій этимъ участкомъ врачъ могъ посѣщать ее четыре и болѣе разъ въ мѣсяцъ. По моему предложенію былъ приглашенъ туда знакомый съ лѣченіемъ сифилитиковъ фельдшеръ, служившій въ Петербургской Калинкинской больницѣ. Нужно сказать, что въ то же время по моему предложенію земство постановило всѣхъ сифилитиковъ, нуждающихся въ больничномъ лѣченіи, лѣчить въ больницѣ безплатно на земскій счетъ, а въ 1868-мъ году былъ изданъ законъ, установившій для всѣхъ земствъ безплатное лѣченіе сифилитиковъ.

По проекту, утвержденному земствомъ, городская больница, состоявшая въ вѣдомствѣ Приказа общественнаго призрѣнія, должна была, по принятіи ея отъ Приказа, составить, такъ сказать, центральную больницу Новоторжскаго земства. Передача этой больницы въ земство встрѣтила препятствіе со стороны городского управленія, считавшаго ее почему-то собственностью города, хотя городъ не тратилъ на содержаніе ея ни копѣйки. Переписка по этому дѣлу длилась нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ, городъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ фиктивныхъ правъ на нее, по рѣшенію высшей администраціи.

По принятіи больницы въ земство тотчасъ же приступили къ устраненію ея недостатковъ: было устроено женское отдѣленіе на двадцать кроватей, старыя деревянныя койки замѣнены желѣзными, устроена комната для операцій и ванная, пріобрѣтены необходимые инструменты для операцій, такъ что въ теченіе года больница приняла довольно удовлетворительный видъ. При ней былъ также открытъ амбулаторный пріемъ больныхъ.

Сначала ею завѣдывали оба врача по очереди, такъ что въ день выѣзда одного изъ нихъ въ уѣздъ для осмотра фельдшерскихъ пунктовъ, больныхъ осматривалъ другой врачъ, оставшійся въ это время въ городѣ. Порядокъ этотъ скоро оказался неудобнымъ, и для завѣдыванія городской больницей въ 1869-мъ году былъ приглашенъ особый врачъ, а участковые врачи, завѣдуя своими пунктами, должны были являться въ больницу, когда были въ городѣ, только для амбулаторнаго пріема.

Кромѣ обыкновенныхъ больныхъ въ эту больницу перевозились изо всѣхъ пунктовъ тѣ больные, которые требовали большихъ операцій, и въ ней же лѣчились сифилитики со всего уѣзда. Сифилитическое отдѣленіе въ Будовѣ просуществовало не болѣе года, такъ какъ крестьяне, боясь огласки, поступали туда крайне неохотно.

Вмѣсто него была открыта лѣчебница съ шестью кроватями въ селѣ Сергіевскомъ въ южной части уѣзда. Въ устройствѣ ея принялъ большое участіе сосѣдній землевладѣлецъ В. П. Тыртовъ, помогавшій земству какъ и матерьяльными пособіями, такъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ на окрестныхъ жителей. Въ 1868-мъ году фельдшерскій пунктъ изъ деревни Локотцы по тѣснотѣ помѣщенія былъ переведенъ въ село Прямухино, въ которомъ владѣльцы имѣнія Бакунины уступили довольно обширный домъ, гдѣ, кромѣ амбулаторіи, было также устроено шесть постоянныхъ кроватей. Содержаніе больныхъ отпускалось на счетъ земства.

Лѣтомъ 1867-го года вся южная и западныя части уѣзда были охвачены эпидеміей сыпного и возвратнаго тифа. Всего въ теченіе лѣта было болѣе трехъ тысячъ больныхъ. Деревни, въ которыхъ были больные, посѣщались врачами, но къ сожалѣнію никакихъ дѣятельныхъ мѣръ къ прекращенію болѣзни и къ ограниченію ея распространенія принять было невозможно. Все дѣло ограничивалось выдачею лѣкарствъ, большею частью хинина и соляной кислоты, совѣтами обмывать больныхъ холодной водой и соблюдать вокругъ нихъ возможную чистоту; но наблюдать за соблюденіемъ этихъ мѣръ было некому. Участковые фельдшера могли только урывками посѣщать эти деревни; врачи тоже рѣдко имѣли возможность посѣтить охваченныя эпидеміей селенія больше двухъ разъ въ мѣсяцъ, хотя почти каждый день въ теченіе двухъ мѣсяцевъ выѣзжали въ уѣздъ. Діагнозъ фельдшерами часто ставился неправильно, иногда даже наугадъ. Они не всегда умѣли отличить сыпной тифъ отъ возвратнаго, а одинъ изъ нихъ (Локотецкій) обыкновенно послѣ

посѣщенія какой-нибудь пораженной эпидеміей деревни докладывалъ, что въ ней появилась „скарлатина съ сильной слабостью“.

Изоляцію больныхъ отъ здоровыхъ устроить было невозможно. Хотя почти въ каждой деревнѣ были свободныя избы, но отдѣлить въ нихъ больныхъ было очень затруднительно, такъ какъ ходить за ними было некому: эпидемія развилась въ самое рабочее время, когда каждая минута дорога для крестьянина, сидѣлокъ же для больныхъ найти было невозможно, вслѣдствіе чего мы не особенно настаивали на изоляціи, встрѣчая къ тому же въ этомъ сильное сопротивленіе крестьянъ. Въ одномъ селеніи крестьяне даже поколотили старосту, очень рьяно настаивавшаго на выполненіи въ точности этой мѣры.

Прибѣгать къ содѣйствію полицейской власти было болѣе чѣмъ опасно: этимъ путемъ можно было только отвратить крестьянъ отъ себя. Вообще мы постоянно старались избѣгать содѣйствія полиціи по причинѣ тогдашней грубости, неумѣлости и недобросовѣстности низшаго полицейскаго персонала.

Когда года черезъ два послѣ этого въ городѣ развилась сильная эпидемія скарлатины, и предложено было составлять статистическія карточки о заболѣвающихъ, городская санитарная комиссія имѣла неосторожность обратиться для этого къ содѣйствію полиціи. Тогда я наткнулся въ одномъ домѣ на такую сцену: пріѣхавъ туда утромъ, я встрѣтилъ въ передней полицейскаго служителя. На мой вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что ему приказано слѣдить, когда умрутъ больные, чтобы донести объ этомъ по начальству.

Вошедшій въ это время въ переднюю хозяинъ дома чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня избавить его отъ посѣщеній этого господина, такъ какъ онъ, являясь каждое утро въ домъ, обыкновенно сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока ему не давали гривенникъ или пятиалтынный. Конечно, я сейчасъ же отправился въ комиссію и настоялъ на избавленіи больныхъ отъ такихъ лишнихъ посѣтителей.

Сообщ. **Н. Д. Романовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына [1]).

Мѣры, принимаемыя нами противъ эпидемій, были не болѣе какъ палліативы, да и то крайне недостаточные. Но что же дѣлать? Для чего-нибудь большаго у насъ не было средствъ. Велико было уже то, что населеніе видѣло, что оно не брошено совершенно на произволъ судьбы, и что земство старается что-нибудь сдѣлать для облегченія его горя.

Въ виду все болѣе возрастающаго недостатка въ фельдшерахъ, управа разрѣшила мнѣ взять въ больницу нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ, изъ числа грамотныхъ, и приготовить ихъ для занятія фельдшерскихъ вакансій. Изъ представленныхъ мнѣ юношей я выбралъ пять человѣкъ, оказавшихся наиболѣе способными. Они были помѣщены при больницѣ на содержаніе отъ земства; утромъ они участвовали вмѣстѣ съ врачами въ обходѣ больныхъ, гдѣ и пріучились къ распознаванію болѣзней и къ перевязкамъ, послѣ обѣда занимались приготовленіемъ лѣкарствъ подъ руководствомъ стараго фельдшера Моргунова, человѣка знающаго и очень добросовѣстнаго, а вечеромъ три раза въ недѣлю я читалъ имъ краткія лекціи по

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1913 г.

анатоміи съ объясненіемъ физіологическаго отправленія органовъ, по терапіи и хирургіи, насколько это было необходимо для нихъ, и знакомилъ ихъ съ сифилисомъ.

Черезъ два года четверо изъ нихъ оказались достаточно подготовленными къ исполненію фельдшерскихъ обязанностей, и двое назначены были на фельдшерскіе пункты, а двое оставлены при городской больницѣ. Эти послѣдніе по временамъ командировывались въ пораженныя эпидеміями деревни для наблюденія за исполненіемъ врачебныхъ предписаній. Такой порядокъ приготовленія фельдшеровъ для земской службы существовалъ довольно долго и впослѣдствіи.

На этомъ пока и закончилась на первыхъ порахъ организація земско-медицинской помощи, организація, конечно, крайне недостаточная, даже бѣдная, но важно было положить начало этому необходимому дѣлу.

Самымъ существеннымъ недостаткомъ такого порядка вещей было то, что большая часть больныхъ находилась почти исключительно въ рукахъ фельдшеровъ. Врачъ пріѣзжалъ на пунктъ только три раза въ мѣсяцъ. Хотя въ день его пріѣзда собиралось отъ семидесяти до ста человѣкъ больныхъ, но все-таки это составляло не болѣе трети всѣхъ, посѣщавшихъ лѣчебницы. Такимъ образомъ мы, врачи, не имѣли никакой возможности ни провѣрить правильности діагноза, поставленнаго фельдшеромъ, ни правильности его лѣченія.

Это нерѣдко вело къ ухудшенію состоянія больного, особенно при хроническихъ внутреннихъ болѣзняхъ. Больной побывавши нѣсколько разъ въ лѣчебницѣ и не видя никакого облегченія своего страданія, терялъ вѣру въ медицину и снова прибѣгалъ къ какимъ-нибудь знахарямъ и знахаркамъ. Всего хуже отражалось это на больныхъ сифилисомъ. Фельдшера рѣдко умѣли отличить сифилитическую сыпь отъ простой экземы или psoriasis, мазали больныхъ индифферентными мазями, и болѣзнь затягивалась и ухудшалась. Вначалѣ моей земско-медицинской практики мнѣ приходилось лѣчить такія застарѣлыя формы сифилитическихъ сыпей и язвъ, напримѣръ rupia, какихъ впослѣдствіи, когда лѣченіе сифилиса пошло болѣе правильно, я уже не видывалъ. Иногда больные дѣлали повторныя посѣщенія и попадали, наконецъ, въ руки врачей, но часто это бывало уже тогда, когда зло было непоправимо.

Для самихъ врачей этотъ порядокъ имѣлъ большія неудобства. Обязанный принять въ теченіе утра отъ семидесяти до ста человѣкъ больныхъ, врачъ не всегда имѣлъ возможность,

особенно при болѣзняхъ сердца и почекъ, поставить строго-научный діагнозъ и, въ случаѣ нужды, провѣрить его совѣтомъ съ другимъ товарищемъ. Волей - неволей онъ привыкалъ по неимѣнію времени къ шаблонному опредѣленію болѣзней, не могъ слѣдить за ея ходомъ и испытывать вновь рекомендуемыя средства, не будучи въ состояніи слѣдить за ихъ дѣйствіемъ. Все это вело нерѣдко къ ослабленію научнаго интереса, а затѣмъ и къ застою въ дальнѣйшемъ научномъ развитіи. Я и теперь всегда съ грустью смотрю на тѣхъ молодыхъ врачей, которые прямо со школьной скамьи попадаютъ въ сельскія лѣчебницы, въ глухія мѣста вдали отъ городовъ. По моему мнѣнію, прежде поступленія въ такія мѣста каждый врачъ долженъ бы пробыть года два при хорошо устроенныхъ городскихъ больницахъ, гдѣ они могли бы усовершенствоваться въ клиническомъ отношеніи. Земству слѣдовало бы подумать объ этомъ, если оно не хочетъ, чтобы его врачи сдѣлались впослѣдствіи рутинерами, неспособными къ дальнѣйшему развитію.

Въ такомъ видѣ земская медицина держалась довольно долго, около десяти лѣтъ, пока тысячи больныхъ, являвшихся на пункты амбулаторно, и цѣлые десятки нуждавшихся въ больничномъ лѣченіи и просившихъ о помѣщеніи ихъ на койки вполнѣ доказали необходимость поставить дѣло это на болѣе широкихъ и научныхъ основаніяхъ, и земство приступило къ устройству настоящихъ больницъ въ уѣздѣ съ постоянными врачами, акушерками и вообще со всѣмъ необходимымъ для оказанія правильной медицинской помощи.

Заканчивая обзоръ перваго, можно сказать, эмбріональнаго періода земской медицины, я нахожу нужнымъ сказать еще объ одной сторонѣ врачебно-медицинской дѣятельности, на которую мы особенно налегали, и которую смѣло можно назвать просвѣтительной.

Бесѣдуя въ амбулаторіяхъ съ больными, мы старались сообщить имъ здоровыя гигіеническія понятія какъ относительно повседневной жизни, такъ и по уходу за больными, разбивать ту массу нелѣпыхъ предразсудковъ, которые на каждомъ шагу опутывали ихъ жизнь, и особенно налегали на гигіену дѣтскаго возраста. Наставленія эти, какъ мы убѣдились личнымъ опытомъ, не оставались безплодными.

Въ настоящее время, спустя тридцать пять лѣтъ послѣ своего возникновенія, земская медицина представляетъ во многихъ мѣстностяхъ прекрасно организованное учрежденіе, заслужившее вполнѣ довѣріе народа. Создавъ его, земство ока-

зало великую услугу странѣ, которую, конечно, не забудетъ исторія, каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы самого земства.

Въ 1867-мъ году приступлено было къ устройству новыхъ судовъ уставомъ Императора Александра II.

Года за два до введенія новаго суда, чтобы нѣсколько ознакомить публику съ гласностью судопроизводства, въ уѣздныхъ судахъ и въ уголовной палатѣ были введены гласные доклады по уголовнымъ дѣламъ и гласное объявленіе рѣшеній. Доклады эти сначала чрезвычайно заинтересовали публику, которая являлась на нихъ въ значительномъ числѣ, но вскорѣ она охладѣла къ нимъ, такъ какъ она все-таки видѣла въ нихъ одно формальное письменное производство безъ живыхъ людей и живого слова и не могла по сухимъ, непровѣреннымъ на судѣ даннымъ, составить заключеніе о правильности рѣшенія.

Весной 1867-го года было созвано экстренное земское собраніе для выбора мировыхъ судей. Участковыми судьями были выбраны Александръ Александровичъ Бакунинъ, П. Д. Кишенскій, В. П. Тыртовъ, П. А. Максимовъ и К. Н. Мячковъ. Бакунинъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и былъ сначала адъюнктомъ въ Новороссійскомъ лицеѣ по каѳедрѣ энциклопедіи права. Такъ какъ юриспруденція не вполнѣ удовлетворяла его, онъ оставилъ профессуру и поступилъ на медицинскій факультетъ, но вслѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ вышелъ съ третьяго курса и вскорѣ при наступленіи Крымской войны поступилъ вольноопредѣляющимся въ Тобольскій пѣхотный полкъ, съ которымъ пробылъ въ Севастополѣ все время осады. По окончаніи войны онъ уѣхалъ за-границу для изученія живописи. Здѣсь онъ сблизился со многими изъ тогдашнихъ передовыхъ людей Франціи и Италіи. Это былъ человѣкъ сороковыхъ годовъ, вполнѣ и глубоко преданный всѣмъ идеямъ той великой эпохи, которая въ началѣ царствованія Александра II дала Россіи столько дѣятелей для осуществленія великихъ реформъ того времени. Мировымъ судьей онъ оставался до закрытія этого института.

О Кишенскомъ мы уже говорили раньше. Тыртовъ, отставной гвардейскій артиллерійскій офицеръ, принадлежалъ къ числу образованныхъ людей того времени, развившихся подъ вліяніемъ Бѣлинскаго и лучшихъ умовъ его времени.

Максимовъ былъ человѣкъ средняго образованія, очень умный и крайне добродушный. Онъ довольно долго служилъ

уѣзднымъ судьей и вслѣдствіе этого хорошо зналъ законы. Живя почти постоянно въ деревнѣ, онъ былъ хорошій знатокъ народной жизни и смотрѣлъ на крестьянъ вполнѣ объективно, хотя не идеализировалъ ихъ. Дѣла онъ разбиралъ чрезвычайно оригинально: онъ умѣлъ склонять тяжущихся къ примиренію, не велъ обширныхъ протоколовъ, а только кратко записывалъ суть дѣла и рѣшенія, которыя при глубокомъ знакомствѣ его съ народомъ всегда отзывались глубокой жизненной правдой.

Слабѣе другихъ оказался мировой судья Мячковъ. Онъ воспитывался въ дворянскомъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ и былъ человѣкомъ очень начитаннымъ, но, къ сожалѣнію, по слабости характера легко подчинялся чужому вліянію, не обладая при этомъ критическимъ умомъ. Онъ выбралъ себѣ письмоводителемъ какого-то разстриженнаго діакона, прикидывавшагося народолюбцемъ, а въ сущности порядочнаго взяточника, который сумѣлъ овладѣть Мячковымъ и подчинить его своему вліянію.

Предсѣдателемъ съѣзда былъ выбранъ почетный мировой судьи Тимоѳей Николаевичъ Швейковскій. Хотя онъ и не получилъ высшаго образованія, но при своемъ свѣтломъ и широкомъ умѣ онъ такъ всесторонне развилъ себя, что его смѣло можно было поставить на одномъ уровнѣ съ самыми образованными людьми своего времени.

Судьи всѣ были проникнуты духомъ справедливости и уваженіемъ къ человѣческому достоинству. На ихъ судѣ безправный и безличный до сихъ поръ крестьянинъ впервые почувствовалъ полное признаніе его личнаго достоинства и полную равноправность; онъ шелъ къ мировому судьѣ смѣло, зная, что никакія постороннія вліянія и соображенія не поколеблютъ рѣшенія послѣдняго ни въ ту, ни въ другую сторону, что оно всегда будемъ правильно и будетъ соотвѣтствовать обстоятельствамъ дѣла. При гуманномъ и вполнѣ равноправномъ отношеніи судей ко всѣмъ тяжущимся мировой судъ сослужилъ русскому обществу великую службу въ дѣлѣ его нравственнаго воспитанія. Недаромъ до сихъ поръ, спустя много лѣтъ по уничтоженіи этого суда, слово „мировой судья“ произносится крестьяниномъ съ особымъ уваженіемъ, какъ воплощеніе идеала справедливости и законности, и понятно, что судъ этотъ возбудилъ противъ себя страстные порывы негодованія въ ретроградной части публики, стоявшей на почвѣ крѣпостного права и сословныхъ предразсудковъ, и на него же были направлены

первые удары усилившейся впослѣдствіи реакціи нашихъ лже-консерваторовъ.

Мировые судьи перваго избранія служили довольно долго, за исключеніемъ Мячкова, участокъ котораго на второе трехлѣтіе былъ закрытъ, въ виду малочисленности дѣлъ, и былъ раздѣленъ между другими участками.

Такую же великую службу сослужилъ русскому обществу, въ особенности судъ присяжныхъ. Когда еще обсуждался проектъ судебныхъ уставовъ, В. Д. Спасовичъ въ одной статьѣ высказалъ свои сомнѣнія въ возможности введенія у насъ суда присяжныхъ. Ему казалось, что крестьяне, едва вышедшіе изъ зависимости, безличные и безправные до того времени, едва-ли будутъ въ состояніи проникнуться полнымъ сознаніемъ высокаго общественнаго значенія этого суда. Но дѣйствительность превзошла самыя широкія ожиданія; судъ присяжныхъ сразу сталъ на соотвѣтствующую ему высоту, всѣ рѣшенія его отличались такой глубокой жизненной правдой, передъ которой безсильны были всѣ возраженія резонеровъ. Если иногда и бывали ошибки въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, то онѣ обусловливались не какими-либо посторонними нечистыми соображеніями, а происходили или отъ неполноты разъясненія дѣла на судѣ или отъ невполнѣ яснаго пониманія присяжными нашего судебнаго казуистическаго языка. Это былъ живой, вполнѣ народный судъ, гдѣ простой человѣкъ, не увлекаясь ни краснорѣчіемъ сторонъ, ни какимн-нибудь посторонними соображеніями, рѣшалъ дѣла изъ глубины своей совѣсти, которая всегда подсказывала ему правильное христіанское милосердное рѣшеніе. Онъ не казнилъ преступника, какъ дикаго звѣря, но проникалъ вглубь его несчастной души, часто извращенной роковымъ стеченіемъ подавляющихъ обстоятельствъ жизни.

Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ быть присяжнымъ, и я всегда поражался тѣмъ глубоко внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу и тѣмъ глубоко человѣчнымъ взглядомъ, какой высказывали при этомъ присяжные. Слушая разсужденія этихъ едва грамотныхъ людей, можно было подумать, что они знакомы съ современными научными воззрѣніями на преступленіе и преступника; а между тѣмъ эти люди, безъ сомнѣнія, не слыхали даже о существованіе юридической науки.

Къ сожалѣнію, судъ этотъ недолго существовалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя. Сначала изъяли изъ его вѣдѣнія почти всѣ дѣла о печати, за исключеніемъ дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ, а потомъ урѣзы-

вали предѣлы его компетенціи и по многимъ другимъ дѣламъ, передавъ ихъ вѣдѣнію суда съ сословными представителями. Но и въ этомъ видѣ онъ выдержалъ всѣ испытанія и вышелъ побѣдителемъ въ Муравьевской комиссіи о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ.

Въ 1870-мъ году было обнародовано городовое положеніе, но я не могу прибавить ничего своего по этому вопросу, такъ какъ лично не принималъ въ немъ участія.

Въ 1873-мъ году я оставилъ службу въ земствѣ по случаю переселенія въ Петербургъ.

Хорошее было это время для земства, о немъ я вспоминаю, какъ о лучшемъ времени своей жизни. Земство развивалось правильно органически, само изъ себя, единственно подъ контролемъ общественной гласности, безъ постороннихъ вліяній. Въ немъ начали складываться и развиваться тѣ лучшія формы гражданской общественности, которыя составляютъ силу западно-европейскихъ государствъ, и въ которыхъ свободное развитіе личности идетъ объ руку съ общественнымъ прогрессомъ.

Мы думали, что и у насъ дѣло пойдетъ тѣмъ же путемъ, и что недалеко то время, когда суровый приговоръ, произнесенный П. Я. Чаадаевымъ въ его извѣстномъ философскомъ письмѣ, отойдетъ въ область преданій. Но, увы, скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается.

Темныя силы, подавленныя реформами Александра II, мало-по-малу начали выползать наружу и подъ маской патріотизма и консерватизма вызвали реакцію, стремящуюся сломать все хорошее, что было въ этихъ реформахъ, и на мѣсто его поставить снова безжизненный формализмъ бюрократіи.

Будемъ надѣяться, что эти сѣрыя тучи только временно закрыли горизонтъ. и что если не мы, то наши дѣти увидятъ снова ясный день, который начался 19-го февраля 1861-го года.

Н. А. Романовъ.